

ИСТОРИЯ HISTORY

Абабкова Н. Н.
N. N. Ababkova

ТЕАТРЫ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА ЗАКАТЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

THEATRES OF THE SOUTHERN PART OF THE RUSSIA'S FAR EAST ON SUNSET OF THE SOVIET EPOCH

Абабкова Наталья Николаевна – соискатель кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27; 89141690995. E-mail: Ababkova70@mail.ru

Ms. Nalaliya N. Ababkova - PhD Applicant, Department of History and Archival Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur) 27, Lenin avenue; phone: 89141690995. E-mail: Ababkova70@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована деятельность дальневосточных театров во второй половине 80-х гг. XX в. В контексте государственной политики выявлены особенности развития театров в период общественной трансформации общества.

Summary. The paper deals with the analysis of activity of Far Eastern theatres in 1985-1989. In the context of the then current state policy, special characteristics of theatrical development are shown as taking place during the recent social perturbations and change.

Ключевые слова: театр, перестройка, советское общество, социалистические традиции, гастроли, репертуар, идеологическая работа, трансформация общества.

Key words: theater, perestroika, Soviet society, socialist traditions, tours, repertoire, ideological activity, social transformation.

УДК 94 (470) (571.6)

Начавшийся с середины 1980-х гг. современный этап российской истории по глубине перемен и трагизма можно соотнести с самыми драматическими историческими эпохами. Не случайно многие историки сравнивают этот период с началом XVII в., который вошел в отечественную историю как «смутное время», а также с периодом революционных потрясений 1917 г. [7, 3].

Для Дальнего Востока нашей страны это был наиболее сложный период. К середине 1980-х гг. регион подошел к полномасштабному социально-экономическому кризису, который охватил все сферы жизни дальневосточников, в том числе и его культурное развитие. Дальневосточному театру, как и всему советскому обществу, предстоял затяжной и мучительный путь трансформации.

К середине 1980-х гг. на юге Дальнего Востока СССР продолжали свою работу старейшие театры, в свое время заложившие основы традициям театральной культуры в регионе: Хабаровский театр музыкальной комедии, Приморский краевой драматический театр им. Горького, Комсомольский-на-Амуре драматический театр, Приморский краевой ТЮЗ им. Ленинского Комсомола, Хабаровский краевой театр драмы, Хабаровский краевой ТЮЗ им. Ленинского Комсомола, Приморский краевой театр кукол свою работу в качестве стационарных театров начали с середины 1920 – 1930-х гг. В связи с этим становится очевидным, что изначально дальневосточная театральная жизнь ориентировалась на создание «советского театра».

Вторая половина 1980-х гг. стала точкой отсчета в болезненном и трагичном процессе разрушения советской системы, результатом которого стал мировоззренческий вакуум 1990-х гг. После XXVII съезда КПСС, проходившего в начале 1986 г., краевым управлением культуры Хабаровского крайисполкома были разработаны мероприятия по пропаганде и реализации решений XXVII съезда КПСС в области культурного строительства. Одним из приоритетных направлений развития театрального искусства было признано следующее: «осуществить необходимую работу по обогащению краевых театров лучшими произведениями современной драматургии, всесторонне, глубоко и правдиво отображающими советскую действительность, социалистический образ жизни, способствуя формированию нового человека коммунистического общества».[4]. Данное направление было положено в основу работы большинства дальневосточных театров.

Под руководством идеологов марксизма-ленинизма по всей стране развернулись ширококомасштабные мероприятия по изучению и пропаганде основных решений XXVII съезда КПСС. Дальневосточный советский театр, как важнейший идеологический институт, сразу включился в данную работу, целью которой оставалось формирование массового сознания.

Приказом директора Хабаровского краевого драматического театра В.Ю. Погоржельского за № 67 от 17.12.85 в данном театре была создана школа коммунистического труда по курсу «Резервы экономики и бережливости в действии». Среди работников Хабаровского ТЮЗ им. Ленинского комсомола были организованы занятия партийной и комсомольской учебы: два раза в месяц – школа научного коммунизма для сотрудников с высшим образованием и два раза в месяц – школа основ марксизма-ленинизма.

Следует подчеркнуть, что работа театра неотделима от развития общества, от состояния культуры в целом. Дальневосточные театры СССР были творением советской системы, поэтому не вызывает сомнения тот факт, что за полувековое развитие они впитали сам дух эпохи, его принципы и идеалы. Участие в социалистическом соревновании оставалось актуальным и в первые годы перестройки. Помимо этого, сохранялась традиция проведения акций по сбору средств в Фонд мира, а также в помощь «развивающимся странам».

Большинство советских предприятий и организаций брали шефства над школами, детскими домами, детсадами и другими детскими учреждениями. Коллектив Хабаровского ТЮЗ имел подшефный детский дом № 1 [1]. Сотрудничество заключалось в приобщении маленьких зрителей к театру, в оказании материальной помощи данному учреждению. Такой тандем сохранялся до начала 1990-х гг., когда реалии жизни заставили сами театры искать спонсоров для своей деятельности.

Однако уже с 1986 г. в дальневосточной театральной культуре наблюдается постепенный отход от советских канонов и к концу 1980-х гг. социалистические тенденции практически были сведены к нулю. Важным аспектом в работе дальневосточных театров, как и в предшествующие годы, оставалась деятельность художественного совета, состав которого утверждался в начале календарного года на текущий театральный сезон. Как правило, он состоял из 15 – 19 человек [2]. Следует заметить, что впервые в состав художественного совета были введены представители СМИ, что делало работу художественного совета более открытой для общества. Однако в первые годы перестройки для советского театра оставался характерным контроль партийных органов, члены которых также входили в состав художественного совета.

Политика гласности и плюрализма внесла свои коррективы в деятельность совета. Все чаще наблюдались жаркие дискуссии по поводу принятия спектаклей. За редким исключением они утверждались художественным советом с массой замечаний и рекомендаций. Критичен был подход к фальшивой игре на сцене, к наигранности актеров и в связи с этим нередко были случаи неутверждения спектаклей. На одном из заседаний художественного совета Комсомольского-на-Амуре драматического театра, где обсуждался прием одного спектакля, актриса Т. Брагина, весьма критично оценив данный спектакль, сказала: «Полуфабрикат! Зачем мы тогда говорим об искусстве? Вот из чего складывается понятие провинциальный театр. Не принимать и работать! Серьезно работать!» [5]. Благодаря такому отношению к качеству спектаклей, дальневосточные театры не только нашли своего зрителя, но и в сложные кризисные времена смогли его сохранить. Более того, ни один из ведущих театров не был закрыт. Разноплановые, многожанровые, с неиссякаемой фантазией и глубокой смысловой наполненностью, они и сегодня открыты для зрителей, сочетая в своей работе традиционный опыт с новыми концепциями в театральной культуре.

Театральный репертуар традиционно рассматривался, обсуждался и принимался ежегодно на художественном совете в конце декабря каждого года. Начавшаяся перестройка резко обозначила проблему выбора репертуара. С 1985 г. наблюдается тенденция выхода из устоявшихся социалистических рамок, которые четко и жестко устанавливали тематические ограничения спектаклей для советского зрителя. Появление постановок по произведениям И. Бабеля, М. Булгакова, В. Шукшина, братьев Стругацких стало началом разрыва традиционных норм в выборе театрального репертуара. Это спектакли «Малыш» – А. и Б. Стругацких Хабаровского ТЮЗ им. Ленинского комсомола, «Айсберг Тауматы» – А. и Б. Стругацких Комсомольского-на-Амуре драматического театра, «А поутру они проснулись» – В. Шукшина и «Зойкина квартира» – М. Булгакова Хабаровского краевого театра драмы, «Бег» – М. Булгакова и «Биндюжник и король» – по рассказам И. Бабеля Приморского

краевого драматического театра им. Горького, который в 1990-е гг. стал его визитной карточкой.

Обращение к Дальневосточной тематике стало характерной особенностью театральной деятельности на юге Дальнего Востока во второй половине 1980-х гг. Тема родного края, любви к нему рассматривалась по произведениям Н. Задорнова, В. Шульжика, Н. Мирошниченко. Из аннотации к спектаклю «Амур-батюшка» заведующего литературной частью Комсомольского-на-Амуре драматического театра Т. Кузив: «Этим спектаклем по инсценировке исторического романа лауреата Государственной премии СССР Н. Задорнова 1 июня 1985 г. открывает свои гастроли Комсомольский-на-Амуре театр драмы. Поставлен спектакль в жанре народной игры, включающей в себя русские фольклорные мотивы. Яркий музыкальный спектакль рассказывает об освоении русскими крестьянами-переселенцами в XIX в. Нижнего Приамурья. Инсценировка «Амура-батюшки» передает народную героину, психологическое и этнографическое богатство романа. Спектакль поможет зрителю представить историю нашего Дальнего Востока, его сегодняшнюю жизнь». Спектакли «Амурские версты» – Н. Мирошниченко Хабаровского краевого театра драмы, «Азмун – серебряное копьё» – В. Шульжика Хабаровского ТЮЗ им. Ленинского комсомола также были посвящены теме Дальнего Востока.

В 1985 г. Советский Союз отмечал 40-летие Победы в Великой Отечественной войне. Специально к этой дате А. Дударевым была написана пьеса «Рядовые», по сюжету которой Приморским краевым драматическим театром им. Горького и Хабаровским краевым театром драмы были поставлены спектакли. Жанровая специфика Хабаровского театра музыкальной комедии осложняла поиск драматургического материала, тем не менее, к торжественной дате театр поставил пьесу Б. Рацера и В. Константинова «Восемнадцать лет». Правильно подобранные музыкальные номера, незабываемые песни В. Соловьева-Седого придали оперетте историческую окраску. Комсомольский-на-Амуре драматический театр подготовил постановки «Бранденбургские ворота» – М. Светлова, «Эшелон» – М. Рощина. К теме войны обратились и детские театры. Спектакли «Мы – были» В. Коростылёва, «Колокола Хатыни» – В. Быкова, «Третья ракета» – В. Быкова, поставленные Хабаровским ТЮЗ им. Ленинского комсомола, не оставили равнодушными ни детей, ни взрослых. Приморский краевой театр кукол на суд маленьких зрителей представил постановку «Секретный пакет» А. Колесникова.

Новая противоречивая социокультурная обстановка диктовала свои правила выживания дальневосточных театров. Низкая посещаемость «серьезного репертуара» заставляла многие театры в корне пересмотреть свой репертуар, который все чаще стал ориентироваться на зарабатывание средств. В связи с этим военная тематика спектаклей к началу 1990 гг., как бы это чудовищно не звучало, стала «неактуальной и нерентабельной». К сожалению, прошло много времени для того, чтобы общество осознало и оценило трагичность происходящего. Таким образом, во второй половине 1980-х гг. начался новый этап в истории дальневосточных театров. Провозглашенная в стране политика гласности и демократии не замедлила сказаться на появлении новых тенденций в театральном мире и, как следствие, нового репертуара. Появился так называемый «фактор зрителя», который чаще всего срабатывал не в пользу серьезного драматургического материала.

Гастроли всегда оставались неотъемлемой частью деятельности театра, показателем его успешности и популярности. Вторая половина 1980-х гг. характеризуется относительной стабильностью в данном направлении, хотя к концу 1980-х гг. наблюдается сокращение гастрольных показов и их ограничение краевыми и региональными выездами, связанными с нарастающим в стране кризисом. Гастрольная деятельность Хабаровского краевого драматического театра была успешной. В 1985 г. гастроли проходили в Кемерово, Прокопьевске, Ленинск-Кузнецком, Советской Гавани. С июля по сентябрь 1986 г. театр работал на Украине и в Приморье. В Омск и Курган гастроли были организованы летом 1987 г. В этом же году театр показал свои лучшие работы в Находке, Бикине, Биробиджане. В 1988 – 1989 гг. гастроли ограничились только Дальневосточным регионом.

Хабаровский ТЮЗ им. Ленинского комсомола также проводил активную гастрольную деятельность. В 1985 г. свои постановки «Две стрелы», «Мы – были», «Маленький спектакль на лоне природы» данный театр показал в Находке, Уссурийске и в Новокузнецке, а через год ТЮЗ посетил Комсомольск-на-Амуре. В августе того же года гастроли проходили в Улан-Удэ. С 12 по 31 мая 1987 г. с большим успехом прошли спектакли в Магаданском областном музыкально-драматическом театре имени М. Горького.

Свой 60-летний юбилей Хабаровский краевой театр музыкальной комедии в 1986 г. отметил творческим отчетом-турне в Москве, Ленинграде, городах Прибалтики.

Комсомольский-на-Амуре драматический театр активно сотрудничал с районными клубами и домами культуры. Во второй половине 1980-х гг. стало традицией выступать в поселках Горном, Таежном, Селихино, Эконь, Хурмули, Огнеупорный, Картель. Отдаленность населенных пунктов от города затрудняло посещение жителями поселков городского театра. В связи с этим, местное население, не разбалованное разнообразием культурных мероприятий на местном уровне, весьма активно посещали спектакли приезжих гастролеров. С 1 по 30 июня 1985 г. театр давал гастроли в г. Магадане. Было показано 39 спектаклей, которые посетило 15 233 зрителя. В этом же году гастроли проходили в Петропавловске, где зрителям было предложено посмотреть 58 спектаклей, которые посетили 17 100 зрителей. Комсомольский-на-Амуре драматический театр на гастролях в Улан-Удэ провел 60 спектаклей, в Иркутске – 58 спектаклей. Гастроли дальневосточных театров во второй половине 1980-х гг. проводились в период каждого театрального сезона, что позволяло говорить о стабильности их работы. Однако к 1987 г. среди театров Хабаровского края наблюдается тенденция сокращения количества театральных гастролей, особенно за пределы Дальневосточного региона. На фоне дальневосточных театров приморские коллективы смогли дольше остальных противостоять кризису. В 1989 г. краевой драматический театр им. Горького успешно гастролеровал в Чехословакии, общесоюзные и краевые выезды сохранялись вплоть до распада Советского Союза.

Важной особенностью данного периода является появление новых театров, совершенно отличных по своему жанру, режиссуре, характеру игры на сцене. Свободные от политики, они положили начало новому направлению в театральной культуре Дальневосточного региона. Одними из первых авангардных театров на Дальнем Востоке стали театр-студия «КНАМ» под руководством Т. Фроловой, молодежный театр-студия «Игра» с главным режиссером Т. Кравченко, созданные в г. Комсомольске-на-Амуре. В 1989 г. в Хабаровске были образованы театр-студия пантомимы «Триада» и театр-студия кукольных эстрадных миниатюр «Балагуры» [3] (см. прим. 1).

Развитие или упадок театра, преобладание в нем тех или иных тенденций, его роль в духовной жизни современности, безусловно, связаны с особенностями развития общества, которое через театр судит о собственной жизни, осознает ее существующие проблемы и конфликты [6]. Вторая половина 1980-х гг. стала завершающим этапом советской эпохи в СССР. Переживая кризис, страна вместе со своим преданным носителем культуры – театром – погружалась в бездну безысходности, растерянности и хаоса. Постепенно на месте уничтоженных советских идеалов и направлений в деятельности театров образовывался вакуум, который на тот момент никто не знал, чем и как заполнить. Проблема состояла не только в сохранении своего статуса и зрителя, но и в самом выживании. Театры начинают меняться. Пересматриваются репертуар, хозяйственная деятельность, привычные и казавшиеся незыблемыми вещи теряют актуальность и постепенно вытесняются более смелыми идеями. Наряду с театрами, возникшими в советский период и заложившими фундамент театральной культуры на Дальнем Востоке СССР, появились новые, альтернативные, ставшие детищем новой эпохи в истории нашего государства.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф. Р-901, оп. 1, д. 160, л. 26.
- 2 Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф. Р-1900, оп. 1, д. 161, л. 16.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф. 904, оп. 10, д. 2470, л. 212.
4. Комсомольский-на-Амуре городской архив (КНАГА), ф. 46, оп. 2, д. 228, л. 4.
5. Комсомольский-на-Амуре городской архив (КНАГА), ф. 65, оп. 1, д. 113, 40.
6. Преснякова, Л. В. Антреприза и антрепренеры на Д.В. России в конце XIX – начале XX в. //Духовное и культурное возрождение России [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://econf.rae.ru/article/4407>
7. Согрин, В. В. Политическая история современной России. 1985-2001: от Горбачева до Путина / В. В. Согрин. – М.: Весь Мир, 2001. – 272 с.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. О развитии театров на юге Дальнего Востока см., например, Абабкова, Н. Н. Театральная культура г. Комсомольска-на-Амуре в период общественной трансформации России (1988-1990 гг.) // Ученые записки КНАГТУ. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2012. – № 2. – С. 7-8.

Родригес А. М.
A. M. Rodrigues

**НАЦИОНАЛИЗМ И ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В ЕГИПТЕ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.):
«АССОЦИАЦИЯ БРАТЬЕВ-МУСУЛЬМАН» И ЕЁ ОСНОВАТЕЛЬ**

**NATIONALISM AND FUNDAMENTALISM IN EGYPT (THE FIRST HALF OF THE XX
CENTURY): THE “MUSLIM-BROTHERS” MOVEMENT AND IT’S FOUNDER**

Родригес Александр Мануэльевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Московского государственного педагогического университета (Россия, Москва); 141700, Московская область, г. Долгопрудный, ул. Советская, д. 5, кв. 26; 8 (495) 4088040.

E-mail: rodrigues@mail.mipt.ru

Mr. Alexander M. Rodrigues – Doctor of History, Professor of the Department of Modern and Contemporary History, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow); 141700, Russia, Moscow Region, Town of Dolgoprudny, 5, Sovetskaya Str., ap. 25; 8 (495) 4088040. E-mail: rodrigues@mail.mipt.ru

Аннотация. Статья посвящена итогам завершения жизненного пути Хасана аль-Банна, основателя движения «Братьев-мусульман» в Египте, радикального учения, оказывающего мощное влияние на политические, социальные и религиозные процессы во всем арабском мире.

Summary. The paper focuses on the life, work and legacy of Hasan al-Banna, the founder of the muslim brotherhood in Egypt – a radical doctrine which powerfully influences the political, social and religions development of the whole Arab world.

Ключевые слова: Египет, мусульманское сообщество, ассоциация, национализм, фундаментализм, арабский мир.

Key words: Egypt, Muslim environment, association, nationalism, fundamentalism, Arab world.

УДК 297

Обстановка конца 1920-х гг., когда в Египте возникла «Ассоциация Братьев-мусульман» характеризовалась глубокой растерянностью, охватившей весь мусульманский мир. Это был период апогея европейской колонизации на Ближнем Востоке после первой мировой войны, что совпало и с гибелью Османской империи и халифата, упраздненного в 1924 г. Ататюрком. Возникновение «Братьев-мусульман» явилось одной из форм реакции на эту растерянность. Ассоциация взяла на себя роль того самого политического «измерения» ислама, которое раньше был призван воплощать халиф.

Основателем организации был школьный учитель из города Исмаилия Хасан аль-Банна. Считается, что он с детства проявлял незаурядные способности. Аль-Банна родился в 1906 г. в деревне аль-Махмудийя к северу-западу от Каира. Его отец – шейх Ахмад Абдаррахман аль-Банна ас-Саати получил богословское образование в аль-Азхаре во времена имама Мухаммеда Абдо. В восьмилетнем возрасте Хасан аль-Банна, имевший четырех младших братьев, приступил к регулярным занятиям у шейха Махмуда Захрана, считавшегося талантливым педагогом и воспитателем.

В 1918 г. аль-Банна поступил в школу первой ступени, где примкнул к религиозной «Группе общественной этики и морали». Главную задачу члены Группы видели в борьбе с проникающим в мусульманскую среду «грехом извне», т.е. христианской проповедью западных миссионеров и их египетских приверженцев. Эта организация носила централизованный характер и отличалась жесткой дисциплиной и суровостью, хотя была представлена преимущественно подростками, почти детьми. Вскоре аль-Банна был избран её руководителем и тогда же вместе с рядом товарищей создал и возглавил по существу уже тайное общество по недопущению «запретного». Общество выявляло «нарушителей мусульманского образа жизни» и направляло им угрожающие письма. Вслед за тем вместе с товарищами по «Обществу» аль-Банна примкнул к кружку «Закра», относящемуся к суфийскому ордену «Хасафийское

Родригес А. М.

НАЦИОНАЛИЗМ И ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В ЕГИПТЕ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.):

«АССОЦИАЦИЯ БРАТЬЕВ-МУСУЛЬМАН» И ЕЁ ОСНОВАТЕЛЬ

братство».

Политические события 1919 г., обострившие чувство поправленного национального достоинства египтян, у аль-Банна вызвали возрастающее увлечение суфизмом, в частности тогда же он был принят в орден «Хасафийя» в качестве «посвященного члена» и получил право носить особую одежду ордена – чалму с кисточками и белую абу.

В 1923 г. аль-Банна поступил в каирский «Дар аль-улюм» («Обитель наук»), бывший по существу высшим учебным заведением по подготовке учителей для общеобразовательной начальной школы. Период четырехлетней учебы в Каире стал для аль-Банна временем полного душевного смятения, вызванного, по его словам, «развалом исламского общества под влиянием грубого вторжения западных идей и традиций» [3, 39-43; 6, 87-88].

После окончания «Дар аль-улюм» аль-Банна был направлен работать учителем начальной школы в Исмаилию. Там он быстро стал одним из самых видных активистов мусульманской общины города и приобрел немалый авторитет среди не только религиозных, но и светских кругов.

Сведения об организованном оформлении возглавленного им движения «Братьев-мусульман» с течением времени приобрели полуполюгендарный характер, чему во многом способствовал сам Хасан аль-Банна. По его словам непосредственным началом движения следует считать 23 марта 1928 г. – день, когда шесть рабочих с английских военных баз, расположенных в зоне Суэцкого канала, пришли к нему домой, чтобы поздравить с наступлением мусульманского праздника Ид-уль-фитр (Праздник разговения после Великого поста).

В своих воспоминаниях об основании «Братства» аль-Банна писал: «Ко мне пришли шестеро друзей – Хафиз Абдул Хамид, Ахмад аль-Хазри, Фовад Ибрахим, Абдур Рахман Хазабулла, Измаил Изз и Заки аль-Магриби. На них очень большое впечатление произвели лекции и проповеди, с которыми я выступал в Исмаилии. Они сказали: “Мы слышали вашу речь, она затронула наши души и сердца. Но мы не знаем, что нам нужно сделать, чтобы претворить все это в жизнь. Мы чувствуем отвращение к той жизни, которой живем, поскольку мы живем в рабстве и унижении. Вы говорите, что арабы и мусульмане не пользуются уважением в нашей стране...

Мы твердо убеждены в правоте нашей веры, у нас есть чувство собственного достоинства... Вы знаете лучше, чем мы, как служить исламу, мусульманской умме и нашей стране. Мы пришли к вам, чтобы отдать все, что у нас есть, с тем чтобы мы исполнили наш долг по отношению к Аллаху. Мы хотим, чтобы Вы стали нашим лидером...”

Меня глубоко тронули эти искренние слова. Я не мог не оправдать их надежд и не взять на себя ответственность. Но ведь я и сам к этому стремился. Я был очень взволнован и сказал им: “пусть Аллах услышит наши молитвы и благословит все наши начинания. Пусть Аллах даст вам силы, для того чтобы вы могли совершать благородные поступки, добиваться его снисхождения и служить мусульманской умме. Наш долг упорно трудиться, с тем чтобы Аллах мог воспользоваться результатами нашего труда. Давайте же дадим Аллаху обещание, что станем воинами ислама. Выполнение этой миссии обеспечит процветание нашей нации”.

Затем мы все присягнули на верность нашему делу. Один из товарищей поднялся и сказал: “как мы будем называть себя? Назовем ли нашу организацию обществом, клубом, религиозной сектой или ассоциацией?” Я ответил: “Мы не будем придумывать себе никаких имён. Не стоит заботиться о внешней стороне дела или слепо следовать традициям... Мы объединены для того, чтобы служить делу ислама, а значит, мы братья и будем называться «Аль-Ихван аль-Муслимун» [2, 114-116].

Стоит сказать о том, что для биографий многих крупных мусульманских проповедников или лидеров, характерны прямые или косвенные «совпадения» многих сторон их жизни с жизнью пророка Мухаммеда. Зарождение движения «Братьев-мусульман», сопровождаемое клятвой на верность Хасану аль-Банне и исламу, так или иначе вызывает ассоциации со временами Мухаммеда, когда последователи пророка приходили к нему, чтобы дать клятву. Кроме того, Хасан аль-Банна всегда подчеркивал, что название движения родилось как бы само собой: пришедшие к нему друзья не знали, как его назвать, и он, сказав об их общем деле – служении исламу, придумал название «Братья-мусульмане». Если обратиться к тексту Корана, то можно сделать вывод о том, что история с названием организации является прямым воспроизведением коранической формулы «во истину уверовавшие – братья» [1].

Первоочередной задачей ассоциации «Братьев-мусульман» была борьба против светской конституции Египта, утвержденной в 1923 г. с целью создания исламского общества по образцу того, что было основано на Аравийском полуострове ваххабитами. «Братья-мусульмане» намеревались стать полумонашеским братством, проповедующим возвращение к строгим ценностям фундаментального ислама параллельно с ведением борьбы с правитель-

ством короля Ахмеда-Фуада.

Другой задачей, вставшей перед Хасаном аль-Банной после возникновения «Братства», стало увеличение численного состава ассоциации и расширение ее географических рамок. Он и его ближайшие сподвижники выступали с проповедями и лекциями в мечетях и на самых различных общественных собраниях, не ограничиваясь одной только Исмаилией, но охватывая и сопредельные с нею районы и области. Их активность в мечетях обеспечивала им хорошую репутацию и сочувственное отношение среди самых широких слоев населения, а прямые многочисленные контакты с людьми в кофейнях, клубах, частных домах позволяли рекрутировать в свои ряды все новых и новых приверженцев, большинство из которых подпадало под сильнейшее воздействие личности самого Хасана аль-Банны и искренне готово было следовать буквально каждому его слову.

Организация «Братьев-мусульман» «... обладала популистской привлекательностью для широких масс и особенно среднего класса своей антизападной направленностью, группа защищала традиционные законы ислама и не стремилась примирить их с западными идеями; братство имело социальную программу, ориентированную на бедноту и мелкую буржуазию. Согласно этой программе, ислам являлся лучшим средством для решения жизненно важных проблем, чем западный капитализм или западный социализм; группа не отвергала насилия, если оно помогало решать важные задачи; братство рассматривало исламское сопротивление как единственное и лучшее средство противостояния англичанам в Египте и сионистам в Палестине» [7, 68].

Первый период деятельности ассоциации называют просветительским или «хождением в народ»: бесчисленные речи, проповеди и выступления везде, где только представлялась хоть какая-то возможность. Деятельность движения нашла одобрение и поддержку ректора аль-Азхара Мухаммеда Мустафы аль-Мараги, что обеспечило ассоциации стремительное утверждение в обществе. За неполных четыре года с момента основания «Братьев-мусульман» отделения ассоциации были созданы на всем протяжении восточного побережья Дельты – наряду с Исмаилией они возникли еще в Порт-Саиде, Суэце, Абу-Сувейре, а также на западной стороне – в Шубра-Ките и в других местах – всего десять отделений.

В адрес «Братства» рос поток финансовых и материальных пожертвований, размеры которых были достаточно велики для того, чтобы строить мечети, школы, клубы и даже небольшие производственные предприятия. Источники финансирования «Братьев-мусульман» проливают свет на некоторые малоизвестные аспекты их деятельности и социальный статус. Будучи по составу мелкобуржуазной, организация находилась лишь в кратковременном союзе с национальной египетской буржуазией [4, 250].

Одно из первых поступлений в 50 тыс. египетских фунтов было представлено правлением компании Суэцкого канала, не принадлежащей Египту. При этом ряд руководителей «Братства» выступали против того, чтобы принимать деньги от колониальных властей. Однако аль-Банна настоял на том, чтобы не отказываться от пожертвования, мотивируя, впрочем, тем, что доходы от канала должны по праву принадлежать мусульманам [4, 250].

Надо отметить, что египетские исследователи не придают подобным фактам существенного значения. Они утверждают, что ассоциация имела собственные источники финансирования своей деятельности и это в первую очередь ряд египетских акционерных обществ. Среди них выделяют рекламное агентство и агентство новостей с капиталом в 60 тыс. египетских фунтов. Подчеркивается, что эти и другие акционерные общества и компании создавались, используя не только взносы рядовых мусульман, принадлежащих среднему и низшему сословию. В качестве спонсоров выступали как местная буржуазия и землевладельцы, так и западные монополии, преследуя и экономические, и политические цели. Контакты с английской администрацией и королями Египта Фуадом (1917-1936) и Фаруком (1936-1952) происходили на почве борьбы против левых и демократических сил, в том числе и партии Вафд. В частности, «Братьям» единственной из всех организаций было разрешено посещать армейские гарнизоны и вести пропаганду среди солдат и офицеров. В данном случае они вносили серьезный раскол в антиколониальное движение, получая за это немалые дивиденды.

В 1934 г. начинается новый этап деятельности «Братьев-мусульман». Хасан аль-Банна и центр ассоциации перемещаются в Каир. Это способствовало быстрому росту организации: если в 1932 г. существовало 15 отделений по стране, то в 1936 г. уже 50. В 1936 г. аль-Банна послал королю Фуаду и его премьер-министру Мустафе Наххасу и главам всех арабских государств письмо, в котором впервые сформулировал идеи «Братства». Это письмо известно под названием «Нехван ан-Нур» («К свету»). Позже в 1936 г. в дни восшествия на престол короля Фарука члены организации собрались у ворот Абидинского дворца и, используя при-

Родригес А. М.

НАЦИОНАЛИЗМ И ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В ЕГИПТЕ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.):

«АССОЦИАЦИЯ БРАТЬЕВ-МУСУЛЬМАН» И ЕЁ ОСНОВАТЕЛЬ

несение клятвы верности, представили союз королю.

Непосредственное участие в политической жизни страны обычно связывают со статьей аль-Банна в журнале «ан-Назир» в 1938 г. Он объявлял, что организация «...переходит от чисто словесного призыва к словесному призыву, подкрепленному борьбой и делами». На пятой генеральной конференции 1939 г. аль-Банна, во-первых, определил «Братство» как «послание Салафии, суннитский путь, суфийскую истину, политическую организацию, ... экономическую компанию и общественную мысль», а, во-вторых, заявил, что ассоциация вступила во второй этап своего развития [5, 27].

Это нашло подкрепление в бурном росте организации. В Египте к этому времени насчитывалось уже 600 филиалов организации, открытых в Халебе, Дамаске, Бейруте, был установлен контакт с Иерусалимом Хадж Амином Хусейни и организована финансовая поддержка национально-освободительной борьбе палестинских арабов. Впрочем, это вызвало первый раскол в организации. Небольшая группа во главе с редактором журнала «Ан-Назир» Махмудом Абу Зейдом вышла из «Братства» и создала свою организацию «Общество господина нашего Мухаммеда» [8, 182-183].

К тому же времени относятся и первые контакты ассоциации с организацией «Свободные офицеры». Причем посредником в этих контактах был будущий второй президент Египта Анвар Садат.

В период второй мировой войны «Братья-мусульмане» проводили антианглийскую агитацию, что позволило правительству применить к ассоциации санкции военного времени: в мае 1941 г. аль-Банна и его заместитель были высланы из Каира. В сентябре они вернулись в Каир, но вскоре были арестованы за участие в антианглийских демонстрациях. Эти репрессивные меры были первыми в истории «Братства».

Этот этап в развитии «Братьев-мусульман» был определен ими как «михна» («испытание в вере»). Помимо первых арестов (арестованные были освобождены в октябре 1941 г.) было запрещено упоминать о «Братях-мусульманах» в прессе, были закрыты журналы в ассоциации – «Ат-Тааруф», «Аш-Шура», «Аль-Манкр».

В первые послевоенные годы борьба ассоциации против английской оккупации состояла, прежде всего, в ведении кампании против всего английского. Но еще важнее то, что в эти годы «Братья» начали применять индивидуальный террор против египетских политических деятелей, обвинявшихся ими в англофильстве.

В 1948 г. борьба ассоциации за власть достигла пика. В тот год многие члены организации были арестованы. Полиция систематически находила принадлежащие им склады с оружием, выяснялась их причастность ко многим убийствам и поджогам. След «Братьев» обнаружился в Йемене, где был совершен государственный переворот. С началом Палестинской войны «Братья» непосредственно участвовали в военных действиях.

В ноябре 1948 г. террористическая деятельность организации приобрела такой размах, что король и члены кабинета министров не появлялись в общественных местах. В октябре в Египте было введено чрезвычайное положение, а в конце ноября власти издали указ о закрытии филиалов ассоциации в Исмаилии и Порт-Саиде. Собрания и пропагандистская деятельность «Братьев» была запрещена. Фактически между «Братями-мусульманами» и властями началась война, в которой «Братья» применили методы террора. В декабре ими был убит начальник каирской полиции Селим Заки, а после запрещения ассоциации с полной конфискацией имущества – сам премьер-министр Нукраши. В последних своих работах «Байан ли н-Нас» («Обращение к народу») и «Кауль фасл» («Решающее слово») аль-Банна отрицал все обвинения, предъявляемые ассоциации, во всем обвинял международный сионизм, но примирение с властями не состоялось.

12 февраля 1949 г. при выходе из здания ассоциации молодых мусульман Хасан аль-Банна был застрелен людьми из охраны короля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коран, Сура 49 – «Комнаты», аят 10.
2. Парфрей, А. Аллах не любит Америку /А. Парфрей. – М., 2003.
3. Аль-Алим Махмуд Аминю Аль-Ваи ва аль-ваи аз-заиф фи-ль-фикр аль-араби аль-муасир. (Борцы и создатели арабской общественной мысли). Каир. 1986. (на араб.).
4. Зикра С.б. Аль-Ихван аль-муслиман. (Братья-мусульмане). Каир, 1979. (на араб.).
5. Al-Banna Hasan. Five tracts of Hasan al-Banna. Berkley. 1975.
6. Al-Banna Hasan. Message of the teaching. Cairo, 1978.
7. Kheddy, N.D. Islamic revival in the Middle East: a comparison of Iran and Egypt / N.D. Kheddy //Arab society continuity and change. L., 1985.
8. Mitchell, R. The society of the Muslim Brothers / R.Mitchell. L., 1969.

Платонова Н. М.
N. M. Platonova

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА (1965 – 1985 гг.)**

**GOVERNMENTAL STRATEGY FOR A COMPREHENSIVE DEVELOPMENT
OF THE FAR EASTERN REGION OF THE RSFSR: ECONOMIC THEORY
AND HISTORICAL REALITY (1965 – 1985)**

Платонова Нонна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск). E-mail: nonnaplaton@mail.ru.

Ms. Nonna M. Platonova – PhD in Historical Studies, Associate Professor, Department of the Theory and History of State and Law, the Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk). E-mail: nonnaplaton@mail.ru.

Аннотация. В статье раскрываются основные этапы разработки государственной программы комплексного развития Дальневосточного региона, которой занимался Совет по изучению производительных сил. Освещены теоретические положения и исторические последствия её реализации на Дальнем Востоке страны.

Summary. The paper describes basic steps of designing a governmental program for the comprehensive development of the Far Eastern region, of which the Council for the Study of Productive Forces was in charge. Theoretical premises and historical consequences of this plan's implementation in the Far East of the country are highlighted.

Ключевые слова: экономическая стратегия, ресурсы, промышленный комплекс, трудовой потенциал.

Key words: economic strategy, resources, industrial complex, labor potential.

УДК 338(571.6)

Исторически Дальний Восток занимает особое положение в народнохозяйственном комплексе Российской Федерации, отличаясь от других регионов значительным пространственным и ресурсным потенциалами. Именно эта концептуальная парадигма на протяжении длительного времени определяет сущность государственного стратегического планирования, т.е. разработку комплексных долгосрочных программ социально-экономического развития дальневосточных территорий. Неотъемлемой частью стратегии являются такие факторы, как низкая плотность населения, слабая инфраструктура, географическая отдалённость от центральных районов России и близость к динамично развивающимся странам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В комплексном взаимодействии, подчёркивая региональную специфику, они отображают политические и экономические интересы государства в перспективном поступательном развитии российского Дальнего Востока.

Во второй половине XX в. одним из важных направлений государственной экономической стратегии являлось решение вопросов ускоренного освоения природных богатств Сибири и Дальнего Востока, развития его производительных сил и последовательного усиления промышленного и военного потенциала [18, 68]. Устойчивый научно-прогностический интерес к ним был связан с теми изменениями, которые происходили в общественно-политической жизни страны, где в 1964 г. было сформировано новое «коллективное руководство», возглавляемое первым секретарём ЦК КПСС Л.И. Брежневым. Осознание нарастающих проблем, связанных с неэффективностью плановой советской экономики, подтолкнуло

Платонова Н. М.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР:

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА (1965 – 1985 гг.)

нуло руководство страны к попыткам экономических преобразований. На сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС были приняты основные положения хозяйственной реформы, инициированной председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным. Одновременно начался процесс возвращения к отраслевому принципу руководства экономикой. Поскольку в это время развитие государственного народнохозяйственного комплекса осуществлялось преимущественно экстенсивным путём, то в центре внимания оказался экономический потенциал восточных территорий страны.

Научным исследованием этих вопросов занимался Совет по изучению производительных сил (СОПС) Госплана и Академии наук СССР, председателем которого был академик, макроэкономист, регионалист, один из создателей экономико-математической школы В.С. Немчинов. Ещё в конце 1950-х гг. СОПС приступил к разработке территориального стратегического планирования народного хозяйства, используя накопленную обширную информацию о восточных территориях страны и работая в тесном контакте с научными институтами республик и регионов. Основные направления стратегии ориентировались на разработку теоретических и методологических основ региональной экономики, генеральных схем развития и размещения производства. Экономические труды СОПС представляли собой научные прогнозы перспектив рационального использования природных и трудовых ресурсов, а также комплексного развития всего Дальневосточного региона [19, 31, 8].

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что именно в это время в научных кругах активно обсуждались две концепции развития производительных сил Дальнего Востока. Первая базировалась на процессе совершенствования и усиления роли региона в межрайонном разделении труда, исходя из потребностей внутреннего рынка [9, 232]. Вторая была разработана В.С. Немчиновым, который утверждал, что «в генеральной перспективе Дальний Восток может представлять собой крупную советскую экспортно-импортную базу. Выступая в качестве приоритетного направления хозяйственной специализации, экспортная ориентация отдельных отраслей промышленности способствует широкому выходу региона на международный рынок» [11, 3]. Безусловно, что в рассматриваемый хронологический период стратегическое планирование осуществлялось с учётом политической воли руководителей советского государства. Академик А.Г. Гранберг отмечал в своей статье, посвящённой 90-летию СОПС: «Совет не всегда последовательно осуществлял курс на социально-экономико-экологическую гармонизацию размещения производительных сил. Бывало, он не выдерживал нажима региональных партийных органов и отраслевых министерств при вынесении решения о строительстве и размещении спорных объектов. Общей бедой регионалистов было сопротивление имевших огромную силу министерств и ведомств, а нередко и амбициозных местных руководителей научным рекомендациям по комплексному использованию ресурсов и размещению производства» [7, 562]. В итоге на практике данная концепция не получила дальнейшего самостоятельного развития, оставаясь лишь составной частью программы Совета, а широкое распространение и применение приобрело первое направление.

По мнению СОПС, разнообразие и богатство природных условий восточных территорий, в сочетании с особенностями географического положения, определяли ряд позитивных тенденций в динамике промышленного комплекса и форсированном освоении и развитии ресурсодобывающих и перерабатывающих отраслей хозяйства Дальневосточного экономического района (ДВЭР), приобретая долговременный характер. Например, регион обладал широким спектром природных ресурсов, дефицитных в других районах страны (олово – свыше 80 % запасов СССР, алмазы – около 100 %, золото – 27 % и др.), а также ресурсами, которые имелись в избытке (лес, железная руда, уголь, гидроэнергоресурсы и т.д.) [20]. Другая тенденция комплексного развития была ориентирована на производство экспортной продукции: лес и продукты лесопереработки, коксующиеся угли, концентраты железных руд, нефть, газ, электроэнергия, рыбопродукция и морепродукты и др. Таким образом, доминировавшим направлением развития хозяйства стало обеспечение потребностей страны в уникальной продукции базовых отраслей индустрии Дальнего Востока, использовавших высокоэффективные природные ресурсы. Именно оно было положено в основу концепции комплексности региональной экономики. Вопросы, связанные с формированием вспомогательных производств и структур, развитием перерабатывающих отраслей промышленного комплекса, способных обеспечивать динамичное формирование социально-экономической сферы в условиях максимальной удалённости региона от основных экономических центров

страны, занимали второстепенное положение. Впоследствии научные выводы СОПСа нашли своё отражение в «Директивах XXIII съезда КПСС по развитию народного хозяйства на 1966 – 1970 гг.» и постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 638 «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» от 8 июля 1967 г. В этих документах особое значение придавалось главной идее масштабного освоения богатств Сибири и Дальнего Востока, комплексного развития производительных сил региона и наращивания его промышленной мощности [22, 474]. Перед партийными и советскими руководителями краёв и областей региона были поставлены задачи, связанные со строительством новых и реконструкцией действовавших промышленных предприятий, проведением технической реорганизации и механизации ряда производственных процессов, увеличением выпуска товарной продукции, привлечением и закреплением трудовых ресурсов и др.

Анализ архивных документов свидетельствует, что в рамках реализации государственной стратегии, именно с 1965 по 1985 гг. была проведена крупномасштабная работа, связанная с созданием на Дальнем Востоке мощной индустриальной основы. Всего за эти 20 лет было построено около 500 промышленных предприятий. Среди них были крупнейшие промышленные новостройки (Амурский целлюлозно-картонный комбинат, Эльбанский механический завод, Приморская ГРЭС, Солнечный горно-обогатительный комбинат, др.). Рационально учитывая рекомендации Совета, центральные министерства и ведомства увеличивали и централизованное финансирование базовых отраслей дальневосточной индустрии. Если в VIII пятилетке (1966–1970 гг.) капиталовложения в развитие рыбной промышленности составляли 302 млн р., в IX пятилетке (1971–1975 гг.) они достигли 342 млн р. [13, 4] Для развития материально-технической базы Дальневосточного рыбопромышленного бассейна в период с 1966 по 1970 гг. государство выделило 831 млн р., с 1976 по 1980 гг. – 2 млрд р. [2, 135] В целом за 1970–1985 гг. на экономическое и социальное развитие восточных территорий было направлено более 64 млрд р. [12, 100].

Экономисты и социологи СОПСа были уверены в том, что в условиях постоянного трудодефицита на Дальнем Востоке создание специализированной техники, механизмов, адаптированных для работы в сложных природно-климатических условиях региона, особенно его северных районов, снижение трудоёмкости производства в перспективе способствуют экономии «живого труда». В этом их поддерживало руководство страны, утверждая, что задача создания и внедрения принципиально новых орудий труда и технологических процессов имеет особенно большое значение для региона, где «вложения в человека» больше, чем в других районах [1, 102]. Основные положения государственной технической политики, которые также формировались под влиянием научных рекомендаций СОПСа, были направлены на оснащение индустрии высокопроизводительным оборудованием и нашли отражение в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 368 «О мерах по дальнейшему комплексному развитию производительных сил Дальневосточного и Восточно-Сибирского экономических районов» от 25 мая 1972 г. В результате на дальневосточных предприятиях тяжёлой индустрии были достигнуты определённые положительные результаты. Так, в цехах заводов «Дальдизель» и «Энергомаш» (Хабаровск) стали внедрять фрезерные и токарные станки, осваивать и налаживать выпуск новых или усовершенствованных видов продукции. В начале 1970-х гг. на металлообрабатывающих заводах Магадана трудовые коллективы приступили к серийному производству 17 наименований нового оборудования для горно-рудной промышленности области [14, 88].

С целью улучшения труда работников золоторудной промышленности началось техническое перевооружение приисков объединения «Северовостокзолото». С 1971 по 1980 гг. в эксплуатацию были введены более 250 импортных бульдозерных агрегатов, дополнительно были получены новые мощные экскаваторы, буровые станки и автосамосвалы. На приисках комбината «Амурзолото» в 1970 гг. были смонтированы и стали действовать шесть новых крупнолитражных драг (комплексно-механизированных горно-обогатительных агрегатов), ежегодно проводилась реконструкция гидромеханических установок, совершенствовался ряд методов разведки, добычи и обработки золотосодержащих пород. В результате потери золота при извлечении породы стали снижаться, уменьшились объёмы вспомогательных работ [15, 66, 109].

Платонова Н. М.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР:

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА (1965 – 1985 гг.)

На предприятиях комбината «Дальвостуголь» к началу 1970-х гг. был полностью обновлён технический парк машин, занятых на добыче угля. Дополнительно в эксплуатацию были введены 11 мощных шагающих экскаваторов. С целью рационального использования трудовых ресурсов особое внимание хозяйственные руководители уделяли модернизации горнотранспортного оборудования, механизации вспомогательных работ и производственных процессов. Горняки Амурской области первыми в стране стали применять прогрессивный метод спаренной работы экскаваторов. Реконструкция ряда предприятий комбината позволила увеличить производственные мощности с 4,5 млн т до 7,5 млн т угля в год. Особое внимание уделялось топливной промышленности Сахалинской области, где на промышленных предприятиях индустрии было проведено 514 крупных производственных процессов по механизации и автоматизации с годовым экономическим эффектом 4,6 млн р. Улучшилась разработка и обустройство нефтяных месторождений. На эти цели было затрачено 3,5 млн р. капиталовложений [16, 106, 206].

В рыбной промышленности и судоремонте также активизировался процесс внедрения индустриальных методов ремонта судов и использования электронно-вычислительной техники для управления производством. За счёт этого основные производственные фонды судоремонтных предприятий Камчатской области увеличились на 21 %. К 1970 г. на Благовещенской судовой верфи было внедрено 282 прогрессивных технологических процесса и установлено 438 единиц нового оборудования. За 1976–1980 гг. на судах базы тралового и рыбного флота Петропавловска-Камчатского было введено почти 1,5 тыс. ед. нового оборудования, реконструированы линии и цехи на плавбазах, появились технологические линии по переработке минтая и производству консервов, выпуск которых увеличился почти в 3 раза, а пищевой продукции – на 39 % [17, 5, 120, 122].

В лёгкой промышленности Дальнего Востока РСФСР только за годы XI пятилетки (1981–1985 гг.) экономисты отмечали сдвиги в повышении качества изделий и увеличении доли новых товаров улучшенного качества. Совершенствовался производственно-технический аппарат, внедрялось новое оборудование. В производстве швейных изделий стали применять специальные швейные машины и полуавтоматы, в производстве обуви – полуавтоматические линии. За 1965–1985 гг. количество механизированных поточных линий в лёгкой промышленности увеличилось в 2,4 раза, автоматических – в 8,6 раза, комплексно-механизированных и автоматизированных участков, цехов и производств – в 6,9 раза, комплексно-механизированных и автоматизированных предприятий – в 8,7 раза [3, 79].

Как было отмечено выше, одним из генеральных направлений стратегии комплексного развития Дальнего Востока РСФСР являлось ускоренное освоение ресурсов региона с целью производства продукции на экспорт. Несмотря на то, что в условиях «холодной войны» экономическое взаимодействие с сопредельными странами АТР развивалось неравномерно, тем не менее в рассматриваемый период активно заключались различные договоры, подписывались соглашения по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, оказанию помощи при подготовке специалистов и координации деятельности морского транспорта. Особенно чётко эта позиция стала прослеживаться в «Комплексной программе развития ДВЭР на период до 1990 г.», подготовленной и разработанной СОПСом в 1975 г. Учёные отмечали, что советский Дальний Восток при наличии разнообразных природных ресурсов и выгодного геополитического положения имеет благоприятные предпосылки для создания экспортных баз и крупных предприятий внешнеэкономической ориентации. Это во многом способствовало получению кредитов для приобретения оборудования и организации технического содействия в строительстве промышленных объектов с оплатой продукцией после их ввода в эксплуатацию. Совет считал, что основными торговыми партнёрами нашей страны в бассейне Тихого океана являлись Япония, Северная Корея, Социалистическая Республика Вьетнам [21, 105].

Следует отметить, что экономическое партнёрство и взаимосвязи с этими государствами стали налаживаться ещё со второй половины 1960-х гг. Так, около 20 % предприятий промышленного комплекса Дальнего Востока работали над выполнением заказов для северного Вьетнама. Наряду с развитием экономического сотрудничества, всё больше приобретала значение и другая особенность – выпуск промышленной продукции на экспорт и её соответствие зарубежным аналогам. Например, 7 сахалинских целлюлозно-бумажных комбината регулярно экспортировали газетную бумагу в Японию, Таиланд и Индию. Рыбная промыш-

ленность Сахалинской области поставляла многие виды продуктов в Сингапур и Японию, а также во Францию и Бельгию [8, 78]. Начиная с 1965 г., хабаровский завод «Дальдизель» стал поставлять дизели на экспорт в северный Вьетнам, Румынию, Болгарию, Пакистан и Югославию. С 1967 по 1970 гг., выполняя постановление Совета Министров СССР «О плане экспорта товаров и поставок оборудования для объектов, строящихся за границей при техническом содействии Советского Союза», завод «Дальдизель» обеспечивал изготовление и поставку на экспорт дизелей, дизель-генераторов и запасных частей в страны Африки, Юго-Восточной Азии, США, Корейской Народной Демократической Республики и Монгольской Народной Республики [4, 86, 3, 96]. В этот же период хабаровский завод «Энергомаш» также активно работал над выполнением международных заказов, поставляя оборудование для шинного завода на острове Цейлон и выпуская промышленные вентиляторы для Болгарии. Всего предприятием было изготовлено 37 наименований различных механизмов [5, 6, 20, 12].

И всё же, начиная с 1960-х гг., всё острее обнаруживалось несоответствие государственной концепции комплексного развития и реальных методов хозяйствования. Диспропорции в развитии промышленного комплекса, уменьшение капиталовложений и сложности в преодолении дефицита трудового потенциала индустриальных предприятий ежегодно актуализировались. В своих научных расчётах и рекомендациях специалисты СОПСа предупреждали, что «Дальний Восток является районом пионерского освоения, в связи с чем его хозяйство характеризуется рядом особенностей, не присущих старым развитым районам» [20, 2]. Например, к их числу экономисты Совета относили единовременные и эксплуатационные издержки на производство аналогичной промышленной продукции. По сравнению с западными районами РСФСР, Уралом и Сибирью на Дальнем Востоке они были намного выше. Наличие удорожающих факторов с тенденцией их роста являлось объективным условием развития дальневосточных территорий. В 1970–1980-е гг. большинство местных руководителей всех уровней власти довольно скоро стали осознавать, что сооружение в регионе крупных промышленных предприятий было невыгодно, а их последующая эксплуатация не всегда и в короткие сроки могла окупить стоимость строительства. Тем более, что ежегодно её повышали удорожающие факторы: слабое развитие базы стройиндустрии, сложные климатические условия, удалённость от основных центров, поставлявших оборудование, повышенный коэффициент расчёта заработной платы. Например, коэффициент к стоимости строительно-монтажных работ по сравнению с европейской частью РСФСР составлял для территории Амурской области, Приморского и Хабаровского краёв – 1,35; для северных районов Хабаровского края – 1,40; для Магаданской и Камчатской областей – 1,60; для северных районов Камчатской области и Сахалина – 1,70. При этом, как правило, на практике объёмы капиталовложений были больше, чем проектные данные [6, 3]. Это подтверждали и расчёты Дальневосточного сектора СОПСа, произведённые по 20 машиностроительным предприятиям региона. Они показали, что при строительстве этих объектов превышение затрат по сравнению с центральными регионами страны составляло около 18 млн р. или почти 30 % стоимости сооружения этих заводов [6, 63]. В результате к середине 1970-х гг. темы прироста капиталовложений в экономику региона стали снижаться. Так, если в 1960-х гг. среднегодовой темп прироста составлял 8,3 %, то в 1970-х гг. – 4 %. Одна из основных причин такого снижения заключалась в том, что капиталотдача восточных территорий была на 25 % ниже, чем в целом по РСФСР [10, 66]. Одновременно увеличивалась себестоимость многих видов промышленной продукции машиностроения, рыбной, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной индустрии, чёрной металлургии, нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности.

Одним из ярких примеров может служить попытка решения вопроса о необходимости строительства на Дальнем Востоке страны крупного металлургического комбината союзного значения с законченным циклом производства. Она обозначилась ещё в начале 1970-х гг. Некоторые научные, проектные, хозяйственные и плановые организации, которые занимались изучением проблем, связанных с развитием дальневосточной металлургии, считали, что в регионе потребление металлов развивается медленнее, чем в других районах страны. Они сделали вывод о том, что в дальнейшем темпы его развития не смогут оправдать сооружение здесь крупного металлургического предприятия. В результате обсуждение данной проблемы растянулось на 20 лет, вплоть до 1990 г. Однако в дальнейшем, особенно по мере строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974–1984 гг.), развития производи-

Платонова Н. М.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР:

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА (1965 – 1985 гг.)

тельных сил ДВЭР и значительного увеличения потребности в металлопрокате вновь встал вопрос о необходимости строительства крупного металлургического предприятия. Одной из важных проблем являлся выбор района его размещения, так как незначительное расстояние от источников сырья до районов производства и потребления металла были главным условием его успешного функционирования. Обсуждалось четыре варианта возможного размещения металлургического комбината, а именно в городах: Свободный в Амурской области, Комсомольск-на-Амуре в Хабаровском крае, Чульман в Якутии и Нерчинск в Читинской области. Наибольшее преимущество было у Свободного, но реализации проекта так и не последовало. В перспективе это негативно отразилось на динамике развития машиностроения, судостроения и судоремонта, производства оборудования для горной, лесной и рыбной промышленности всего Дальнего Востока страны [21, 104].

Таким образом, исторический опыт и практика хозяйствования на Дальнем Востоке РСФСР периода 1965–1985 гг. показали, что освоение природных ресурсов восточных территорий, обеспечение устойчивого и динамичного социально-экономического развития, наличие современных производительных сил не всегда могут способствовать решению проблемы комплексного развития региона. Прежде всего, это было связано с тем, что государственная экономическая стратегия базировалась либо на значительных затратах на производство промышленной продукции, либо на её уникальности, что в итоге привело к обратному процессу. Вместо ускоренного развития рост производства в регионе стал замедляться. Новая Федеральная целевая программа правительства Российской Федерации «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.» направлена на реформирование российского промышленного производства и способна придать новый импульс развитию экономики региона. Учитывая стратегические нужды восточных территорий, необходимость использования новейшей техники и технологий, расширение инвестиций и реализация социально-экономических программ должны приобрести системный и полноценный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Еврейской автономной области (ГАЕАО), ф. 75, оп. 1, д. 1002, л. 102.
2. Государственный архив Приморского края (ГАПК), ф. П – 68, оп. 58, д. 11, л. 135.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф. Р – 137, оп. 25, д. 231, л. 79.
4. ГАХК, ф. Р – 705, оп. 1, д. 349 К, л. 86, 146. Там же, оп.1, д. 371 А, л. 3. Там же, оп. 1, д. 390, л. 96.
5. Там же, ф. Р – 1663, оп. 1, д. 1019, л. 6, 20. Там же, ф. Р – 1384, оп. 2, д. 375, л. 12.
6. Там же, ф. П – 35, оп. 96, л. д. 42, л. 3, 63.
7. Гранберг, А. Г. Предмет исследования – производительные силы России / А. Г. Гранберг // Вестник Российской Академии наук. – 2006. – Т. 76. – № 6. – С. 560-564.
8. Леонов, П. А. Область на островах. Краткий очерк истории, развития экономики и культуры, деятельности партийной организации Сахалинской области / П. А. Леонов, И. В. Панькин, И. Е. Белосусов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1979. – С. 318.
9. Межотраслевые связи и народнохозяйственные пропорции Восточной Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. Р. И. Шнипер, Л. П. Денисова. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 316.
10. Минакир, П. А. Экономическое развитие региона: программный подход / П. А. Минакир. – М.: Наука, 1983. – С. 224.
11. Немчинов, В. С. Теоретические вопросы рационального размещения производительных сил / В. С. Немчинов // Вопросы экономики. – 1961. – № 6. – С. 3-15.
12. Нестеренко, А. А. Экономика регионов российского Дальнего Востока в XX в. (промышленность, сельское хозяйство): В 2 ч. Ч. 1. Приморье, Хабаровский край и Амурская область / А. А. Нестеренко, М. М. Кулеш. – Владивосток: Изд-во ДВГАЭУ, 2000. – С. 164.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 145, д. 426, л. 4.
14. РГАСПИ, ф. 17, оп. 103, д. 611, л. 88.
15. Там же, ф. 17, оп. 145, д. 692, л. 66. Там же, ф. 17, оп. 106, д. 34, л. 109.
16. Там же, ф. 17, оп. 106, д. 34, л. 106. Там же, ф. 17, оп. 105, д. 904, л. 206.
17. Там же, ф. 17, оп. 106, д. 41, л. 5. Там же, ф. 17, оп. 150, д. 465, л. 120, 122.
18. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 399, оп. 3, т. 2, д. 720, л. 68.
19. РГАЭ, ф. 399, оп. 3, т. 3, д. 1435, л. 31. Там же, д. 1315, л. 8.
20. Там же, ф. 399, оп. 3, т. 2, д. 718, л. 1а, 2.
21. Там же, ф. 399, оп. 3, т. 3, д. 1435, л. 104 – 105.
22. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. док. за 50 лет. – М.: Политиздат, 1968. Т.6. – С. 473-486.

Юрин А. В.
A. V. Yurin

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ В РОССИИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE CIVIL DEFENCE SYSTEM IN RUSSIA IN XX – EARLY XXI C.

Юрин Антон Викторович — адъюнкт Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России; Заместитель Главного государственного инспектора г. Комсомольск-на-Амуре по пожарному надзору (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Севастопольская, 27; 8-924-227-6666. E-mail: yurin666@rambler.ru

Mr. Anton V. Yurin – Assistant Professor, St.Petersburg University of the State Fire Service under the Ministry for Emergency Situations of Russia, Deputy Chief Fire Safety Inspector for the city of Komsomolsk-on-Amur, 27, Sevastopolskaya str.; 8-924-227-6666. E-mail: yurin666@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрен исторический аспект истоков возникновения и развития гражданской обороны, обозначены этапы становления системы вплоть до настоящего времени. Определена основа модернизации гражданской обороны в современных условиях.

Summary. The paper describes the historical aspects of the origins and development of civil defense, marking its milestones till the present day. A basis for modernization of the civil defense system in today's context is proposed.

Ключевые слова: усиление инженерной защиты населения, осуществление мероприятий гражданской обороны, вооруженные конфликты.

Key words: : engineering protection enhancement, implementation of civil defense, armed conflicts.

УДК 355.58

В России особое внимание вопросам защиты населения на государственном уровне, прежде всего, при ведении военных действий, стало уделяться уже в ходе гражданской войны и особенно после ее окончания, когда авиация получила бурное развитие, стала способной наносить удары по тылам противника. Началом пути Гражданской обороны в нашей стране считается март 1918 г. Изданное Комитетом революционной обороны воззвание "К населению Петрограда и его окрестностей" устанавливало правила поведения населения в условиях воздушного нападения и явилось первым документом, определяющим мероприятия гражданской обороны. Историки определили март 1918 г. начальным этапом (первым) зарождения системы, отвечающей за защиту населения в нашей стране, содержанием которого явились революционные перемены не только в социально-политическом строе страны, но и в последовательной индустриализации и связанным с ней техническим перевооружением зарождающейся системы. Появление первых признаков военной опасности со стороны Германии повлекло за собой проведение комплекса мероприятий по организации защиты гражданского населения. На этом этапе все мероприятия ПВО и ПХО были объединены в общегосударственную систему под общим руководством Наркомата по военным и морским делам [1].

Необходимо понять объективный путь развития системы гражданской обороны от её истоков до наших дней и перспективы дальнейших преобразований. Давайте посмотрим, как появилась эта система, что привело к её созданию.

Юрин А. В.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ В РОССИИ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

Обычно мы привыкли рассматривать историю ГО, отталкиваясь от 1932 г., когда Совет Народных Комиссаров СССР 4 октября утвердил Положение о противовоздушной обороне территории СССР. С этого момента в стране начала создаваться противовоздушная оборона – предшественница системы ГО.

Еще в 1918 г., во время первой мировой войны, когда войска кайзеровской Германии в феврале начали наступление на территорию России, и потребовалось организовать защиту населения нашей страны, в Петрограде был образован Революционный комитет обороны города. Для борьбы с налетами немецкой авиации была создана противовоздушная оборона, которую возглавил нарком по военным делам Н. И. Подвойский. Другими словами, возникновение МПВО стало логическим ответом на появление новых средств нападения неприятеля в лице авиации [2].

8 марта 1918 г. Революционный комитет обороны обратился с воззванием «К населению Петрограда и его окрестностей», в котором впервые были изложены правила поведения граждан при налетах вражеских самолетов. В частности, тем, кто не имеет противогаза, предписывалось изготовить маску из 20-30 слоев марли. Перед применением маску следовало смачивать специальным раствором.

В 1925 г. Реввоенсовет СССР разработал общие принципы организации противовоздушной обороны, где определялось следующее: ПВО строится на использовании активных средств борьбы и мероприятий пассивной (местной) обороны, проводимых наркоматами, исполкомами и организациями. То есть был заложен принцип сочетания активной и пассивной противовоздушной обороны. Очень важно и то, что к этому привлекались местные органы власти и организации.

Очередным шагом стало установление зонального принципа осуществления таких мероприятий: территория страны подразделялась на приграничную (угрожаемую) зону и тыл. По данному вопросу было издано постановление Совета труда и обороны в 1927 г. «Об организации воздушно-химической обороны территории Союза ССР». Оно определяло меры по усилению защиты от возможных ударов с воздуха стратегически важных районов и объектов. Исходя из этого в 1927 г. в Ленинграде были созданы первые объединенные курсы по подготовке работников воздушно-химической обороны. В следующем году такие же курсы появились в других административно-политических центрах.

В 1928 г. было введено в действие первое Положение о противовоздушной обороне СССР. В нем указывалось, что ПВО предназначается для защиты страны от нападения противника с воздуха и осуществляется силами и средствами военных и гражданских ведомств, а также общественных организаций.

Итак, к началу 30-х годов прошлого века проблемы противовоздушной обороны приобрели общегосударственное значение. Вместе с тем она еще не стала самостоятельной службой. Шли как бы поиски будущей структуры. Многие меры, как мы могли заметить, предпринимались впервые.

Таким образом, к началу 30-х гг. XX в. уже были созданы необходимые условия для законодательного оформления местной противовоздушной обороны в самостоятельную государственную систему, для её перехода к новому этапу развития.

И такой акт состоялся: как уже было сказано, 4 октября 1932 г. Совнарком СССР утвердил Положение о противовоздушной обороне территории СССР которое формально и закрепило создание местной ПВО. Положение предусматривало основные мероприятия МПВО подразделять на подготовительные и боевые. Создавались соответствующие материальные и технические резервы на случай чрезвычайных обстоятельств и т. д., была сформирована достаточно мощная группировка войск ГО. Объекты народного хозяйства и службы ГО обладали боеспособными формированиями различного назначения, возможности которых проверялись в ходе учений и тренировок.

Все это обеспечивало высокую постоянную готовность Гражданской обороны СССР к решению возложенных на нее задач. Не случайно, по свидетельству последнего её начальника генерал-лейтенанта Н.Н. Долгина, система ГО нашей страны была в 70-80-е гг. лучшей в мире. И она в немалой степени являлась сдерживающим фактором перед происками международного империализма, строившего свои агрессивные планы в тот период, в том числе с возможным применением оружия массового поражения.

К слову, потому и была названа система гражданской обороной, ибо призвана она была защищать население и объекты народного хозяйства в условиях нападения вероятного

противника не только с воздуха, но и при любом другом способе применения современного для той поры оружия, да и не только оружия. Как известно, силы ГО уже с начала 70-х гг. успешно использовались для борьбы с лесными и торфяными пожарами, спасали людей и материальные ценности при наводнениях, а также крупных техногенных авариях [3].

В настоящее время гражданская оборона находится на пороге нового этапа развития. Время диктует свое, и от этого никуда не уйти. А система ГО останется в качестве основы новой системы – гражданской защиты.

С созданием этой системы, что предусматривается законодательно и директивно оформить до 2014 г., в стране появится Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС). Думается, она вберет в себя все ценное, полезное, непреходящее, что было наработано за период деятельности гражданской обороны. Нельзя допустить, чтобы «вместе с водой выплеснули и ребенка». Увы, в нормотворческом процессе подчас так случается. В частности, многие практические работники ГО-РСЧС предлагают вернуть в обиход должности начальников ГО (ГЗ) на время выполнения соответствующими руководителями функциональных обязанностей в условиях ЧС. Немало также сторонников того, чтобы «восстановить в правах» службы ГО (ГЗ).

В результате целенаправленного реформирования были значительно укреплены силы системы, созданы эффективные профессиональные мобильные подразделения центрального и регионального подчинения. Таким образом, гражданская защита – это продолжение гражданской обороны, но со своими характерными чертами, поскольку будет существовать на новом этапе жизнедеятельности государства.

Значительно вырос профессионализм спасателей [4]. Радикально улучшилось техническое оснащение сил. На базе войск гражданской обороны были сформированы группировки сил, заблаговременно нацеленные на возможный фронт аварийно-спасательных работ в мирное и военное время. На всех уровнях созданы резервы материальных ресурсов на случай чрезвычайных ситуаций. Решается вопрос о распределении финансовой и материальной ответственности при чрезвычайных ситуациях между уровнями государственной власти, органами местного самоуправления. Развернуто широкое международное сотрудничество в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на двусторонней и многосторонней основе. РСЧС высокими темпами интегрируется в мировое аварийно-спасательное сообщество, активность и успехи на международной арене снискали ей значительный авторитет.

В недалеком будущем ГО, как и вся оборона страны, будет строиться по принципу стратегической мобильности. Всё: промышленность, сельское хозяйство, органы управления – должно быть готово к быстрому переходу на работу по планам военного времени. В перспективе ГО, видимо, примет характер больше территориальный, чем ведомственный (производственный). Каждый регион станет более самостоятельным и будет решать задачи, как правило, своими силами.

Все более важным становится обеспечение безопасности жизнедеятельности населения в ЧС. Ранее этому практически не уделяли внимания, считали, что люди в любых трудных ситуациях сами как-нибудь устроятся [5]. На деле оказалось, что без помощи федеральных и местных органов власти им просто не выжить. Все крупные ЧС последних лет являются убедительным подтверждением сказанному: землетрясение в Нефтегорске, наводнения в Якутии, Великом Устюге, Республике Коми, на Северном Кавказе, прорывы дамб и плотин, оползни, бури и ураганы, лесные пожары.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимиров, В. А. От МПВО к гражданской обороне. Страницы из истории / В. А. Владимиров, Н. Н. Долгин, Ф. Г. Маланичев. – М.: Ин-октаво, 2004. – 352 с.
2. Организация и ведение гражданской обороны и защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: учеб. пособие / под общ. ред. Г. Н. Кириллова. – 6-е изд., пересм. – М.: Институт риска и безопасности, 2010. – 536 с.
3. Проблемы развития и совершенствования гражданской обороны Российской Федерации в современных условиях: сборник материалов Всероссийской конференции, 8-9 апреля 2004 г. – М.: ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2004.
4. Щаблов, Н. Н. История гражданской обороны / Н. Н. Щаблов. – М.: Стройиздат, 2011. – 243 с.
5. Обеспечение населения защитными сооружениями гражданской обороны / под общ. ред. П.В. Плата; МЧС России. – М.: Деловой экспресс, 2007. – 272 с.

Шунейко А. А.

ЧЛЕНСТВО РОССИИ В АТЭС И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Шунейко А. А.

A. A. Shuneyko

ЧЛЕНСТВО РОССИИ В АТЭС И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

RUSSIA'S MEMBERSHIP IN APEC AND HUMAN CAPITAL ASSETS

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27; 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: alexandr-shuneyko@ya.ru

Аннотация. В статье дано определение экономического понятия «человеческий капитал». Указаны и проанализированы документы АТЭС, в которых обращается внимание на необходимость развития и совершенствования человеческого капитала в странах – членах АТЭС, преимущественно, в Российской Федерации. Статья раскрывает характер и возможности перспективного взаимодействия Российской Федерации и АТЭС в аспекте человеческого капитала.

Summary. The paper proposes a definition for the “human capital asset” term taken from the economic theory. APEC documents are reviewed and analyzed highlighting the necessity for development and enhancement of human capital assets in APEC countries, including Russia. The paper also considers the nature and perspectives of APEC-Russia's cooperation on human capital issues.

Ключевые слова: Российская Федерация, АТЭС, человеческий капитал, сотрудничество.

Key words: Russian Federation, APEC, human capital, cooperation.

УДК 94

Научные исследования проведены при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по проекту соглашения №14.В37.21.0958

The study has been financially supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as part of the Federal Special Purpose Program “Scientific and University Personnel of the New Innovative Russia”, 2009 – 2013, under draft contract No. 14.V37.21.0958.

Человеческий капитал – экономический термин, который обозначает понятие, связывающее воедино потенциал конкретной личности (группы) и их способность приносить определенный доход, занимать определенное место в общей экономической системе, оказывать влияние на эту систему [Ср.: 1; 2].

АТЭС в своих документах прямо и опосредованно постоянно обращает внимание на человеческий капитал. Показателен в этом отношении доклад Джона Маккея «АТЭС индивидуальный план действий коллегияльного обзора России» [5], представленный на саммите АТЭС 2009 года в Сингапуре.

В докладе неоднократно акцентировано, что в России очень низкая по меркам современной экономики продолжительность жизни, которая приводит к спаду численности населения. Указывается на необходимость сбалансировать численность и повысить среднюю продолжительность жизни, преодолеть неравенство в доходах, прямо отмечается потребность улучшения качества человеческого капитала в целом: «Производственные помещения должны быть модернизированы, качество человеческого капитала увеличено и управленческие навыки улучшены» [5].

Как видим, задачи структурного и качественного изменения человеческого капитала ставились АТЭС перед Россией в индивидуальном плане. Изменились ли эти задачи на настоящий день, стали ли они менее острыми?

2 – 9 сентября 2012 г. во Владивостоке прошла 20-я встреча стран – участниц АТЭС. Практически все документы, резюмирующие итоги этой встречи, затрагивают проблемы человеческого капитала. Например: Приложение D «Promoting Cross-Border Education Cooperation» к Декларации акцентирует внимание на вопросах трансграничного образования;

рекомендации Делового консультативного совета включают в себя вопросы развития участия женщин в экономике; декларация Молодежного форума АТЭС затрагивает темы создания условий для приобретения населением Азиатско-Тихоокеанского региона знаний и навыков, необходимых в XXI в. и т. д. Обратимся к одному из документов, определяющих отношение АТЭС к человеческому капиталу.

6 сентября 2012 г. в рамках саммита АТЭС-2012 прошло совместное заседание министров экономик стран – участниц АТЭС. По итогам этого заседания был принят документ: «2012 APEC Ministerial Meeting» [3]. В документе оцениваются и обозначаются приоритетные направления экономического развития. Это совместное заявление сопровождается пятью приложениями. Пятое приложение E называется «Investing in Human Capital» – «Инвестиции в человеческий капитал» [3].

Сам факт приёма этого документа свидетельствует о многом. В частности, о том, что АТЭС продолжает уделять большое внимание гуманитарным вопросам, что они воспринимаются в единстве с экономическими. Необходимость специального приложения, акцентирующего внимание на человеческом капитале, свидетельствует о том, что в этой области далеко не всё благополучно, то есть странам-участницам необходимо затратить определенные усилия для реализации поставленных задач.

Рассмотрим, на какие позиции обращено внимание в документе. Основной его пафос в том, что инновационная экономика требует инвестиций в человеческий капитал и определяются четыре направления, на которых необходимо сосредоточиться странам-участницам, чтобы достичь долгосрочного экономического роста.

Первое направление – образование, предполагает расширение доступа к информации, расширение сотрудничества между странами в сфере образования: «Работа по конкретной политике, в том числе в области обеспечения качества, аккредитации, мобильности студентов, исследователей и образовательных учреждений, трансграничного обмена и сбора данных, будет иметь значительное влияние на сектор образования в экономиках АТЭС и будет способствовать укреплению региональных связей и содействовать экономическому развитию на основе знаний и навыков перевода» [3].

Второе направление – здоровье, базируется на том, что здоровый человеческий потенциал – решающий фактор дальнейшего инновационного экономического роста: «Для пропаганды здорового населения очень важно поддерживать и вкладывать средства в здоровье и здоровом образе жизни на протяжении всей жизни, начиная с материнской, младенческой и детской» [3].

Третье направление – занятость и улучшения социальной защиты: «Государственно-частное партнерство имеет важное значение для обеспечения качества занятости и усиления социальной защиты» [3].

Четвертое направление – равные включения: «Препятствия, с которыми сталкиваются различные группы населения в получении доступа к капиталу и активам, рынкам и сетями, навыков и созданию потенциала, информации и образцов для подражания, обучения и технологии должны быть сведены к минимуму» [3].

Эти приоритетные направления указываются для всех стран-участниц, а следовательно, и для России. Несложно заметить, что задачи, поставленные перед Россией в 2009 г., мало чем отличаются от задач, стоящих перед ней же в 2012 г. Более того, вторые, с учетом того, что не реализованы первые, становятся сложнее. Конечно, три года – малый срок, чтобы решить эти задачи. Думается, что без создания и реализации комплексной государственной программы развития человеческого капитала этих задач не решить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопатников, Л. И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки / Л. И. Лопатников. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Дело, 2003. — 520 с.
2. Человеческий капитал // Википедия [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D7%E5%EB%EE%E2%E5%F7%E5%F1%EA%E8%E9_%EA%E0%E F%E8%F2%E0%EB
3. 2012. APEC Ministerial Meeting: Joint Statement [Электронный ресурс]. URL: <http://apec.org/Press/News-Releases/2012/~link.aspx?id=BDF5AFBEC0884FB1B5344469D7F783AE&z=z>.
4. Annex E – Investing in Human Capital [Электронный ресурс]. URL: <http://apec.org/Press/News-Releases/2012/~link.aspx?id=5E9127BB14604B99AF3183EE3EF6D785&z=z>
5. McKay J. APEC Individual Action Plan Peer Review of Russia. 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://aimp.apec.org/Documents/2009/SOM/SOM2/09_som2_010anx2.pdf

Бакалова Д.
D. Bakalova

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ МАРКЕТИНГ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

TERRITORY MARKETING AS AN ELEMENT OF THE SOCIAL KNOWLEDGE SYSTEM

Дарья Бакалова – аспирантка кафедры рекламы факультета прикладных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: daria-september@yandex.ru.

Ms. Daria Bakalova – Ph.D. Candidate, Department of Advertising, Faculty of Applied Communications, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg). E-mail: daria-september@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена основным принципам территориального маркетинга. Автором выделены основные этапы проведения работ при продвижении территории, показаны различные подходы к территориальному маркетингу в зависимости от того, кто является инициатором данной коммуникации, описаны целевые аудитории маркетинга территории, роль SWOT-анализа, а также влияние специфики территории на ее продвижение.

Summary. The paper considers basic principles of territory/place marketing. The author highlights key stages of the territory marketing process, shows different approaches to territory marketing, depending on who is the initiator of this communication, describes territory marketing's target audiences, the role of SWOT-analysis and the impact of territory-specific characteristics on promotion.

Ключевые слова: имидж территории, брендинг территории, этапы продвижения территории, SWOT-анализ территории, целевые аудитории территориального маркетинга.

Key words: territory image, territory branding, stages of territory promotion, territory SWOT-analysis, target audiences for territory marketing.

УДК 32.019.51

Территориальный маркетинг – комплекс мер, включающий в себя анализ характеристик территории, разработку стратегии продвижения и реализацию коммуникационных программ, направленных на формирование имиджа территории в глазах внутренних и внешних целевых аудиторий.

Впервые о продвижении территорий задумались в 70-е гг. XX в. Импульсом к развитию данной сферы маркетинга послужила статья Ф. Котлера и С. Леви «Broadening the Concept of Marketing», опубликованная в январе 1969 г. в журнале «Journal of marketing». Именно в ней впервые была высказана идея о необходимости более широкого понимания термина «маркетинг» и расширения списка тех сфер, в которых он может быть использован. Таким образом, появилась идея о том, что маркетинг может использоваться не только для продвижения товара, но также услуг, недвижимости, идей, проектов, технологий, организаций, персон и территорий.

Вскоре начала появляться научная литература, описывающая территориальный маркетинг. Среди основных авторов можно назвать Ф. Котлера и, конечно же, С. Анхольта, который ввел в употребление термин «брендинг территории». Саймон Анхольт является одним из крупнейших специалистов в данной сфере, за последние 12 лет он проконсультировал правительства более 40 стран по вопросам продвижения территорий. В 2005 г. им был осно-

ван журнал «Place Branding and Public Diplomacy», в котором публикуются статьи лидеров в области территориального маркетинга, а также кейсы, рассматривающие реальные примеры продвижения. К неоспоримым заслугам С. Анхольта можно также отнести создание (совместно с исследовательской компанией GFK) в том же 2005 г. трех рейтингов – Anholt Nation Brands Index, City Brands Index и State Brands Index.

Интерес к территориальному маркетингу возник в России сравнительно недавно, но он неуклонно растет. Подтверждением этому являются исследования, проводимые такими российскими учеными, как А. П. Панкрухин, А. В. Чечулин и И. Я. Рожков [1; 2; 3]. В их работах обобщены общие идеи маркетинга территорий, описаны специфические условия России, связанные с характером экономической и социально-политической среды, а также менталитетом жителей, влияющие на возможности территориального планирования и реализации программ территориального маркетинга.

Рост интереса к территориальному маркетингу связан, прежде всего, с социально-экономическими процессами, происходящими в обществе, такими как, например, рост конкуренции между территориями, безработица, рост территориального самосознания жителей, рост экономической независимости территории, внедрение методов, использующихся в бизнес-управлении, в управлении территориями и т.д.

В настоящее время многие территории (страны, города и т.д.) активно занимаются своим продвижением. Это Шотландия, Дания, Норвегия, ЮАР, Польша, Эстония, Австралия и многие другие, а также такие города, как Нью-Йорк, Лондон, Варшава, Чикаго, Копенгаген и т.д. Упрощенная схема работ, проводимых в этом направлении, выглядит следующим образом:

- целеполагание – создание стратегии развития территории;
- стратегический анализ территории – оценка преимуществ и недостатков территории;
- создание стратегии продвижения территории, формирование программы действий;
- реализация созданной ранее программы;
- оценка результатов.

Но в каждом конкретном случае мероприятия по построению бренда территории могут отличаться, так как все страны/регионы/города имеют свои специфические особенности, которые должны быть учтены.

Прежде всего, необходимо отметить, что инициатором мероприятий по продвижению территории могут выступать различные субъекты, что в дальнейшем накладывает отпечаток как на планирование, так и на реализацию программ по продвижению.

В России инициатива в подавляющем большинстве случаев исходит от органов власти, таких как, например, органы территориального самоуправления. В этом случае администрация выполняет ряд важнейших задач:

- создание стратегии развития территории;
- создание стратегии продвижения территории;
- организация и финансирование мероприятий по продвижению территории в рамках принятых стратегий, в том числе организация и финансирование рекламных кампаний;
- взаимодействие с коммуникационными агентствами;
- координация действий по продвижению территории;
- проведение маркетинговых исследований;
- оценка эффективности коммуникационных программ.

Таким образом, администрация занимается организацией, реализацией, координацией и контролем всего комплекса коммуникационных программ по продвижению территории.

Но возможен и другой вариант – инициатором могут выступать бизнес-субъекты, например, коммуникационные или рекламные агентства, организующие дискуссии на темы территориального развития в профессиональной среде, привлекая к сотрудничеству как власти, так и представителей бизнеса и общественности. В этом случае подготовка и реализация программ по продвижению территории будет выглядеть иначе.

Кем бы ни было инициировано построение бренда территории, необходимо учитывать наиболее важные факторы, на которых будут основываться программы продвижения. Для того чтобы их выявить, используются стратегический анализ территории, оценка ресурсной базы, т.е. маркетинговый SWOT-анализ, позволяющий определить сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы. По мнению Т. Моиланена и С. Раинисто [6, 27], очень важно начать именно со SWOT-анализа, так как он позволяет определить дальнейшую стратегию развития и возможности территории, а также те ценности, которые она может предложить своим целевым аудиториям.

На этом же этапе оценивается и ресурсная база аналогичных территорий-конкурентов (например, для Праги это будут Краков и Будапешт) для выявления конкурентов, а также тех особенностей, которые присущи только исследуемой нами территории.

К таким особенностям можно отнести специфику территории, которая проявляется в архитектуре, языке, истории, природе, климате, менталитете жителей, географическом положении, национальном колорите, традициях, знаменитых жителях, местных праздниках, легендах, литературных произведениях, связанных с территорией, а также наиболее известных товарах и торговых марках. Все эти факторы позволят создать неповторимый имидж, который в корне будет отличаться от имиджа других территорий. Они же в дальнейшем будут формировать глубину бренда. При этом необходимо решить, на какие основные ценности мы будем опираться при построении бренда. Это те ценности, которые позволят выделиться на фоне конкурентов и которые уже сейчас неразрывно связаны в сознании потребителей с нашей территорией. Например, таким городам, как Иерусалим, Мекка, Медина, Ватикан, Вадовице, Лурд, Сантьяго-де-Компостела, целесообразно делать ставку, прежде всего, на религиозный аспект, так как это уже заложенная в них привлекающая внимание туристов (паломников) уникальная ценность, которой нет у других территорий.

Ф. Котлер, Д. Хайдер и И. Рейн [4, 19] выделяют шесть групп целевых аудиторий, значимых при реализации программ территориального маркетинга:

- инвесторы;
- туристы;
- экспортеры;
- новые жители;
- бизнесмены;
- менеджеры компаний.

По мнению Ф. Котлера [5], маркетинг появляется там, где происходит обмен определенными благами. Поэтому очень важно сформировать привлекательность территории в глазах всех целевых аудиторий.

Инвестиционная привлекательность территории обеспечивается путем обмена между инвестором и территорией определенными ценностями и определяется выгодами, которые получают оба участника процесса. С одной стороны, инвестор получает возможность развития бизнеса на новой территории, с другой – территория начинает развиваться более динамично, что делает ее еще более привлекательной в инвестиционном плане, а также поднимает уровень жизни населения.

Что касается туристов, то целью продвижения в данном случае будет превращение потенциальных туристов в реальных и регулярных, так как турист должен не просто посетить территорию – необходимо, чтобы ему захотелось туда вернуться. По мнению польского исследователя А. Панасюка [7, 72], в контексте туризма лояльность потребителя следует понимать как положительную оценку территории и желание порекомендовать ее другим.

Нельзя забывать также и о местных жителях. Комплексный подход к продвижению территории, к созданию ее имиджа должен основываться на равновесии между действиями, направленными на внешние целевые аудитории и на внутренние, то есть на местных жителей. Они не должны противоречить друг другу и должны соответствовать общей стратегии продвижения конкретной территории. Согласно мнению еще одного польского эксперта

А. Шромника [8, 56], жители являются важнейшей целевой аудиторией, поскольку именно благодаря им возможно взаимодействие с другими целевыми аудиториями.

В XXI в. маркетинговые стратегии все активнее внедряются в различные сферы жизни и бизнеса. То же самое происходит и в случае с территориями. Необходимо отметить, что использование территориального маркетинга позволяет выстроить эффективные системы развития и продвижения страны/региона/города, поставить цели и достичь их.

Подводя итог, необходимо сказать, что при использовании принципов территориального маркетинга на практике огромную роль играют исследование и переработка успешного опыта продвижения аналогичных территорий, но при этом нельзя забывать о специфических особенностях данной территории, о том, что может сделать ее уникальной в глазах инвесторов, туристов и местных жителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панкрухин, А. П. Маркетинг территорий / А. П. Панкрухин. – СПб.: Питер, 2006. – 416 с.
2. Рожков, И. Я. Имидж России. Ресурсы. Опыт. Приоритеты / И. Я. Рожков, В. Г. Кисмерешкин. – М.: РИПОЛ классик, 2008. – 368 с.
3. Чечулин, А. В. Программы продвижения территорий в современной России / А. В. Чечулин // Малые и средние города России как проблемное поле геобрендинга. – Екатеринбург, 2011.
4. Kotler, Ph. Marketing place: Attracting Investment, Industry and Tourism to Cities, States and Nations / Ph. Kotler, D. H. Haider, I. Rein. – New York, 1993.
5. Kotler, Ph. Broadening the Concept of Marketing / Ph. Kotler, S. Levy // “Journal of Marketing”. January, 1969.
6. Moilanen, T. How to brand nations, cities and destinations / T. Moilanen, S. Rainisto. – Chippenham (UK), 2009.
7. Panasiuk, A. Marketing uslug turystycznych / A. Panasiuk. – Warszawa, 2005.
8. Szromnik, A. Marketing terytorialny. Miasto i region na rynku / A. Szromnik. – Warszawa, 2010.

Докучаев И. И.

СЕТЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП

Докучаев И. И.

I. I. Dokuchaev

СЕТЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП

NETWORK CULTURE AS A HISTORICAL TYPE OF CULTURE

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokutchayev – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Аннотация. В статье выявлены типологические характеристики культуры XXI в. Эта культура названа Сетевой культурой. Сетевая культура рассматривается как важнейший исторический тип культуры, который можно сопоставить только с Традиционной и Креативной культурами. В статье проводится сравнение Сетевой культуры с культурой Модернизма и Постмодернизма. На основе проведенных сопоставлений разработана аксиологическая модель Сетевой культуры. Ее экзистенциальные ценности выражает новый вид артефактов культуры – глобальный перформанс.

Summary. The paper reveals typological characteristics of the culture of the XXI century. This culture is named the "network" one. The Network culture is considered as a major historical type of culture, which can be compared only with the Traditional and Creative types of culture. In the paper a comparison of the Network culture with Modernism and Postmodernism is carried out. Proceeding from of such comparisons, an axiological model of the Network culture is built. Its existential values are expressed by a new kind of culture artifacts – the global performance.

Ключевые слова: Модернизм, Постмодернизм, Сетевая культура, Креативная культура, Традиционная культура, исторический тип культуры, аксиологическая модель культуры.

Key words: Modernism, Postmodernism, Network culture, Creative culture, Traditional culture, historical types of culture, axiological model of culture.

УДК 303.01

Разговоры о том, что эпоха Постмодернизма завершилась, зачастую больше напоминают аутотренинг по самовнушению, чем адекватное описание происходящих в культуре процессов. Для убедительности подобной констатации недостаточно не любить Постмодернизм и испытывать ностальгию по эпохе Классицизма или Позитивизма; подобные утверждения невозможны без последовательного анализа хроноструктуры истории культуры, сопоставления типологических характеристик предшествующих периодов истории и современного, которое показало бы существенно новые модификации специфики культуры, достаточные для признания того, что в начале XXI в. культура приобрела новый типологический статус. В настоящей статье мы постараемся высказать подобную точку зрения, обосновав ее в ходе сопоставления Постмодернизма с предшествующими ему историческими типами культуры – прежде всего Модернизмом – и с последующим – Сетевой культурой.

Анализировать современность – дело неблагодарное. Настоящее всегда чревато незамеченными глазу исследователя свойствами и поэтому трудно поддается определению, однако оно не может не провоцировать его научный поиск, поскольку наиболее живо задевает и волнует, вовлекая в свой поток событий. Нельзя претендовать на какую-либо окончательность интерпретации настоящего, но нельзя и не обращаться к его изучению. Уточнение и верификация – обязательные процедуры в создании любой теории, но они оказываются основными компонентами исследования, если его предмет – современное состояние истории. Однако хорошо изученное прошлое способно помочь на этом пути, даже если он первоначально и приведет к ошибке, которую затем придется исправлять. Если мы обладаем прове-

ренной теоретической моделью исторического типа культуры, знаем основные характеристики каждого из них, мы можем постараться сделать заключение о том, насколько эти характеристики приложимы к современному состоянию культуры, а затем попытаться сформулировать новые, если таковые будут обнаружены в ходе подобного сравнения.

Высказываемая в настоящей статье гипотеза о существовании нового исторического типа культуры есть результат применения метода аксиологического моделирования, обоснованного в моей книге «Ценность и экзистенция» [2]. Ряд положений этой книги придется вкратце пересказать для того, чтобы ход конструирования модели новой культуры был понятен и достоверен. Итак, культура есть совокупный способ и продукт человеческой деятельности (определение Э. С. Маркаряна, взятое нами как рабочее) [4]; если это верно, то для понимания существа каждого из ее исторических типов требуется уточнить специфику этого способа, а также субъекта деятельности и основного ее продукта. Ценность – ключевая категория культуры. Она представляет собой порождающую модель любого исторического типа культуры, интегрирующего все артефакты в конкретное единство. Эта интеграция оказывается возможной благодаря тому, что сами ценности обладают устойчивой зависимостью друг от друга, представляют собой единый тезаурус, в центре которого располагаются важнейшие из них – экзистенциальные. Экзистенциальные ценности – это мировоззренческие фокусы, раскрывающие существо смысла жизни человека той или иной культуры. Они призваны разрешить экзистенциальное противоречие между конечностью физического существования человека и бесконечностью его духа. Используя оппозицию «Благо – Ценность» Г. Риккерта [5], мы можем сказать, что ценности – духовные артефакты, они не имеют материального существования; воплощаясь в тех или иных артефактах культуры, они превращают их в блага. Форма существования ценностей, которая наиболее последовательно выражает их содержание, – религия или идеология. Однако на динамику культуры оказывают существенное влияние вещественные изобретения человечества. Технический прогресс провоцирует переоценку ценностей и – в конечном счете – смену исторического типа культуры. С течением времени (то есть с возникновением Креативной культуры) эту роль техники берет на себя наука, направляя тем или иным образом техническое развитие. Ценности стабилизируют этот процесс, тормозят его или, наоборот, придают ему ускорение.

До сих пор человечеству были известны только два основных исторических типа культуры: Традиционный и Креативный. Каждый из них имел множество подтипов (см. об этом более подробно мою статью, опубликованную в журнале «Вопросы культурологии» [1]). Традиционный тип можно подразделить на Архаическую и Классическую культуры с присваивающим и производящим хозяйством соответственно, а последнюю, в свою очередь, на существовавшие параллельно культуры: Скотоводческую, Земледельческую, Торгово-ремесленную и их синтетический рационализированный вариант – Средневековье. Это последнее подразделение основывается на типе производящего хозяйства, господствовавшем в той или иной культуре. Именно его специфика оказывала существенное влияние на переоценку ценностей, господство которых выражалось в том, что сам исторический процесс протекал чрезвычайно медленно, то есть трудно поддавался типологической модификации. Однако ситуация радикально изменилась в эпоху Возрождения. На смену Традиционной культуре пришла Креативная. Ее приход ознаменовался изменением всех ключевых ценностей прошлого. Теперь именно они, а не тип хозяйства становятся динамическими силами, определяющими изменения в культуре. Они не только стабилизируют, но и изменяют ее. Субъектом деятельности теперь становится не общество, а человеческая личность, принцип деятельности – не воспроизведение по традиции, а творчество нового, и, наконец, ведущим видом артефактов культуры – не Религия как выразитель ценностей, а Идеология как политическая транскрипция научных достижений. Динамика Креативной культуры чрезвычайно стремительна, она чревата кризисами. За короткий период времени периоды стабильности и переходные состояния настолько часто чередуются, что весь этот исторический отрезок можно назвать переходным состоянием. Основные субкультуры Средневековья, которые сформировались в результате синтеза предшествующих ему вариантов Традиционной культуры, переживают распад и модификацию. Народная культура вливается в городскую, и обе переживают бурный художественный и промышленный Ренессанс, аристократическая демократизируется в ходе Революций, а храмово-монастырская переживает Реформацию, устраняющую посредническую роль церкви из общения верующего с Богом, что в конечном итоге приводит к его субъективизации и к нейтрализации всей системы религиозно оформленных экзистенциальных ценностей.

Стремительность модернизации приводит к негативным эффектам опережающего характера. Старые формы культуры и ценности, их моделирующие, отрицаются, а новые не успевают устояться. Возникает ностальгия по прошлому, имеющая как ценностные, так и экономические основания. Отдельные социальные группы вырабатывают ценностные системы, стремящиеся возродить это прошлое, однако они больше не обладают всеобщим характером, способным утвердить их окончательность. Для этого, однако, есть уже иные средства. Техника и возникшая в результате ее рационализации государственная организация создают мощный аппарат насилия, с помощью которого происходит утверждение новых ценностей прошлого. Так возникают тоталитарные культуры, первый исторический тип которых – западноевропейский Абсолютизм. Однако противоречие между старым и новым, то есть между традиционным и рациональным содержанием ценностей, между насильственным способом их утверждения и свободой как единственной формой подлинного принятия ценностей в эпоху Креативной культуры приводит к отрицанию тоталитаризма и протесту против него. Этот протест сам создает новые формы культуры, первая из которых – западноевропейская эпоха Просвещения. Новый виток разочарования в идеалах Креативной культуры больше не приводит к насилию, но лишь к уходу от реальности, выразившемуся в расцвете художественного творчества эпохи Романтизма. Наконец, ценности Креативной культуры находят подкрепление в научных достижениях в эпоху Позитивизма, создающую основу общества массового благосостояния XX в.

Утверждение ценностей Креативной культуры вновь приводит к их отрицанию. Оно первоначально в эпоху Модернизма вызывает расслоение культуры на массовую и элитарную. Последняя продолжает утверждать классические ценности Креативной культуры, но это утверждение приобретает протестный характер. Массовая культура стремится удовлетворить наибольшее количество людей. Она приобретает глобальный характер, но в силу этого чрезвычайно упрощается, теряет какие-либо творческие характеристики. Элитарная, наоборот, усложняется и придает творчеству абсолютную ценность, полностью отрицая традицию. И тот, и другой вариант культуры Модернизма оказываются неспособными к существованию в своем радикальном виде. Происходит целая серия кризисов культурного и социального характера. Научные достижения – расщепление атома, изобретение средств массовой коммуникации и глобального транспорта – обостряют остроту кризиса и придают ему глобальный масштаб. Мировые войны, экологические проблемы, новые тоталитарные режимы, чрезмерный рост населения в одних регионах и депопуляция других – все это подталкивает культуру и общество к новой интеграции.

Вторая половина XX в. – это как раз и есть период формирования культуры компромисса. Одномерная масса и элитарные неконформисты превращаются в сообщества конформистов и объединяются в нарциссистские группы, утверждающие права меньшинств за счет прав большинства. Постмодернизм – это синтез элитарной и массовой культур. Синтез этот был неравноправным. В его основе лежали ценности потребления, свойственные массовой культуре. Правда, она культивировала потребление как абсолютную ценность. Такое потребление имело экстенсивный характер. Не важно, что потреблять, важно – сколько. Количественные свойства потребления явно доминировали над качественными. Постмодернизм задал вопрос о качестве потребления, его интенсивности. Наука стала обращать внимание на индивидуальные человеческие потребности, центр ее интересов переместился в сферу кибернетики, биологии и медицины. Однако кризис был не столько преодолен, сколько заторможен, была снята его острота и конфликтность, но он продолжал развиваться. В начале XXI в. стали появляться первые признаки того, к чему этот кризис может привести. Они носили как катастрофический, так и разрешительный характер. Однако в любом случае стало очевидно, что эпоха кризиса завершается, а вместе с ней завершается и последний хорошо концептуализированный период истории культуры – Постмодернизм. Что же приходит ему на смену?

Новая эпоха уже достаточно ярко проявила свои черты, и они свидетельствуют о том, что мы имеем дело, скорее всего, не с новой разновидностью Креативной культуры, а с чем-то совершенно неизвестным. Новый тип культуры обладает таким типологическим статусом, который следует сопоставлять не с последним вариантом Креативной культуры – Постмодернизмом, а с Креативной и Традиционной культурами как ее основными историческими типами. Кризис Креативной культуры на этот раз приводит не к ее возрождению, но к ее существенной модификации.

Начнем с анализа существа культуроформирующей деятельности. Совершенно очевидно, что в новой культуре это существо не может быть сведено ни к господству традиции, ни к господству творчества. Традиции в Традиционной культуре были чрезвычайно устойчи-

выми, творчество в Креативной культуре было профессиональным, оно имело социальное значение и приобретало ценность только в результате профессионального признания. В течение всего XX в. происходила депрофессионализация творчества. Наконец оно стало носить дилетантский и самодеятельный характер: в новой культуре он стал полностью легитимным. Достаточно указать хотя бы на то, что экспертами становятся теперь не ученые, а журналисты, что энциклопедии вроде Википедии пишутся не докторами наук, а домохозяйками и сисадминами. Профационализация больше не имеет верховной ценности. Дилетантизм как отрицательная сторона нового принципа деятельности и самодеятельность как положительная его сторона представляют собой своего рода синтез традиции и творчества. Самодеятельность не требует профессионального признания, не претендует на подлинную оригинальность, опирается на штампы и традиционные приемы. Она обладает как творческим, так и традиционным характером. Однако в ее основе лежит все-таки не традиция, но творчество, которое тем не менее существенно отличается от характерного для классической Креативной культуры принципа культурогенеза. Самодеятельность не может полностью устранить профационализм, но профационализм становится все более узким, а целостность духовного бытия личности и гипертрофия ее прав в современную эпоху требуют преодоления этой узости, что создает весьма благоприятные условия для роста дилетантизма.

Субъектом культуры в Традиционную эпоху было общество, а в Креативную – личность. Личность – это форма индивидуальности, которая получила социальное признание. В новой культуре это признание больше не требуется. Точнее, оно возможно как паллиатив старого признания. То есть ценностью обладают не уникальные свойства личности, а ее модельные характеристики. Соответствие социальному стандарту – вот то, что требуется для признания. Но это не соответствие неизменной традиции, а соответствие изменчивой моде, которую трудно прогнозировать, но можно попытаться определить с помощью тех или иных социальных технологий. Подлинным субъектом новой культуры становится вновь своеобразный синтез субъектов Традиционной и Креативной культур, синтез общества и личности – социальная сеть. Социальная сеть – это общество, однако оно существенно дифференцировано и состоит не из членов, являющихся социоформами, носителями социальных ценностей, а из квазиличностей, претендующих на самостоятельность и уникальность собственных ценностных тезаурусов. У социальной сети есть собственные ценности, но они неопределенны и вариативны. Участник социальной сети не обладает подлинностью, он представляет собой пучок личин, которые он может менять и ни с одной из которых он не обязан идентифицироваться. Безответственность участника социальной сети – его характерный антропологический признак.

Наконец, в сфере ведущего вида артефактов тоже происходят существенные изменения. Ведущим видом можно рассматривать, с одной стороны, артефакт, обладающий динамическим влиянием на культуру, с другой – стабилизирующим. В Традиционной культуре это были религиозно выраженные ценности и техника, в Креативной – ценности политической идеологии и научно-технический комплекс. Динамический фактор новой культуры не изменился, однако ценности больше не выражаются в политической идеологии, она почти утратила свое влияние. Возник новый вид транслятора ценностей – глобальный перформанс.

Этот тип артефактов культуры кажется абсолютно новым, но на деле он является модификацией уже существовавших артефактов. Культура всегда создавала сферы, в которых выражались ценности. Эти сферы обладали особым статусом, они сакрализировались и остраивались. Им придавали нормативный характер. В Традиционной культуре основные ценности выражались в религиозной сфере. Это была нормативная и сакральная сфера, она была и рационализирована, и остраивена. Это создавало возможность решить экзистенциальное противоречие с помощью формирования веры в сакральный мир, доступ в который гарантировал как раз тезаурус той или иной культуры, а точнее причастность к нему со стороны каждого члена общества. В Креативной культуре ценности формировались со стороны правящего меньшинства, с помощью СМИ, транслировавшей ту или иную политическую идеологию. Экзистенциальное противоречие разрешалось благодаря ощущению причастности к социальному единству, сформированному благодаря этой идеологии. Кульминацией всех этих технологий всегда был перформанс.

Под перформансом мы понимаем форму культуры, которая представляет собой социальный институт и тип общения, выражающий и утверждающий тезаурус этой культуры, то есть представляющий собой конкретный способ разрешения экзистенциального противоречия. Это разрешение происходит благодаря вовлеченности человека в публичное и одновременно остраивенное (благодаря его сакрализации, виртуализации и т.п.) действие. Эта вовле-

ченность утверждает мир ценностей благодаря изъятию его носителей из мира обыденной для них жизни, даже если она включает их в ту же самую, но только прошедшую остранение, обыденную жизнь. Вовлеченная безучастность – таков парадоксальный смысл перформанса, предполагающий как максимум ответственности за это вовлечение, так и максимум безответственности, проявляющиеся в разных ситуациях в разной степени, но всегда предполагаемые в равной мере. Перформанс – всегда социальное явление, но его материалом могут быть все артефакты культуры: прежде всего, искусство, но в том числе и наука, и даже производственный процесс.

В Традиционной культуре перформанс представлял собой религиозный ритуал. Ритуал предполагал непосредственное вовлечение членов сообщества, являющихся носителями соответствующего тезауруса, в процесс организации сакрального мира, ритуал был доступом в него и очевидным доказательством разрешения экзистенциального противоречия. Магическое волевое проникновение в этот мир благодаря действиям шамана или мистическое ожидание милости божьей в ходе жертвоприношений, создающих единственно возможные условия причастия божеству, были типичными перформансами древности. В Креативной культуре подобными перформансами всегда были политические зрелища. Это, прежде всего, политические акции, как то – протесты, шествия, демонстрации, собрания и т.п. Однако в Креативной культуре существовали виды перформанса, которые не носили политического характера, но тем не менее имели отношение к разрешению экзистенциального противоречия и сыграли важную роль в формировании перформанса новой культуры XXI в. Это художественные и спортивные зрелища. Изначально они представляли собой сугубо коммуникативные формы, сопровождавшие как способы их рецепции те или иные виды искусства или те или иные виды профессионализации общения игрового характера. Однако с развитием массовой культуры они приобрели принципиально иной вид. А именно, они стали частью этих игр и частью этого искусства. Зритель стал элементом зрелища, его автором и участником.

Новый перформанс приобрел черту, которая придала ему совершенно уникальный статус, – он стал глобальным. Ослабление политической составляющей перформанса завершилось вместе с изобретением Интернета. Интернет стал оформлением всех тех тенденций, которые намечались в XX в. Интернет не только причина возникновения нового типа культуры, но и его закономерное следствие. Глобальность нового перформанса заключалась не только в том, что он отменил границы между автором и реципиентом, между различными видами артефактов культуры, но и в том, что он переместился в сетевое глобальное пространство Интернета. Ценности сетевого общества в глобальном перформансе, конечно, не стали одинаковыми, ведь сеть – это не традиционный социум, она основана на гибкости ценностных структур. Глобальность перформанса – это не новый международный ценностный синтез, но форма выражения многогранности и неопределенности ценностных ориентаций. Новая культура больше не обладает основной экзистенциальной ценностью, она обладает неопределенным и бесконечным их репертуаром, реализованным глобальным перформансом. Ценности экстенсивного потребления, культивировавшиеся Модернизмом, и интенсивного потребления, культивировавшиеся Постмодернизмом, не ушли в прошлое, но существенно дополнены ценностями виртуализации личного бытия. Эта виртуализация имеет весьма и весьма положительный характер, так как позволяет ограничить реальное потребление, что в эпоху истощения ресурсов представляет собой основной способ выживания человечества. То же касается и виртуализации конфликтов. Проблемы, возникающие в связи с виртуализацией, еще только осознаются и назревают, например, угроза полной реальной десоциализации населения. Но это проблемы уже будущей эпохи, пока не настолько актуальные, насколько актуальны терроризм или энергетический кризис.

Ритуал позволял обеспечить воспроизводство рода в Архаической культуре, сохранение космоса – в Земледельческой, преодоление пространства – в Скотоводческой, утверждение социальной значимости полиса и его жителей – в Торгово-ремесленной, спасение души – в Средневековой. Ритуал приобщал к сакральному бытию. Политические акции обеспечивали служение монарху, народу или, наоборот, протест против тех или иных политических решений. Искусство и наука приобщали к целостности и подлинности бытия, утверждали рациональность и свободу выбора воплощенных в политической идеологии ценностей. Глобальный перформанс позволил каждому члену Социальной сети публично утверждать собственные ценности, помещать их в квазинетленный мир остраненной и одновременно иллюзорной реальности. Это стало возможным благодаря тому, что эти ценности оказались необязательными и неопределенными, благодаря их вариативности и многообразию. Бытие, к которому приобщает глобальный перформанс, проективно и иллюзорно, но оно позволяет

каждому члену Социальной сети творить его, а следовательно, утверждать бесконечность своего духа и разрешать экзистенциальное противоречие. Только Традиционная культура полностью разрешала экзистенциальное противоречие. Верующий человек доподлинно знал, что его жизнь обладает смыслом. В Креативной культуре смысл жизни был в его поиске. Иллюзорность глобального Перформанса отказывается и от него, тем самым завершая процесс, начавшийся еще в эпоху Возрождения.

Глобальный перформанс позволяет создать новую реальность, свободную от ограничений подлинного бытия, он позволяет участвовать в ней и вместе с тем быть свободным от нее, он делает ее всеобщим достоянием, создает условия для бесконечности ее существования, хотя и не гарантирует ее. Психологический эффект глобального перформанса напоминает эффект любого зрелища какого-либо необычного явления в действительности, от негативных последствий которого зритель полностью защищен. Так, зритель казни или несчастного случая вовлечен в особую – остранный и публичную – действительность, но свободен от ее законов, ибо не он оказывается главным действующим лицом. Подобные события всегда собирают множество людей вокруг именно в связи с тем, что они позволяют разрешить экзистенциальное противоречие: публично утвердить бесконечность собственного бытия за счет конечности бытия другого. Современная культура эксплуатирует этот эффект чрезвычайно изобретательно и многообразно. Помимо уже известных нам спортивных игр, массовых праздников и карнавалов, политических акций, она превращает искусство в перформанс.

Наиболее распространенной формой подобного превращения является сериал («мыльная» опера). Он остается искусством, так как не предполагает участия зрителя в организации собственного существа, но обладает многими признаками перформанса, прежде всего, уже описанным выше эффектом отстраненного присутствия. Он пример абсолютного дилетантизма, профессионализм ей противопоставлен, ибо тогда он слишком остранил содержание сериала. А оно должно быть почти идентичным обыденному миру зрителя. Для создания эффекта этой идентичности используется очень простой прием – длительность повествоваемого и повествовательного времени. Сериал обладает всегда множеством серий, и время, которое демонстрируется в нем, тоже стремится к бесконечности. Даже если все в этом сериале кажется неправдоподобным и убогим, сама его продолжительность создает привыкание к содержанию сериала и придает ему убедительность.

Другой жанр Перформанса, генетически восходящий к культуре XX в., но ставший особенно значимым в Сетевую эпоху, – Реалити-шоу. Реалити-шоу, ток-шоу, новости – это все способы традиционной массовой коммуникации, характерной для культуры XX в. Ее отличительная особенность – асимметрия участников. Автор резко противопоставляется реципиенту, возможности которого ограничены и отложены. Обратная связь носит совершенно необязательный и спекулятивный характер. Однако участники авторских программ кажутся идентичными реципиентам, и это создает своеобразный эффект присутствия. Все это напоминает зрелище казни или несчастного случая, только ежедневное и возникающее по любому требованию зрителя. Особенно близок новому перформансу жанр Реалити-шоу. Оно просто воспроизводит реальность, показывает ее без купюр. Зритель словно подглядывает за другим, он сам оказывается вовлеченным в реальность другого, но не несет никакой ответственности за это. Реалити-шоу могут демонстрировать сцены убийств, аварий и катастроф, секса, но это совершенно не обязательно. Главное – отсутствие какой-либо программы в разворачивании той или иной реальности. Главное – иллюзия того, что логика Реалити-шоу придумана самой жизнью. Главное – эффект безответственного соучастия зрителя в этой логике.

Однако наиболее выразительным видом глобального перформанса, конечно, является Интернет. Основная особенность Интернета – его интерактивность. Участие в жизни Интернета того или иного человека является подлинным, но вместе с тем иллюзорным, публичным и личным, но вместе с тем анонимным, зафиксированным в нетленном и потенциально бесконечном состоянии, но вместе с тем подверженном риску уничтожения. Это не только психологические установки, но реальные действия, формирующие события, происходящие в Интернете, но вместе с тем реальность этих действий позволяет оставаться безответственным. Форумы и чаты, сайты и блоги, стены и порталы – всё это структура виртуальной реальности, в которой действуют сложные синтетические субъекты, в равной мере обладающие как подлинной личностью, так и иллюзорной личиной сетевого человека. Это царство самодетальности, сетевых сообществ и квазиличностей, виртуализирующих свое бытие.

Теперь у нас есть основание назвать новую культуру, пришедшую на смену Постмодернизму, Сетевой культурой, а основным вид артефактов, характерных для нее, – глобальным перформансом. Подведем итог вышесказанному в форме сопоставительных таблиц.

Докучаев И. И.

СЕТЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП

Существенные различия между ценностями трех основных исторических типов культуры – Традиционной, Креативной и синтезирующей их новой культурой XXI в., которую мы назвали Сетевой культурой, демонстрирует табл. 1. Сетевую культуру с ее непосредственными предшественниками – Модернизмом и Постмодернизмом – сопоставим в табл. 2.

Таблица 1

Исторические типы культуры	Принцип культурогенеза	Субъект культурогенеза	Ведущий вид артефактов (стабилизирующий / динамический)
Традиционная	Воспроизведение	Общество	Религия / Техника
Креативная	Творчество	Личность	Идеология / Наука
Сетевая	Самодетальность (дилетантизм)	Социальная сеть	Глобальный перформанс / Наука

Таблица 2

Ведущие виды артефактов	Модернизм	Постмодернизм	Сетевая культура
Экзистенциальная ценность	Экстенсивное потребление, нонконформизм	Интенсивное потребление, конформизм	Виртуализация собственного бытия, рационализация потребления
Принцип культурогенеза	Массовое упрощение, элитарное усложнение творчества	Творчество цитат и клипов (синтез массового упрощения и элитарного усложнения)	Самодетальность и дилетантизм
Ведущее техническое достижение	Транспорт, массовые коммуникации	Атомная энергетика, компьютер	Интернет
Господствующее направление науки	Технические науки	Технические науки, биология и медицина, кибернетика	Биология и медицина, кибернетика
Характерный тип общества	Масса и элита	Атомарное (нарциссистское) общество	Социальная сеть
Характерный тип личности	Одномерный человек и нонконформист	Конформист	Сетевая личность

Перспективы Сетевой культуры туманны, ее существо пока невозможно точно определить, но направление ее развития понятно, и необходимо не только изучать его, но и влиять на него с целью предупреждения кризисов и негативных сценариев. Поэтому закончить эту работу мне бы хотелось цитатой из сочинения одного из крупнейших ученых нашего времени, осознавших существо новой эпохи, – из книги Мануэля Кастельса «Галактика Интернет»: «Если вы не позаботитесь о сетях, то они сами так или иначе позаботятся о вас. Ибо пока вы желаете жить в обществе, в данное время и в данном месте, вам придется иметь дело с сетевым обществом. Поскольку мы живем в галактике Интернета» [3, 323].

ЛИТЕРАТУРА

1. Докучаев, И. И. Аксиологические основания культурно-исторических типов / И. И. Докучаев, Ж. В. Веклич // Вопросы культурологии. – 2009. – № 3. – С. 4-11.
2. Докучаев, И. И. Ценность и экзистенция / И. И. Докучаев. – СПб.: Наука, 2009. – 595 с.
3. Кастельс, М. Галактика Интернет / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
4. Маркарян, Э. С. Очерки теории культуры / Э. С. Маркарян. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1969. – 144 с.
5. Риккерт, Г. Философия жизни / Г. Риккерт. – Киев: Ника-Центр, 1998. – 512 с.

Махлина С. Т.
S. T. Makhlina

АМЕРИКАНСКОЕ ЖИЛИЩЕ. ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРЬЕРА

THE AMERICAN HOUSE: SPECIFICS OF THE INTERIOR

Махлина Светлана Тевельевна – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: makhlina@pochta.tvoe.tv.

Ms. Svetlana T. Makhlina - Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of Culture, Saint-Petersburg University of Culture and Fine Arts (Russia, Saint-Petersburg). E-mail: makhlina@pochta.tvoe.tv

Аннотация. Америка – огромный континент, на котором проживали и проживают разные этносы и народы. Завоевание и колонизация Америки европейцами внесли изменения в жизнь народов, населявших эту территорию. Несомненно, это повлияло и на их жилища. Смешанные браки европейцев, индейцев и негров давали многочисленные по разнообразию смешанные типы – креолов, метисов. Их потомки, как и потомки не смешавшихся этнических групп, сформировали на территории Америки многорасовое население, традиции которого отражаются на оформлении современных жилищ. Жилища современных американцев чрезвычайно разнятся в зависимости от достатка, национальной принадлежности, социальной среды. Районы также разделяются по национальному признаку – китайский, японский, корейский, мексиканский и т.д. В них, безусловно, проявляются черты интерьеров тех стран, выходцами из которых являются строители.

Summary. America is known to be a big continent where many different ethnic group live. Colonization of America by Europeans changed the lives of indigenous peoples in this territory. It affected their houses too. Mixed marriages between Europeans (Spanish, Dutch, German, English etc.) and Native Americans or the peoples of African descent resulted in springing up of new ethnic groups like the Creoles or Métis people. Their descendants, and the descendants of non-mixed marriages, formed the multiethnic population of the American territory, and this diversity is reflected in the decoration of modern houses – both their exterior and interior. Houses of modern Americans are different, depending on the family budget, ethnicity and social group. In every city or town there are districts where disadvantaged groups settle. Districts are also divided by ethnical identity – Chinese, Japanese, Korean, Mexican etc. In these areas, homes' interiors are obviously influenced by those who built the houses thus reflecting architectural and cultural traits of the countries they came from.

Ключевые слова: Америка, индейцы, иглу, типи, вигвам, холл, спальня, туалет, ванная, бассейн.

Key words: America, Native Americans, igloo, tipi, wigwam, hall, bedroom, toilet, bathroom, swimming pool.

УДК 728.03

Как известно, Америка – огромный континент, на котором проживали и проживают разные этносы и народы. И, несомненно, условия жизни людей наложили отпечаток на традиционный интерьер разных народов.

На Аляске, на севере Канады и на побережье Гренландии обитали группы населения, известные как эскимосы. Их летние жилища представляли собой конус из жердей, покрытый шкурами или берестой. Зимние землянки были с одним или двумя жилыми помещениями и хозяйственным тамбуром. Жилые помещения отапливались и освещались каменными жировыми светильниками. Здесь находились нары для сна. Во время переходов устраивались иглу –

временные жилища из снежных блоков, дом из ледяных кирпичей в виде круглой сферы с низким входом, в который надо проползать. Внутри них сооружалась жилая камера из положов-шкур. В картине Закариуса Кунука «Быстрый бегун Атанаржуат», получившей приз Каннского фестиваля 2002 г., показан мир инуитов (эскимосов) – этноса американской Аляски. В фильме показано строительство иглу, его интерьер. Иглу характерны и для алеутов на берегах Берингова залива. Но строились иглу у этих народов различно.

Эскимосы укладывают снежные плиты друг на друга таким образом, чтобы получился в конечном итоге купол-полусфера. Высота полученного жилья – 2 м, в диаметре – 3 – 4 м. Чтобы укрепить стены, в построенное сооружение вносят каменную лампу с горящим тюленьим жиром. Из-за получившегося от лампы тепла снег подтаивает на внутренних поверхностях построенного иглу. После этого в помещение впускают холодный воздух, который превращает оттаявшую воду в лед, который скрепляет снежные кирпичи в монолит. Живут в таком помещении обычно две семьи. Делается это для того, чтобы сохранять тепло. Поэтому на площади 8 – 10 кв. м большое количество людей согревает своим теплом жилище. Зимой в иглу входят через пол. К входному отверстию в полу ведет длинный тоннель, вырытый в снегу. Летом вход в иглу проделывается в стенке у самого пола. Ледяные стены пропускают дневной свет, но в наше время в них делают отверстия и закладывают тонкими пластинами льда или прозрачными кишками животных (так делают на острове Баффина Земля). Как считают Ю. В. Бромлей и Р. Г. Подольный, «это, скорее всего, нововведение, навеянное знакомством с европейскими жилищами» [1, 37]. Внутри иглу делают снежные нары, на которых лежат, сидят, едят, хранят одежду и оружие, лампы и т.п. Вся «мебель» покрывается шкурами и кожей.

Алеуты на берегах Берингова пролива сооружали иглу из китовых костей, врытых в землю. Затем их покрывали дерном и сухой травой. Такие иглу могли достигать площади более 100 кв. м. Но для сохранения тепла в таких жилищах жило много людей – до полусотни семей отгораживались друг от друга с помощью рогож. Рядом с иглу строили небольшие сараи из снега для хранения орудий и оружия. Продовольствие хранили в ямах, вырытых в снегу или вечной мерзлоте.

В лесных районах Северной Америки жили многочисленные племена индейцев, относившихся к двум большим семьям языков: алкогинской – на востоке и атапаскской – на западе и в средней части ареала. Их зимние жилища представляли собой углубленные в землю прямоугольные в плане полуземлянки с несколькими жилыми и хозяйственными камерами. Вход устраивался в виде неглубокого тоннеля. В центре размещался очаг из камней. Дымовое отверстие при необходимости затягивалось кожаной крышкой. В таком жилище зимовали 5 – 10 семей. У атапасков распространено было жилище «типи» – конусообразная постройка. Это такое сооружение, которое строилось из деревянного каркаса конусообразной формы, который покрывался шкурами животных (зимой) или берестой (летом). В таком жилище очаг размещался в центре.

Северо-западное побережье Америки заселяли алеуты, тлинкиты, хайда, сэлиш, вакаши и др. Их жилище представляло собой углубленное в землю большое помещение, над которым возвышалась конструкция на деревянных столбах, перекрытая деревянной крышей с двумя скатами. Внутри вдоль стен делались дощатые нары. Каждая семья имела спальню, которая отделялась от других дощатой перегородкой или циновкой. Посреди дома находился общий очаг. Кроме того, каждая семья имела свой очаг.

Южнее северо-западного побережья жили группы индейцев, объединенные исследователями под общим названием «калифорнийские индейцы». Их жилища устраивались для одной семейной группы. Наиболее распространены были конические или шалашевидной формы жилища. Были известны и куполообразные полуземлянки. Русские этнографы оставили обширные описания традиционных жилищ аборигенов Калифорнии. Ф. П. Врангель писал: «Индийская деревня находилась на песчаной почве, окруженная кустарником и сухими рвами. Ее население – шесть – пять родственных между собой семейств. Женщины со-

оружали эти временные жилища из гибких ветвей песчаных и других ив, которые легко втыкаются в грунт, с таким изысканным вкусом, что их вид ошеломил меня приятнейшим образом. Разноцветные оттенки и различная величина ивовых листьев (это дерево имеется в большом разнообразии) придавали опрятным сверху хижинам совсем особый сельский вид; боковые отверстия, тщательно украшенные ветками с листвой, служили еще и дверью: несколько хижин соединены друг с другом через расположенные внутри отверстия» [9].

Такие хижины быстро и без сожаления покидали и быстро возводили новые там, где было удобно: весной – вблизи рек и в тех местах, где много воды, чтобы ловить рыбу и собирать корни и травы; летом – в лесах и степях. «Их жилища можно было бы подразделить на летние и зимние. Летом они находят убежища в кустарниках, которые внизу освобождены от листвы, а сверху сплетены, для зимы же они строили барабары. Несколько вертикально установленных шестов вонзаются в землю остриями и покрываются древесной корой, ветвями и травой; сверху и сбоку два отверстия остаются свободными: первое – для выхода дыма, второе – для входа в барабару. Трава и несколько козых шкур служат в качестве одежды и постели. Бани строятся почти так же, как и барабара. Выкапывается яма, вокруг вонзаются несколько шестов, и все покрывается вначале корой, а затем и землей; сбоку небольшое отверстие для выхода дыма, а совсем внизу отверстие для входа, которое, однако же, настолько узкое, что внутрь можно попасть не иначе как ползком» [8]. Конструкцию такого жилища описал Ф. П. Литке: «Жилища их более походили на улья или на муравейники, нежели на человеческие дома. Они сделаны из прутьев, воткнутых в землю полукружьем и в расстоянии от земли около 1,5 аршина, соединенных вместе, а потом закрытых сухою травой или древесными ветвями. Сии жилища не дают им убежища ни от дождей, ни вообще от непогод, которые, к счастью их, в земле, ими обитаемой, случаются весьма редко. В них влекут они жалкую жизнь свою, которая не доставляет им, кажется, никаких удовольствий, кроме общих со скотами...» [3].

Индейцы чолбоны и тамкан жили в хижинах конической формы. В них, как правило, сжигали покойных. Сжигали такие жилища и в гигиенических целях. Ф. Ф. Матюшкин писал: «когда насекомые в них (жилищах) размножаются настолько, что начинают беспокоить обитателей, дикие оставляют их (жилища) и выбирают другое место, чтобы от них избавиться. Исключая сего рода нечистоты, которые происходят оттого, что они не имеют порядочных жил, индейцы калифорнийские весьма опрятны. Они имеют парные бани, кои никогда не бывают пусты; как мужчины, так и женщины ничем не натирают тела» [4]. Внутренность хижин была довольно убогой. «Уборы их хижин составляют колчан и лук со стрелами, два куса дерева для добывания огня, глиняная трубка, сетка, табак, веревочка и крючки для рыбной ловли и дубинка для битья зайцев» [5].

Южнее Великих озер от Миссисипи до Атлантического побережья простиралась область широколиственных лесов. Обитатели лесов строили жилища по-разному. На востоке Северной Америки жилищем служили большие дома шириной от 6 до 8 м при высоте до 8 м. Длина таких домов зависела от числа обитавших в них семей. Каркасом им служили вкопанные в землю стволы деревьев, верхние гибкие части которых связывались. К ним крепились связками из лыка горизонтальные жерди, на которые, в свою очередь, крепились пластины древесной коры. Вход в такой дом был с торцевой стороны. Во всю длину дома был проход шириной в 2 м, по бокам которого располагались семейные помещения с открытым выходом к очагу, размещавшемуся в проходе. Внутри семейных жилых помещений сооружались помосты, устланные циновками и шкурами (спальные места). Над ними возводились еще два яруса помостов – на одном спали дети или хранилась утварь, на более высоком ярусе складывали необмолоченную кукурузу.

У южных групп жилища были меньших размеров. Они могли быть округлой, квадратной или прямоугольной формы. Каркасные стены таких домов заполнялись глиной с примесью измельченной травы.

К западу от Миссисипи до Скалистых гор в прериях обитали сиу (дакота, ассинобойн, айова, омаха и др.) и алгонкины (арапахо, чейены и др.) [6, 210]. Их жилища представляли собой столбовую конструкцию со стенами и кровлей из дерна. На западе этой области жилища представляли собой коническую форму.

На юго-западе США и севере Мексики жилища эволюционировали от полуземлянок с земляными крышами до весьма сложных сооружений из камня или сырцового кирпича. Иногда отдельные дома соединялись в одно целое, иногда они возвышались уступами друг над другом в виде амфитеатра или возвышающейся средней частью поселения. Встречались (реже) поселения, где дома стояли отдельно.

Территории от северной Мексики до центрального Гондураса и Никарагуа образуют обширную область Мезоамерики, где культура аборигенов достигла наивысшего развития. Здесь развивалась культура ольмеков, майя, тольтеков, ацтеков. Простолюдины ацтеков обитали в прямоугольных однокамерных хижинах. Стены возводились из сырцового кирпича или плетней, обмазанных глиной. Кровля застилалась листьями магея. Окон не было. Освещалось помещение лучиной. Такие постройки часто ставили на столбах. В центре жилища располагался очаг. Ели вокруг очага, располагаясь на циновках. Спали на земляном полу или на деревянных ложах, покрытых циновками, шкурами или покрывалами. Богатые люди жили во дворцах или больших домах, где имелась мебель: сиденья, столики, ширмы, лари.

На крайнем юге южноамериканского континента, на островах Огненной земли и в прибрежных материковых районах, наиболее известными представителями местного населения были алакалуфы на западной части региона и ягана (ямана), занимавшие южное побережье архипелага. Так как они занимались в основном рыболовством, большую часть жизни проводили в лодке. Борта лодки, сделанной из древесной коры, укрепляли деревянными распорками, дно устилали прутьями. В лодке на земляной подушке размещали очаг. Западные ямана и алакалуфы сооружали из ветвей легкие хижины овальной формы. Крышу делали куполообразной (на востоке – конической формы). Само жилище покрывалось листьями, водорослями, корой. В холодный сезон сверху клали шкуры животных. Внутри постоянно горел костер.

В лесах и степях Южной Америки на территории восточной Бразилии, Аргентины, Боливии и Парагвая жили племена, занимавшиеся охотой, собирательством и зачаточными формами земледелия. Жили они в сооружении, представлявшем собой простой навес из пальмовых листьев. Под таким сооружением обычно располагалась одна семья. Пища готовилась на открытом огне или запекалась в золе. Когда истощались ресурсы местной пищи, стоянку покидали и переходили на другую. Сходный образ жизни был характерен и для обитателей равнин на территории Колумбии и Венесуэлы. Некоторые группы аборигенов вообще не имели жилищ. Некоторые возводили шалаши или ветровые заслоны, другие в сезон дождей строили сферические хижины.

В тропических лесах Южной Америки жили многочисленные народы. Араваки занимали западную часть бассейнов рек Ориноко и Амазонки. Карибы проживали к северу от Амазонки, восточнее Рио-Негро. Тупи-гуарани занимали южную часть бассейна Амазонки и побережье Атлантики. Жилища населявших эту территорию племен были нескольких типов. На западе и северо-западе Амазонки возводили овальные в плане дома. Крыша таких домов была покрыта полусферической кровлей. В некоторых регионах строили дома прямоугольные в плане. Для Гвианы характерны были круглые высокие хижины. Каркас всех типов жилищ возводился из деревянных столбов, которые вкапывались в землю. Стены и кровля делались из обрешетки, закрытой травой или листьями пальмы. Внутри находились многообразная утварь из дерева, кости, сосуды из тыквы и плетеные изделия. Многие группы знали производство керамики, так что имелись и керамические сосуды.

Промежуточной областью исследователи называют материковые земли, лежащие между Мезоамерикой и границами инкского государства [6, 211]. Жилища здесь возводили на платформах.

В Центральных Андах к началу испанского завоевания этой территорией, на которой жили многочисленные народы, управляли инки. Жилища в горах возводили из камня. Двери были узкими, закрывались циновками. Кровля была двускатной. Внутреннее пространство разделялось перегородками. На побережье строили жилье из сырцового кирпича. В таких жилищах окон не было. Отсутствовала и мебель. Утварь делалась из глины, тыквы, пользовались корзинами, деревянными ложками, каменными ступами, зернотерками.

Завоевание и колонизация Америки европейцами внесли изменения в жизнь народов, населявших эту территорию. Несомненно, это повлияло и на их жилища. Кроме того, в первые десятилетия колонизации потребность в рабочей силе удовлетворялась за счет аборигенов. Но постигшая их катастрофа стремительно сокращала местное население. Тогда стали привозить негров-рабов. Смешанные браки европейцев (испанцев, голландцев, немцев, англичан и др.), индейцев и негров давали многочисленные по разнообразию смешанные типы – креолов, метисов. Их потомки, как и потомки не смешавшихся этнических групп, сформировали на территории Америки многорасовое население, традиции которого отражаются на оформлении современных жилищ – как экстерьера, так и интерьера.

На юго-западе нынешних Соединенных Штатов в гористой местности обитали оседлые индейские племена, которых испанские завоеватели называли «пуэбло». Поселение пуэбло представляло собой компактное сооружение в виде примыкающих друг к другу жилищ. Помещения располагались ступенчатыми ярусами вокруг внутреннего двора. Получался единый многокомнатный жилой дом, задние стены которого образовывали глухую оборонительную линию. Жилые помещения были четырехугольными. В Центральной Америке на территории южной части современной Мексики получили распространение культура тольтеков (существовала с первых веков нашей эры до XII в.), культура майя, ацтеков (были уничтожены в XVI в.). Их хижины были плетеными, с обмазанными глиной стенами и высокими крутыми крышами. В таких домах современные индейцы живут и до сих пор. Жилища тольтеков, ацтеков и майя возводились из недолговечных материалов. Государство инков – Древнее Перу – находилось в непохожих климатических условиях, характерных для Центральной Америки. Поэтому и жилища отличались. Они возводились из камня или делались глинобитными. Крыши также сооружали из камня из-за недостатка лесоматериалов. Помещения группировались вокруг внутреннего двора.

Мы уже видели, что характер жилищ всегда зависит от окружающей среды, климата и ландшафта, видов хозяйственной деятельности, своеобразия этнического и языкового состава автохтонного населения, религиозных представлений и необходимости в стационарных жилищах. На Тихоокеанском побережье Северной Америки живет множество отличающихся друг от друга этносов. И для каждого характерен особый тип традиционного жилища. Подробнее о традиционных жилищах индейцев можно прочитать в книге «Традиционная культура коренного населения Тихоокеанского побережья Северной Америки» [7].

Еще в 20-е гг. XX в. в Америке получили распространение небоскребы. Предпочтение стали отдавать деловой, рационалистической архитектуре. Архитектура «всемирного стиля» сначала не получила широкого признания. Сюда, в Америку, в 30-е гг. XX в. переехали представители этого стиля В. Гропиус, Л. Мис ван дер Роэ и др. К этому времени получило признание творчество Ф. Л. Райта, до сих пор находившегося на положении изгоя в своей стране. На него оказали влияние тенденции «всемирного стиля», хотя он их критиковал. Взаимодействие двух начал – «всемирного стиля» и своего собственного – положило начало «органическому стилю». В конце 30-х гг. Райт создал загородную виллу «У водопада». Для послевоенной Америки характерна частая смена стилевых приемов в архитектуре. С начала 60-х гг. проявляется тенденция к монументализации зданий. Л. Кан одним из первых решил

задачи: функциональную, техническую и эстетическую. В 70-х гг. больше внимания уделяется повседневному практическим требованиям. Для современной архитектуры характерно

многообразие: расширился круг типов зданий, конструктивные решения стали более множественными, что повлияло на обилие новых архитектурных форм.

Комнаты в американском доме вдоль холла имеют раздвижные двери или перегородки, часто в половину ширины стен, которые почти всегда открыты, и можно увидеть, что делается во всех комнатах дома. По европейским понятиям комнаты в американских домах низкие, мебелью не заставлены, а стены и потолок окрашены в светлые тона. Впоследствии это стали внедрять европейские архитекторы. В 70-х гг. XX в. проектировали дома для молодоженов, докторов, состоятельных дельцов – функциональное проектирование, в отличие от стилей прошлых эпох. Первым зданием нового типа был дом Страхового общества Уильяма Бартона Дженни в 1884 – 1885 гг. (в 1929 г. здание снесли). В 1889 г. Холаберд и Рош построили двухэтажное здание Дакота каркасной конструкции.

Японский дом послужил Райту образцом, как следует устранять ненужное и несущественное. Он исключил в американском доме тривиальное и вносящее путаницу, использовал элементы, относящиеся к окружающей среде. Так как дом должен был обеспечивать безопасность, то в нижнем этаже – редкие проемы в стене, а в домах плантаторов – веранда. В XIX в. здесь веранда использовалась как место отдыха, которая стала решающим элементом в облике американского дома.

Понятно, что жилища современных американцев чрезвычайно разнятся в зависимости от достатка, национальной принадлежности, социальной среды. В каждом городе есть районы, где селится беднота. Районы также разделяются по национальному признаку – китайский, японский, корейский, мексиканский и т.д. В них, безусловно, проявляются черты интерьеров тех стран, выходцами из которых являются строители. Есть совершенно убогие хибары. Но есть и отдельные коттеджи, огромные квартиры. Для среднего американца характерно обилие жилой площади. Показательно, что когда детям в школе дали задание придумать дом своей мечты, дети, приехавшие из Советского Союза, придумали самый маленький домик. Им и в голову не приходило сделать большую ванную с бассейном, комнату для прислуги, туалеты в каждой спальне и для обслуживающего персонала и гостей и т.п. Если для Англии характерно, что богатые люди живут в коттеджах, а бедные – в квартирах, то в современной Америке такая социальная градация не показательна. Человек где-нибудь в провинциальном городе может иметь дом, но он намного беднее человека, живущего в Нью-Йорке в квартире в престижном районе.

Обычно в американском доме есть общая комната. Иногда к ней примыкает бар, просмотровый зал, бильярдная, кухня (в большом доме рядом находится комната для прислуги, туалет и душевая для нее) и спальни. У каждой спальни – туалет, ванная. Кроме того, в Америке нет шкафов для одежды. Они встраиваются в спальную комнату. В больших домах вместо этого выделены отдельные комнаты, где в середине стоят столы для хранения под замком драгоценностей. Ванные комнаты могут быть от маленьких до огромных, где стоят диваны, есть бассейн, джакузи и т.п. Как правило, американцы предпочитают иметь отдельный дом с отдельным двором, где есть бассейн, место для установки барбекю и т.п. «Сегодняшние американцы не живут в бетонных коробках, которые им предлагали проектировщики 20-х гг. Они предпочитают дома в колониальном стиле, обставленные мебелью времен Гражданской войны» [2, 140]. Огромное количество богатых людей имеют возможность покупать коттеджи одно-, двух- или трехэтажные, которые строятся в английском, французском, итальянском стиле с обширным двором, бассейном. В таких домах есть отдельные тренажерные комнаты, кинозалы, спальни для гостей, бильярдные и т.п.

Не редкость и замки. Примером такого замка, который сейчас превращен в музей, является замок журнального магната Вильяма Рендольфа Хёрста (Hearst castle) в Сан-Симеоне. Несмотря на то, что строительство и интерьеры были поручены архитектору, вкус хозяина проявился во всем, как и его богатство. На территории замка – зоопарк, дельфинарий, огромные сады и парки, личный аэродром, стада антилоп, зебр. У него было еще семь замков. Один замок он купил в Испании и перевез в Америку. Сюжет знаменитого фильма «Гражданин Кейн» Орсона Уэллса создан по жизненным перипетиям этого газетного магната. Внушительные размеры замка, огромное количество комнат стали сегодня музеем, кото-

рый посещает множество туристов. Внутри – огромный бассейн, большое количество комнат, в которые свезены культурные памятники из Европы. Например, столовую украшают старинные шпалеры, библиотеку – панели средневековых соборов Франции. Но обращался с этими памятниками культуры хозяин бесцеремонно. Так, расписной кесонированный потолок итальянского Возрождения не вмещался в площадь спальни. Тогда хозяин приказал его распилить и подшить им две комнаты. Замечательный дрессуар эпохи барокко он украсил изображением орла работы безымянного автора из его окружения, правда, тоже деревянным. Многие памятники антиквариата были свезены сюда из Европы. Считается, что кровать Хёрста принадлежала Ришелье. Но вместе с действительно бесценными шедеврами здесь много копий и очень плохих работ. Таких богатых домов в Америке много, где наряду с бесценными сокровищами человеческого духа соседствуют совершенно безвкусные творения, приятные по каким-либо причинам владельцу.

«Пригородный – по-нашему, дачный – образ жизни и есть то кардинальное отличие Америки от Европы, которое должно было бы поражать приезжих. Если этого и не происходит, то лишь потому, что выходцы из Старого света не могут принять пригородную Америку за настоящую, предпочитая верить, что вся она живет в одном небоскребе» [2, 96]. Впрочем, у очень многих людей нет ничего.

Эта многопалитровая форма жилищ присуща сегодня многим странам, в том числе и нашей стране. Так что говорить о едином американском интерьере невозможно, ибо он различен в разных социальных средах, национальных общностях. Зависит он также от города. В глубинке – одни предпочтения, в Вашингтоне или Нью-Йорке – другие, в Лос-Анджелесе – третьи. И все же можно согласиться с П. Вайлем и А. Генисом: «Сыграли свои роли Афины – исток цивилизации, Иерусалим – хранилище святынь, Рим – завязь государства, Париж – культурный полигон. Сейчас – время Нью-Йорка» [2, 39].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бромлей, Ю. В. Создано человечеством / Ю. В. Бромлей, Р. Г. Подольный. – М.: Политиздат, 1984. – 272 с.
2. Вайль, П. Американа / П. Вайль, А. Генис. – М.: СЛОВО, 1991. – 319 с.
3. Литке, Ф. П. Дневник, веденный во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» / Ф. П. Литке // Шур Л. А. К берегам Нового света. – М., 1971. – С. 153. Цит. по: Окладникова, Е. А. Этнографические наблюдения русских моряков, путешественников, дипломатов и ученых в Калифорнии в начале и середине XIX в. (обзор источников) / Е. А. Окладникова // Русская Америка. – М.: Мысль, 1994. – С. 255-345.
4. Матюшкин, Ф. Ф. Журнал кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» / Ф. Ф. Матюшкин // Шур Л. А. К берегам Нового света. – М.: 1971. – С. 68. Цит. по: Окладникова, Е. А. Этнографические наблюдения русских моряков, путешественников, дипломатов и ученых в Калифорнии в начале и середине XIX в. (обзор источников) / Е. А. Окладникова // Русская Америка. – М.: Мысль, 1994. – С. 255-345.
5. Хлебников, К. Т. Записки о Калифорнии / К. Т. Хлебников // Сын Отечества. Т. 8. 1829. – С. 446. Цит. по: Окладникова, Е. А. Этнографические наблюдения русских моряков, путешественников, дипломатов и ученых в Калифорнии в начале и середине XIX в. (обзор источников) / Е. А. Окладникова // Русская Америка. – М.: Мысль, 1994. – С. 255-345.
6. Александренков, Э. Г. Этнология: учеб. для вузов / Э. Г. Александренков, Л. Б. Заседателева, К. И. Зверев [и др.]. – М.: Наука, 1994. – 383 с.
7. Традиционная культура коренного населения Тихоокеанского побережья Северной Америки: учеб. пособие / отв. ред. Е. А. Окладникова. – СПб.: МАЭ РАН, 2002. – 112 с.
8. Kostromitinov P. S. Bemercungen uber die Indianer in ober-Kalifornia // Wrangell F. Statistische und ethnographische nachrichten uber die Russischen Besitzungen an der Nordwestkuste von Amerika. – St. Petersburg, 1839. – P. 73. Цит. по: Окладникова, Е. А. Этнографические наблюдения русских моряков, путешественников, дипломатов и ученых в Калифорнии в начале и середине XIX в. (обзор источников) // Русская Америка. – М.: Мысль, 1994. – С. 255-345.
9. Wrangell F. Statistische und ethnographische nachrichten uber die Russischen Besitzungen an der Nordwestkuste von Amerika / F. Wrangell. – St. Petersburg, 1839. – P. 73. Цит. по: Окладникова Е. А. Этнографические наблюдения русских моряков, путешественников, дипломатов и ученых в Калифорнии в начале и середине XIX в. (обзор источников) // Русская Америка. – М.: Мысль, 1994. – С. 255-345.

Меделян Е. В.

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Меделян Е. В.

E. V. Medelyan

**РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ**

**THE ROLE OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN THE FORMATION
OF AN INDIVIDUAL'S ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS**

Меделян Елена Викторовна – соискатель гуманитарной школы Дальневосточного федерального университета (специальность 24.00.01 – Теория и история культуры), доцент кафедры естественно-научного и математического образования ГОАУ ДПО «Приморский краевой институт переподготовки и повышения квалификации работников образования» (Россия, Владивосток); 89147324862. E-mail: medelena64@mail.ru.

Ms. Elena V. Medelyan – PhD Applicant, the School of Humanities, the Far Eastern Federal University (discipline No. 24.00.01 - Theory and History of Culture); Assistant Professor at the Department of Natural Sciences and Mathematics, the Primorye Regional Institute of Further Training and Professional Development of Educators (Russia, Vladivostok); 89147324862. E-mail: medelena64@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблемам экологического образования и воспитания. Приводятся результаты исследования ценностного отношения педагогов и школьников к природе. Представлен опыт организации детских и молодежных культурно-образовательных программ международного проекта «Сохраним Японское море вместе». Раскрывается роль межкультурной коммуникации в формировании экологической культуры личности.

Summary. The paper deals with key issues of environmental education. It presents the results of investigation of the axiological attitudes of teachers and students to wild nature. The experience of organizing cultural and educational programs for children and youth within the international project "Save the Sea of Japan Together" is outlined. The role of cross-cultural communication in the development of environmental consciousness of an individual is revealed.

Ключевые слова: экологическое образование и воспитание, экологическая культура, ценностное отношение, межкультурная коммуникация.

Key words: environmental education and training, environmental consciousness, axiological attitude, cross-cultural communication.

УДК 32.019.51

Целенаправленное формирование экологической культуры стало настоятельным требованием времени. Особенно остро этот вопрос стоит в нашей стране. Отсутствие экологической грамотности, безразличие к природе достаточно типичны для российских граждан, и особенно – молодежи. По данным службы «Европейские социальные исследования» (ESS), Россия занимает одно из последних мест среди 26 европейских стран по сформированности заботы о людях и природе, что вызывает глубокую тревогу в отношении развития будущего страны [4: 13, 108]¹. При этом ситуация с отношением наших граждан к природе не улучша-

¹ Исследовалось отношение к четырем крупным категориям ценностей, пары которых взаимнообратно связаны: с ростом одних показателей соответственно снижаются другие. Для среднего россиянина характерны самые высокие индексы по самоутверждению (значимость власти, богатства, личного успеха), что «оставляет в сознании меньше места для заботы о равенстве в стране и мире, о толерантности, о природе и окружающей среде, для беспокойства и заботы о «дальних» и «ближних». По степени выраженности перечисленных ценностей рядом с Россией три страны – Украина, Словакия и Турция. Как считают исследователи (В. С. Магун, 1994), осуждаемые ценности перешли в разряд одобряемых, а забота о благе окружающих потеряла былой нравственный ореол, что можно связывать со сменой идеологии, переходом к рыночной экономике и другими обстоятельствами [5, 4].

ется. Несмотря на то, что до 60 % россиян проживает в зоне экологического бедствия, только за период с 2007 по 2008 гг. В их восприятии значимость экологической проблематики опустилась с 12-го на 18-е место [12, 44]. Среди многих причин такого состояния следует назвать неэффективность экологического образования и воспитания.

Образование играет ключевую роль в формировании системы ценностей и жизненных установок личности, в том числе в сфере экологической культуры. Под экологической культурой мы понимаем ценности и нормы отношений человека с природой, сформированные образованием и воспитанием. Как показывает опыт, эффективность воспитательного воздействия образования напрямую зависит от интеграции естественнонаучных и гуманитарных знаний об окружающем мире и представлений о природе самого человека. Однако на текущий момент времени эти образовательные направления продолжают развиваться самостоятельно, каждая «оттягивая» центр внимания на себя.

Современная педагогическая практика показывает, что изменение сознания средствами образования возможно при условии перехода от предметно-ориентированных моделей образования на культурологические и личностно-ориентированные основания. Для «запуска» механизмов *саморазвития* личности необходима образовательная среда, способствующая «переводу» сознания на более высокий уровень и, соответственно, закреплению формирующихся при этом когнитивных, перцептивных, эмоционально-волевых состояний в качестве постоянных личностных структур. Становление экологической культуры возможно только в том случае, когда в образовательной среде появятся условия для поэтапного становления опыта личности через призму природо-ориентированных знаний и действий, личного проживания любования природой и заботы о ней. Массовый характер современного процесса образования чаще всего этого лишен. В образовании эффективные инструменты воздействия на личность зачастую замещаются простым информированием; массовая культура, усиленная влиянием современных СМИ, пропагандирует образцы моральной вседозволенности в общественной жизни и потребительски отчужденное отношение к природе. Все это не только не способствует повышению уровня духовности, общей и экологической культуры личности, но и как отметил известный отечественный психолог А. Н. Леонтьев, ведет к «всеобщему обнищанию души при тотальном обогащении информацией».

Мировые процессы глобализации современного общества способствуют новому, планетарному пониманию экологических проблем и обращают к поиску целостных и более конструктивных подходов формирования экологической культуры. Среди них – межкультурная коммуникация (МКК). Мы исходим из того, что межкультурное общение содержит в себе мощный воспитательный потенциал. В рамках межкультурного общения появляется возможность сравнения себя с *другим*, открывается новый опыт отношений с миром людей и природы. Только при встрече с другой культурой возможно более глубокое осознание своих собственных культурных ценностей [11, 232]. Именно в условиях метакультурного диалога, со-творчества, каждая культура получает возможность рефлексивно использовать творческие достижения других культур для собственного развития [10, 27].

С целью изучения состояния экологической культуры, и учитывая значимость образовательного процесса в ее формировании, нами было проведено исследование ценностных ориентаций среди педагогов (учителя начальных классов и естественнонаучного профиля) и школьников Приморского края. Результаты опроса показывают, что педагоги наибольшие предпочтения отдают проблемам развития человека (24,7 %), семьи (24 %), здоровью (22,1 %), активной насыщенной жизни (15,5 %), знаниям и опыту (10,3 %) и лишь 3,4 % респондентов в качестве ценности рассматривает природу. Почти половина исследуемых (43,7 %) считает, что решение экологических проблем в первую очередь зависит от государственных решений на разных уровнях; вместе с тем 56,3 % учителей уверены – только совместные усилия людей, представителей различных государственных структур, могут разрешить экологические проблемы.

Медеян Е. В.

**РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ**

С помощью вербальной ассоциативной методики [3] определены ведущие ценностные установки отношения к природе школьников и педагогов (см. табл. 1).

Таблица 1

Определение доминирующей установки личности

Тип установки	Школьники, %	Педагоги, %
Эстетическая	21,5	28
Когнитивная	29	22,8
Этическая	14	14,7
Прагматическая	26	29,7
Отвлеченное слово	9,5	4,8

Исследование показало, что у школьников преобладают когнитивная и прагматическая установки; педагогов также отличает прагматическое восприятие природы, но к этому добавляется выраженная эстетическая установка. Обращает внимание, что показатель этических норм у респондентов сильно отстает от прагматического. Мы рассматриваем это как прямой результат влияния сложившихся в обществе стереотипов потребительского отношения к природе. Особую тревогу вызывает несогласованность установок педагогов, так как именно они являются непосредственными организаторами учебно-воспитательного процесса.

В целях определения воспитательной направленности образовательного процесса педагогам предлагалось разработать задания для школьников, способствующие: 1) овладению базовыми понятиями, методами исследования; 2) развитию эмоций, эстетического и ценностного отношения; 3) формированию поведения в природе; 4) практическому применению учебной информации. В качестве вспомогательных средств использовались географические карты, иллюстрации и фотографии, отражающие многообразие природы региона. Наибольшие затруднения вызвали задания 2 и 3-го типа, что указывает на недостаток психолого-педагогических знаний и подходов воспитания личности. Частно-предметные вопросы (1) формулируются узко, без учета межпредметных связей; в заданиях 4-го типа отсутствуют экономические, ценностные аспекты, примеры устойчивого природопользования отечественной и зарубежной практики. В результате анализа современных учебно-методических комплектов области естествознания выявлена несбалансированность содержательных блоков: «человек, общество», «экономика», «природа», что свидетельствует о недостаточной экологизации содержания учебного материала. Учебные тексты, задания лишены психологических (эмоционально-ценностных, оценочно-деятельностных, поведенческих), нормативно-правовых (экологическое право, биологическая этика), хозяйственно-бытовых аспектов. Анализ отбора педагогами методов познания природы показал, что чаще всего используется визуальный канал, другие, не менее важные (аудиальный, кинестетический, обоняния, вкуса и др.), практически не задействованы, что сужает представления школьников о многогранности окружающего мира и не обеспечивает развитие полноценных отношений.

По анкетам и рисункам городских школьников выявлено: только 12 % старшеклассников озабочены состоянием окружающей среды, 8 % рассматривают природу как предмет хозяйственной деятельности человека, примерно поровну распределены потребительские, эстетические и познавательные позиции. Учащихся начальных классов (17 %) отличает чувство тревоги о природе; 20 % демонстрируют хозяйское взаимодействие с природой и чувство заботы, в равном соотношении познавательные-эстетические и прагматические взгляды. Следует отметить, что большая часть рисунков выполнялась школьниками, проживающими на берегу Амурского залива Японского моря. Однако море и его обитатели не стали главной темой рисунков: дети изображали лес, озеро, речку, диких животных, что указывает на отсутствие ценностного отношения к природным объектам зоны ближайшего внимания.

Дальний Восток – единственный регион мира, в котором проблема утилизации мусора находится в стадии становления. Эта проблема актуальна и для Приморского края: около 80 % населения нашего края проживает на побережье Японского моря и рек его акватории.

Вместе с тем широким освещением этого вопроса не занимается ни одна экологическая организация региона (Я. Ю. Блиновская, 2007). Результаты опроса показали, что в большинстве случаев море рассматривается только как объект отдыха и любования без учета его экономических возможностей. Респонденты, проинформированные об экологическом загрязнении водного бассейна, не предлагали никаких мер по его очистке и восстановлению, по облагораживанию прибрежной зоны для отдыхающих. Состояние заброшенных приморских сельскохозяйственных земель вызывает тревогу только у 5 % опрошенных.

Таким образом, уровень экологической культуры большинства участников исследования не достаточный. Современная образовательная среда является слабым ресурсом экологического воспитания в связи с отсутствием общепринятой, экологически ориентированной идеологии, метапредметных, культурологических, ценностно-созидательных подходов. В основе всех видов деятельности человека лежит эмоционально-ценностное отношение. Как отмечает Ю. И. Берсенев, один из законодателей природоохранной системы Приморья, подавляющая часть населения края – мигранты в первом или втором поколении, не впитавшие с молоком матери любовь к природе региона России, богатейшего среди всех остальных по многообразию флоры и фауны, что в целом определяет потребительский характер освоения природы [1]. Долгое время образовательные цели всех областей знания подчинялись идее – «человек – часть природы», невольно формируя в обществе позицию отстранения и безучастности (созерцатель, исследователь, пользователь и т.д.). Красной строкой новой методологии экологического образования и воспитания должна стать идея «Природа – часть человека», указывающая на прямую ответственность человека за судьбу природы [7, 60; 8, 127]. Только тогда природа будет представлять определенную ценность и значимость для человека, когда он будет вкладывать личные ресурсы в ее развитие и благополучие.

В сопредельных странах АТР сложился положительный опыт в отношении проблем природопользования, подкрепленный законодательной базой, экономическими требованиями и социальными условиями. К примеру, в государственной системе Японии заложены разные стимулы формирования экологически грамотного поведения граждан. На многих объектах общественной жизни, будь то Парк древних растений, промышленная зона, миниатюрный участок у дома, морские огороды или прибрежная зона, ощущается ценностное и заботливое отношение к природе. В стране полностью отлажены механизмы сбора и сортировки мусора.

Для изучения роли межкультурной коммуникации в формировании экологической культуры личности по инициативе ПК ИПКРО, НКО «Навигаторы-скауты», общественных организаций «Россия-Япония», «Тояма-Россия» в 2006-2009 гг. был организован международный молодежный проект «Сохраним Японское море вместе». Проект представлял собой самостоятельные циклы культурно-образовательных программ, часть из которых завершалась экологическими встречами и семинарами в Японии. У проекта сложилась своя атрибутика: логотип, сертификат участника, значок. В реализации программ приняли участие более 600 школьников и студентов Приморья, Амурской области и г. Читы, изучающих под руководством педагогов биологическое разнообразие прибрежных экосистем Японского моря в собственных регионах. В качестве методологической основы проекта использовалась ценностно-созидательная модель экологического воспитания (образования), содержание и технологии которой способствуют развитию системного взгляда на природу - как на предмет познания, ценности и личной заботы [7, 62; 8, 128]. Для решения исследовательских задач применялись общенаучные подходы, методы естественных и социальных наук (анкетирование, соцопрос, беседа), технологии экологического проектирования. Использовались методы межкультурной коммуникации (ролевые игры, интерактивное моделирование, метод самооценки и рефлексии), другие культурологические и психолого-педагогические подходы (обращение к литературным и историко-краеведческим материалам, написание эссе, анализ тестов, рисунков, индивидуальная и групповая рефлексия).

Медеян Е. В.

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Культурно-образовательная программа проекта «Сохраним Японское море вместе» была направлена на познание школьниками особенностей японской культуры (одухотворение природы, опыт созерцания и любования), развитие их эмоционально-ценностной сферы во время экскурсий в Зеленые центры, Музеи природы, больницу для птиц, естественные экосистемы. Так, в буковой роще дети с помощью стетоскопа «слушали» сердце у дерева. Во время цветения сакуры «погружались» в созерцательную практику. В Парке древних растений открыли для себя мудрое и бережное отношение граждан к природному наследию своей страны – дерево сохраняется даже тогда, если на нем распускается всего одна ветвь. Учебно-проектировочные семинары («Проблемы Японского моря глазами детей», «Разработка этапов реализации экологических проектов», «Организация информационно-просветительской работы с местным населением» и др.), тренинги по формированию экологического сознания и лидерских качеств, ролевые игры («Мировая торговля»), постоянная групповая и индивидуальная рефлексия погружали детей в среду формирования экологического сознания, элементов культуры, природосообразного поведения и действий.

Программа включала целый ряд важных культурно-познавательных мероприятий. Благодаря двухдневному пути в Японию на теплоходе «Русь», создавалась атмосфера тесного взаимодействия участников проекта из разных регионов, осуществлялась тщательная подготовка к формированию образа чужой страны, к межкультурному общению. В вопросах коммуникации личность рассматривается не просто как субъект общения, но как представитель и носитель конкретной культуры, несущий ответственность за «полноту использования ресурсов своей культуры» [6, 155]. При подготовке к церемонии знакомства мы делали акцент на особенностях отечественных государственных символов и культурных традиций. Участники проекта представляли свои региональные команды: визитная карточка, проектные экологические и природоохранные идеи. Содержание занятия «Образ страны восходящего Солнца» раскрывало физико-географические особенности островного государства, форму государственного правления, наиболее значимые черты экономики, культуры, науки, техники. На уроках японского языка каждый участник обучался необходимой технике поведения и произношения приветственных и благодарственных фраз, а также получал словарь-минимум. Одно из значимых событий программы – Форум экологических проектов. В состав жюри входили школьники и педагоги-экологи. По итогам Форума отбирались лучшие проекты для представления японским педагогам и школьникам. Участники награждались дипломами и призами.

Во время реализации программ создавались условия для активного межкультурного общения с детьми и взрослыми жителями Японии. Важное воспитательное значение имеет церемония знакомства с японскими школьниками и их семьями во время традиционного обмена сувенирами и подарками. К этому моменту школьники готовятся заранее, интересуются, что может понравиться их сверстникам, при этом учитывают российскую государственную символику, народные традиции, а также тонкости процедуры вручения подарка. Стоит отметить, что большинство японцев, взрослые и дети, предпочитают дарить то, что сделано собственными руками из декоративной проволоки, ткани, бумаги, например, бумажные журавлики. Наши зарубежные коллеги уделяют большое внимание рукоделию. Практически во всех музеях природы, зеленых центрах, ботанических садах есть специально оборудованные помещения, в которых взрослые и дети могут обучаться работе с природным материалом. На одном из экологических семинаров японские педагоги научили детей изготовлению свечей из бамбуковых стеблей и вторично используемых отходов растительного масла. Много внимания во время международных встреч уделяется культурно-спортивным мероприятиям, национальным играм в смешанных по составу командах, чайным церемониям, что способствует более глубокому освоению чужой культуры и традиций, оптимизирует коммуникацию и сближает детей. Межкультурное общение с погружением в различные виды деятельности активно влияет на характер межличностных отношений, порождает множество личностных эмоций, убеждений, сомнений, смыслов, заставляет по-новому вступать в общение и оценивать себя.

Культурно-образовательные программы проекта знакомили школьников с природоохранным опытом страны (музеи, зоопарки, естественные природные и парковые комплексы), культурными и развлекательными достопримечательностями (храмы, замки самураев, аквапарки), образовательной системой (общеобразовательные и спортивные школы, дома молодежи, школьные лагеря) и техническими достижениями (фабрика роботов). Экскурсионные маршруты по Японии раскрывали образ жизни сельского и городского населения, особенности поведения людей разных профессий – педагогов, продавцов, фермеров, водителей. Школьники обращали внимание на ухоженные сельскохозяйственные участки, состояние лесных и водных экосистем, дорог, отмечали разные формы вовлечения японских школьников в природоохранную деятельность. К примеру, центр водоплавающих птиц в г. Енаго (префектура Тоттори) оснащен самым современным оборудованием, что позволяет школьникам под руководством специалистов изучать особенности и поведение зимующих в Японии популяций птиц. В г. Тояма подростки под руководством сотрудников Музея природы (префектура Тояма) осваивают технологии изготовления древесного угля, участвуют в формировании лотосовых посадок, способствуют сохранению мест обитания охраняемых видов животных (искусственные пруды для саламандры) и растений.

На обратном пути из Японии проводились мероприятия рефлексивного характера: конкурс стихотворений и рисунков «Японское море глазами детей», написание эссе, групповое обсуждение по теме «Образ Японии: до и после», занятия по оригами. Непосредственная близость к морю, возможность личных наблюдений и открытий обеспечивали формирование более глубокого и многоаспектного восприятия моря – как источника красоты, силы, вдохновения, среды обитания, места отдыха и грамотной хозяйственной деятельности человека (морские огороды). Для выявления коммуникативных результатов программы проводилась ролевая игра «Мировая торговля». Согласно условиям игры, школьники становились жителями нескольких государств, отличающихся уровнем экономического развития и ресурсами. Отдельной структурой являлся Мировой банк, регулирующий финансовые процессы займа, купли-продажи. Главная идея игры направлена на понимание ее участниками необходимости международного взаимодействия, объединения экономических и природных ресурсов, но к этому участники должны были прийти в ходе игры. Однако усилия сводились к обретению независимости и процветания «государств» любой ценой. Поведение и игровые роли детей – следствие моделей межличностных и межкультурных отношений взрослых. Процесс игры и ее результаты указывают на несовершенство современного уровня международного экономического и культурного взаимодействия, отсутствие целостного взгляда человечества на проблемы культуры и природопользования. Только глубокий анализ игры подводил участников к пониманию необходимости разносторонних отношений и соответствующих личностных изменений.

Исходя из опросов и анкетирования школьников, нами выявлены наиболее значимые воспитательные элементы межкультурной среды. В первом ряду – личностные качества граждан Японии: организованность, гражданская активность; вежливость, пунктуальность, доброжелательность, общительность, забота о природе и ближних, трудолюбие, чистоплотность, уважение к другим культурам, законопослушность, понятие чести. Образ страны дополнили такие характеристики, как высокий уровень промышленных технологий и организации труда, быта; экологически ориентированный ландшафтный дизайн; щадящее для природы строительство дорог и тоннелей; сохранение культурных традиций в элементах одежды, жилища, питания; природосообразный уровень ведения сельского хозяйства, марикультуры; широкий спектр программ культурного развития общества; забота государства о людях; этническое своеобразие страны.

Результаты исследования показали, что восприятие природы как объекта отдыха на начало проекта отмечают 22 % школьников, по окончании – 7,4 %; как предмета тревоги и заботы – 11,9 % в начале, в конце – 20,8 %; для использования в хозяйственных целях – 10 % в начале, 19,4 % в конце. Почти не меняются взгляды учащихся (от 56,1 до 52,4 %) на приро-

Меделян Е. В.

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

ду как на источник познания и любования. Происходят изменения в стиле поведения участников проекта. Так, в группе из 80-86 школьников на начальных тренингах по формированию экологической культуры и лидерства в молодежной среде активно проявляли себя 4,6-5,5 % учащихся, к окончанию образовательного цикла их число увеличивалось в 3-4 раза.

Проанализировав результаты наблюдений и аналитических материалов, мы пришли к выводу, что межкультурная коммуникация является значимой средой межличностного взаимодействия, духовного, культурного развития и взаимообогащения представителей разных культур. Во время межкультурного общения происходит открытие и осмысление ценностей другой культуры, обращение к опыту другого способствует становлению и пониманию своего собственного «Я». Чужая культура является своеобразным зеркалом для рефлексии собственной культуры и опыта, «высвечивания» личностных достоинств и недостатков, раскрытия новых возможностей, позволяет человеку развиваться, сохраняя и преумножая при этом свою самобытность [6, 170]. В процессе межкультурных коммуникаций происходят не только изменения в культуре личности и отношения к миру людей и природы – через освоение новой информации, фактов, понимание взаимосвязи локальных и глобальных процессов, их причинно-следственных связей формируется планетарное экологическое сознание.

Попадая в иную среду, по-новому оценивается природное наследие и отечественная культура, сравниваются нормы духовной и материальной жизни двух стран, происходит глубокое осмысление реализованных в другом государстве экологических, природоохранных, культурных и экономических идей. Межкультурные проекты позволяют сформировать взгляд на свою собственную культуру со стороны, оценить ее и придать ей новый виток развития. Таким образом, межкультурное общение обладает достаточным потенциалом развития эмоционально-ценностного отношения к природе, предоставляя более широкие возможности для изменения экологического сознания и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берсенев, Ю. И. Особо охраняемые природные территории Приморского края / Ю. И. Берсенев, Б. В. Цой, Н. В. Явнова. – Владивосток: Изд-во «Апельсин», WWF, 2006. – 36 с.
2. Выготский, Л. С. Собрание сочинений. Т. 1-6 / Л. С. Выготский. – М., 1982-1984.
3. Гагарин, А. Человек-листочек / А. Гагарин, С. Новиков. – Хабаровск: ДВ ИСАР, 1998.
4. Магун, В. С. Базовые ценности россиян и других европейцев / В. С. Магун, М. Г. Руднев // Вопросы экономики. – 2010. – № 12. – С. 107-130.
5. Магун, В. С. Ценностный реванш в современном российском обществе / В. С. Магун // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. – М.: Интерпракс, 1994.
6. Межкультурная коммуникация: теория, методология и практика: концептуальный учебный курс / под ред. С. Е. Ячина. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2011. – 259 с.
7. Меделян, Е. В. Природа как предмет познания, ценности и личной заботы школьников / Е. В. Меделян // Биология в школе. – 2011. – № 2. – С. 58-64.
8. Меделян, Е. В. Ценностно-созидательная модель эколого-биологического образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 24-25 сентября 2010 г. / Е. В. Меделян. – Владивосток: Изд-во ПИППКРО, 2010. – С. 129-131.
9. Царева, М.А. Культурный образ в межкультурной коммуникации (на примере Японии): дис. ... канд. культурологии / М. А. Царева. – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2006.
10. Ячин, С. Е. Состояние метакультуры / С. Е. Ячин. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – С. 261.
11. Ячин, С. Е. Метакультурное сообщество: встреча на границах культурных сред / С. Е. Ячин, А. В. Поповкин, М. Е. Буланенко // Этносоциум. – 2010. – № 6. – С. 232-243.
12. Экологически устойчивое развитие России. Пленарное заседание Общественной палаты РФ и Международная конференция (февраль 2007 г.). Материалы Комиссии по экологической безопасности и охране окружающей среды. – М. : Акрополь, Общественная палата РФ, 2007. – 192 с.
13. European Social Survey (ESS). Режим доступа: www.EuropeanSocialSurvey.org [дата обращения 15.10.2010].

Филипова А. Г.
A. G. Filipova

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА

INSTITUTION OF SOCIAL SUPPORT AS AN ELEMENT OF SOCIAL PROTECTION OF CHILDHOOD

Филипова Александра Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: alexgen77@list.ru.

Ms. Alexandra G. Filipova – PhD in Historical Studies, Associate Professor, Department of Social Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: alexgen77@list.ru.

Аннотация. В статье представлен социологический анализ института социальной поддержки. Цель института – жизнеобеспечение российского детства, оказавшегося в трудной жизненной ситуации. Данный институт вместе с институтами образования, здравоохранения и правовой защиты образует «ядро» системы социальной защиты детства. Элементами социологического анализа выступают ценностно-содержательная и организационно-учрежденческая структуры института. Социально-обеспечительная помощь и социально-обеспечительное содержание трактуются как ответы со стороны государства на риски, угрожающие семье и ребенку. Автор делает вывод об имитационном характере деятельности института социальной поддержки, приводящем к социальному неравенству детства, социальному иждивенчеству и другим проблемам.

Summary. The paper offers sociological analysis of the concept of social support. The institution's purpose is ensuring the work of vital service systems for the benefit of Russian children being in a difficult life situation. This institution, together with education, public health services and legal protection, forms the core of the system of social protection of childhood. The elements of the sociological analysis are here the value/content and organizational/managerial structure of the institution. Social security services and social welfare benefits are viewed as the state's response to the risks that may threaten families and children. The author makes a conclusion that the social support institution's activity has a rather simulative nature and leads to social inequality of childhood, social dependence and other problems.

Ключевые слова: детство, социальная поддержка, институциональный анализ, система социальной защиты, риски, ресурсы.

Key words: childhood, social support, institutional analysis, social protection system, risks, resources.

УДК 316.354

Социальная защита в настоящем исследовании интерпретируется как комплекс мер, реализуемых государством, семьей, общественными организациями и направленных на сохранение, поддержание и развитие детства. «Ядро» системы социальной защиты детства образовано институтами образования, здравоохранения, социальной поддержки и правовой защиты (см. прим. 1).

Институт социальной поддержки формируется в первой половине 1990-х гг. Он нацелен на избавление от абсолютной нищеты, оказание материальной помощи населению в экстремальных условиях, содействие адаптации социально уязвимых групп населения к условиям

рыночной экономики [7, 315]. В отношении детства главной задачей института стало его сохранение посредством жизнеобеспечения детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

В этот период было принято много законов, укрепляющих формы государственной поддержки семьи, развивающих систему социальных служб (см. прим. 2), действовали федеральные программы поддержки семьи и детства. В 2000-е гг. в практики социальной поддержки внедряются принципы страхования рисков, появляются понятия «страховой стаж», «персонифицированный учет», «трудовая пенсия». Материнство и рождение детей также воспринимаются как риск, нуждающийся в социальном страховании. Депопуляция населения вынуждает правительство искать новые пути повышения рождаемости и приводит к появлению «материнского капитала» (см. прим. 3).

Функции социальной поддержки, таким образом, заключаются в сглаживании социальной напряженности, снижении уровня социального неравенства, повышении доходов населения, стимулировании рождаемости. Латентные функции института социальной поддержки можно определить как формирование имиджа власти как организации, заботящейся о своих согражданах, влияние на лояльность к государству.

Ценностно-смысловое ядро института образовано принципами:

- а) доступности (каждый при наступлении обстоятельств, признаваемых социально значимыми, может рассчитывать на помощь со стороны государства);
- б) приоритетности предоставления услуг несовершеннолетним и семьям с детьми, оказавшимся в трудной жизненной ситуации;
- в) всеобщности (всеобщее пенсионное обеспечение, функционирование единой системы государственных пособий гражданам в связи с рождением и воспитанием детей);
- г) профилактической направленности (профилактика социального сиротства, ориентация на раннее выявление семей, находящихся в социально опасном положении, и их реабилитация, сопровождение);
- д) дифференцированности размеров социальной поддержки, зависящих от трудового вклада, социальной значимости обстоятельств нуждаемости (см. прим. 4).

Основными видами социальной поддержки семей с детьми и отдельно детей являются *обеспечительные* (пенсии, пособия, услуги, компенсационные выплаты, в том числе ежемесячные денежные выплаты (ЕДВ), полное государственное обеспечение) и *реабилитационные* виды (комплексы социальных услуг). Обеспечительный вид социальной поддержки, в свою очередь, можно разделить на социально-обеспечительную помощь и социально-обеспечительное содержание. Помощь носит временный характер и связана с трудной жизненной ситуацией семьи, которая преодолима. Помощь не является основным источником средств к существованию (это пособия, компенсационные выплаты, льготы). Социально-обеспечительное содержание связано с трудной жизненной ситуацией постоянного или долговременного характера (старость, инвалидность, смерть кормильца) и призвано компенсировать утраченный заработок (это пенсии, стационарное социальное обслуживание).

В организации социальной поддержки ключевым является понятие риска – предполагаемого события, влекущего изменение материального или социального положения человека. По источникам финансирования риски делятся на страховые и социальные. Страховые – это те, которые предвидятся государством и потому заблаговременно финансово обеспечиваются за счет страховых отчислений, уплаты работодателем единого социального налога. Социальные риски невозможно предвидеть, для их финансовой компенсации выделяются средства из бюджета (см. прим. 5).

С другой стороны, риски делятся на риски, связанные с ребенком, и риски, связанные с его семейным окружением. В отношении детства риски носят страховой характер только в тех случаях, когда детство влияет на других членов семьи, например, вызывает временную нетрудоспособность матери, и потому размер декретного пособия и пособия по уходу за ребенком определяется размером ее заработной платы, а в ситуации ухода за ребенком – заработной платой лица, фактически осуществляющего уход.

В системе государственных гарантий детство интерпретируется как *риск для взрослых людей*. Оно вызывает их временную или постоянную (например, в ситуации ухода за ребенком-инвалидом) нетрудоспособность и увеличивает иждивенческую нагрузку – траты на жизнеобеспечение ребенка, его образование, развитие. Временная нетрудоспособность вследствие ухода за ребенком компенсируется пособием по временной нетрудоспособности, выплачиваемым в таких же размерах, как и в случае болезни самого взрослого, не учитывающим иждивенческую нагрузку. Пособие по беременности и родам составляет 100 % заработка, пособие по уходу за ребенком до полутора лет – 40 % заработка.

Иждивенческая нагрузка оказывается тяжким бременем в ситуации дополнительных внешних рисков – выпадения одного из родителей по причине развода, лишения родительских прав, смерти, утраты трудоспособности одним из родителей, в том числе временно, потери работы. Не всегда в ситуациях повышения иждивенческих нагрузок отечественное законодательство предусматривает компенсацию расходов на ребенка, еще реже эта компенсация способна реально возместить понесенные семьей затраты. Такая ситуация приводит к ущемлению прав и несоблюдению интересов ребенка.

Ситуация *риска детства* признается социально значимой ситуацией и влечет обязанность государства предоставить социальную помощь. В законодательстве РФ основания получения государственной помощи определяются как трудные жизненные ситуации, связанные, в первую очередь, с сиротством, инвалидностью, нахождением в социально опасном положении. В первых двух случаях помощь носит обеспечительный, в последнем – социально-реабилитационный характер.

Организационно-учрежденческая структура института социальной поддержки представлена институциями, назначающими и реализующими социально-обеспечительные и реабилитационные виды поддержки, а именно отделениями пенсионного фонда и фонда социального страхования, социальными службами для семей и детей, бюро медико-социальной экспертизы и др.

Статьей 17 закона «Об основах социального обслуживания населения РФ» обозначены вероятные виды учреждений и предприятий социального обслуживания. К ним отнесены центры психолого-педагогической помощи населению, комплексные центры социального обслуживания, центры экстренной психологической помощи по телефону, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, дома ночного пребывания, геронтологические центры, стационарные учреждения социального обслуживания (дома-интернаты для престарелых и инвалидов, психоневрологические интернаты, детские дома-интернаты для умственно отсталых детей, дома-интернаты для детей с физическими недостатками) и пр.

Набор реально введенных в действие учреждений социального обслуживания оказался не столь вариативен. Типичный комплекс учреждений региона сформирован центрами социальной помощи семье и детям, социально-реабилитационными учреждениями для несовершеннолетних, реабилитационными центрами для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья, центрами социального обслуживания населения, а также стационарными учреждениями социального обслуживания.

Социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, социальные приюты для детей и подростков, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей – это специальные виды учреждений социального обслуживания детей, создающиеся по социальным нормативам из расчета одно учреждение на 5 – 10 тыс. детского населения (см. прим. 6). Социально-реабилитационные учреждения работают с детьми в возрасте от 3 до 18 лет, оставшимися в трудной жизненной ситуации. Функции данных учреждений практически идентичны – это защита прав и интересов детей, обеспечение временного пребывания в учреждении, медицинское обследование, а также их дальнейшее жизнеустройство. Разница заключается в специфичности трудной жизненной ситуации. В центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, как явствует из самого названия, принимаются дети, имеющие установленный статус «сироты». В приют поступают дети, нуждающиеся в экстре-

мальной помощи – под угрозой выживание ребенка, т.е. это первое учреждение, куда поступает ребенок в ситуации безнадзорности и беспризорности. А социально-реабилитационный центр в большей степени ориентирован на работу в области профилактики детской безнадзорности и беспризорности, проведение социально-реабилитационных мероприятий в отношении несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства, с целью возвращения ребенка в социально приемлемое жизненное русло. Поскольку бюджет субъекта РФ редко может позволить себе такую роскошь, как создание и обслуживание всех трех типов учреждений, на практике они действуют как взаимозаменяемые. В муниципальном образовании создается одно учреждение, которое работает и с сиротами, и с безнадзорными и беспризорными детьми, и с прочими категориями детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Таким образом, социальная поддержка подразделяется на социальную поддержку семей с детьми и социальную поддержку детей и может принимать формы социального обслуживания, социального страхования и социальной помощи. Социальная поддержка детей дифференцируется в зависимости от отнесения последних к категории «семейных детей», «маргинальных детей» или «институциональных детей» – детей, находящихся в государственных учреждениях. В свою очередь, социальная поддержка семей подразделяется на социальную поддержку семей, располагающих доходами на уровне прожиточного минимума или выше, и социальную поддержку бедных семей. Также можно выделить особые группы детей и особые группы семей, которым предоставляются дополнительные виды социальной поддержки. В 1990-е гг. в действовавших подпрограммах федеральной программы «Дети России» выделялись дети, проживающие в особых природно-климатических условиях и одаренные дети. На сегодняшний день, как уже отмечалось, целевыми группами института социальной поддержки выступают три – дети-сироты, дети-инвалиды и дети, находящиеся в социально опасном положении.

К особым типам семей российское законодательство относит многодетные семьи и монородительские семьи, которые нередко оказываются за чертой бедности вследствие нарушения структуры семьи. Социальная поддержка бедных семей может рассматриваться согласно типологизации, предложенной С. Ярошенко, как: а) дополнение к другим формам помощи (ведение подсобного хозяйства, помощь родственников), б) средство обеспечения выживания на фоне низкой заработной платы или длительной безработицы, в) изоляция от всевозможных источников существования, социальное исключение [10]. Если поместить семью с детьми в эти три заданные исследователем позиции, то получится, что формы социальной поддержки только в первом случае могут привести ее к мобилизации. Во втором и третьем случае обращения к «хорошей» бедной семье и «плохой» бедной семье социальная помощь не может компенсировать дефицит ресурсов, а уж тем более послужить толчком к восходящей мобильности. В ситуации семейного неблагополучия социальная поддержка становится стимулом воспроизводства социального иждивенчества, а детские пособия превращаются в средства существования асоциальных родителей. Таким образом, социальную поддержку можно рассматривать как механизм консервации бедности, выполняющий только частично функцию компенсации и не приводящий к мобилизации ресурсов семьи.

Вероятно, низкая эффективность социальной поддержки связана, с одной стороны, с ее маломощностью, низкими размерами, способными частично удовлетворить физиологические потребности семьи или видимостью (например, компенсационные выплаты по уходу за детьми до 3 лет в размере 50 рублей), а с другой – слабой ориентацией на самопомощь и самостоятельное разрешение сложной жизненной ситуации. Многие формы социальной поддержки можно рассматривать как некие имитации – порождение концепции социального государства, призванного заботиться о своих гражданах. Ведущей характеристикой государственной заботы является видимость, подкрепляемая множественностью форм, их активным публичным продвижением, типологизацией получателей по разным критериям.

Социально-экономическая нестабильность российского общества и стремительное реформирование социальной сферы вызывают *институциональные риски* в области соци-

альной поддержки семьи и детства. Исследование В. В. Петухова фиксирует «усиление недовольства россиян практически всеми сторонами социальной жизни» в 2000-е гг. при менее выраженном недовольстве в 1990-е гг., настороженное отношение к любым социальным новациям властей, заметно усилившееся после монетизации льгот. Новая социально-экономическая модель предполагает стабильность, но, констатирует исследователь, «не обеспечивает конвертацию экономического роста в улучшение качества жизни всего населения» [5, 36].

В табл. 1 представлены практики социальной поддержки в сопоставлении производимых рисков и предоставляемых ресурсов.

Таблица 1

Новые практики социальной поддержки

Новые практики	Ресурсы	Риски
«Монетизация льгот»	Упорядочение льготников, создание единой базы данных, возможность планировать бюджет с ориентацией на реальное число адресатов, получение «на руки» стабильной денежной суммы	Сокращение объема льгот, ущемление прав одних льготников по сравнению с другими при замене федерального бюджета как источника финансирования на региональный бюджет
Страховые принципы социальной поддержки	Аккумуляция денежных средств во внебюджетных фондах, повышение заинтересованности получателей в легализации заработка	Воспроизводство социального неравенства, ущемление прав детей, поставленных в ситуацию зависимости от страхового стажа родителей
Межбюджетные отношения в области социальной поддержки	Разделение полномочий между федерацией и регионами, возможность регионов «рулить», исходя из ситуации на местах	Неравенство финансовых возможностей регионов, разные наборы региональных форм поддержки семей с детьми
Материнский (семейный) капитал	Возможность вложения денежных средств в обучение ребенка, увеличения пенсионных накоплений матери, улучшение жилищных условий семей	Потребительское отношение к детям со стороны родителей (желание заработать на детях), обеспечение денежных выплат в связи с ростом инфляции
Создание социальных служб семьи и детства	Работа в микрорайоне, приближенность к семьям социального риска, возможность раннего выявления и сопровождения семей	Бюрократизация процедур получения социальной помощи, социальных услуг, недостаточность служб по причине роста семей в трудной жизненной ситуации

Анализ ресурсов показывает их принадлежность к управленческой системе, поскольку они призваны «упорядочить», «организовать» отношения, «аккумулировать средства», «разделить полномочия». Анализ рисков демонстрирует их воспроизводство институтом социальной поддержки в трех плоскостях – управленческой (организационные риски), исполнительской (профессиональные риски) и потребительской (социально-психологические риски).

Организационные риски связаны с непродуманностью реформ, принимающих характер социальных экспериментов, распределением финансовых обязательств между федеральным и региональными бюджетами, неравенством финансовых возможностей регионов «доноров» и «реципиентов». А. А. Быстров, рассуждая о материнском капитале, приходит к заключению, что «материальный стимул явно недостаточен, и выделяемые деньги не увеличивают ценность самого ребенка», раскачивание рождаемости может привести совсем к дру-

гим результатам [3]. Реформа 2004 г. о разграничении предметов ведения РФ и субъектов РФ была нацелена на бюджетную оптимизацию, улучшение удобства бюджетного планирования и «сбрасывание» значительных расходных полномочий на регионы с последующим жестким финансовым субсидированием регионов ради политического эффекта увеличения зависимости субъектов Федерации от федерального центра» [6, 484]. Она способствовала усилению территориального неравенства детей, проживающих в регионах с разным уровнем социально-экономического развития. Л. В. Константинова, обращая внимание на рост социальной ответственности третьего сектора и семьи, констатирует: «сокращение социальных обязательств государства и предприятий не компенсируется в адекватных масштабах приращением социальных возможностей общественных организаций и индивидуальных граждан» [4]. В результате детство оказывается лишено необходимой социальной поддержки для компенсации рисков, воспроизводимых семейным и более широким – социальным окружением.

Профессиональные риски института социальной поддержки существенно сократились в связи с решением вопросов кадрового обеспечения социальных служб. С 1991 г. в России высшими учебными заведениями ведется подготовка специалистов по социальной работе, а годом раньше принято решение о введении специальности «социальная педагогика». Однако экономия фонда оплаты труда работников социальных служб приводит к появлению в этих учреждениях случайных людей, высокой текучести кадров. Тотальное распространение семейного неблагополучия в сочетании с отсутствием технологий выведения семей из кризиса, нехваткой кадров для осуществления социального патронажа семей, вызывает риск формализации и бюрократизации работы. Работа с семьей, находящейся в социально опасном положении, поставлена на поток. Однако социальный конвейер не обладает эффективностью индивидуализированной адресной работы. Недостаточное внимание социальных служб к информированию и правовому просвещению населения приводит к нарушению принципа доступности социальных услуг, в частности, пропуску сроков, определенных государством для получения социальной помощи. Социологическое исследование С. Н. Щегловой показало недостаточную осведомленность детей в области защиты своих прав, слабую реализацию просветительской функции школой, родителями [9, 44].

Недостаточная осведомленность населения в области социальных реформ, порождающая домыслы, страхи, неверие, а также нестабильность социально-экономической ситуации в стране провоцируют *социально-психологические риски* института социальной поддержки. В этой области рисков наблюдаются две противоположные тенденции: с одной стороны, кризис доверия институциям, а с другой – рост социального иждивенчества, пассивности, привычки во всем полагаться на государство.

В результате распространение институциональных рисков перевешивает положительный эффект от привлечения дополнительных ресурсов в систему социальной защиты детства. Н. Н. Тихонова приводит неутешительные данные о существовании за чертой бедности около 60 % семей с детьми [8]. Это сводит все задачи института социальной поддержки к одной – задаче физического выживания детства. Об адресности мер в таких условиях говорить не приходится, т. к. адресатов слишком много и государство не справляется с их поддержкой. Появление второго ребенка в семье часто становится фактором понижающей мобильности, далее происходит «застревание» в стратификации бедности.

Социальное вспомоществование должно поддержать людей в трудный жизненный период и стимулировать их усилия по стабилизации социальной ситуации. Фактически же не работает ни первая часть утверждения – по причине символического размера выплат, ни вторая, поскольку происходит «застревание» в бедности, и из этого состояния выбраться семье с детьми собственными силами не получается.

Для укрепления позиций семей, имеющих детей, важно законодательное обоснование и поддержка исполнения «двойных» (семейных и производственных) обязанностей граждан. Е. Б. Бреева предлагает включить в оплату труда компенсацию содержания потомства, которая должна возрастать при существенных диспропорциях в структуре семьи (многодетности,

монородительстве) [2]. А. И. Антонов, В. М. Медков, В. Н. Архангельский обращают внимание на необходимость устранения всех подушных начислений за коммунальные услуги (вода, газ) при рождении детей, пересмотра нормативов прожиточного минимума (прожиточный минимум трудоспособного индивида-холостяка должен быть меньше, чем у пенсионера, инвалида, сироты), создания системы ДНК (доходов-налогов-кредитов), поощряющей семейный образ жизни в сравнении с одиночно-холостяцким [1]. Эти и другие предложения по повышению уровня жизни семей с детьми, высказанные отечественными исследователями, ориентированы на косвенную социальную поддержку семей, выравнивание стартовых позиций детства.

Мысль о стимулировании самозанятости, самопомощи, самозащиты, высказываемая идеологами адресной социальной политики, нуждается в подкреплении реальными механизмами. Пока же все возможные виды социальной поддержки дают нулевой эффект или приводят к эффекту «вращающихся дверей», когда одни и те же семьи выступают в качестве получателей социальной помощи.

Сбои механизмов социальной поддержки семей происходят также по причине распространения межинституциональных рисков – трудностей организации межведомственных взаимодействий, установления жестких непрозрачных институциональных границ, «маятниковости» социальных решений и т.п.

Вся институциональная работа по защите детства ведется на уровне «переднего плана исполнения», поскольку необходимо продемонстрировать Комитету ООН работу по продвижению интересов ребенка и реализации на территории России Конвенции «О правах ребенка». В результате происходит имитация деятельности на уровне государства перед международным сообществом, на уровне региона – перед Федерацией, на уровне муниципалитета – перед властью субъекта. «Социальный план» по сокращению сиротства, инвалидизации детства, детской преступности и правонарушений выполняется не за счет улучшения качества детства, а преимущественно посредством включения социальных механизмов маскировки негативных явлений. К примеру, безнадзорных и беспризорных детей после кодирования родителей от алкогольной зависимости, проведения воспитательных бесед и применения административных мер воздействия – штрафов и вызовов на комиссию по делам несовершеннолетних – возвращают в кровные семьи.

Объемы государственной помощи не удовлетворяют потребности детства, социальные гарантии детства не имеют адекватных механизмов их поддержания (псевдогарантии и псевдострахование). Имитация распространяется не только на создание «видимости заботы», но и на повышение качества. Более того, иногда эта система начинает действовать во вред детству, порождая иждивенчество и социальное неравенство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов, А. И. Демографические процессы в России XXI века / А. И. Антонов, В. М. Медков, В. Н. Архангельский. – М.: Грааль, 2002. – С. 142-145.
2. Бреева, Е. Б. Исследование качественных характеристик детей в современной России: методологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Е. Б. Бреева. – М., 1997. – 40 с.
3. Быстров, А. А. Материнский капитал: стимулирование рождаемости? / А. А. Быстров // Социологические исследования. – 2008. – № 12. – С. 91-96.
4. Константинова, Л. В. Социальная политика: штрихи к социологической концепции / Л. В. Константинова // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 38-44.
5. Петухов, В. В. Социальные реформы: от монетизации льгот к национальным проектам // Социологические исследования. – 2006. – № 12. – С. 33-44.
6. Буянова, М. О. Право социального обеспечения России: учеб. / М. О. Буянова, К. Н. Гусов [и др.]; отв. ред. К. Н. Гусов. – М.: Проспект, 2010. – 640 с.
7. Словарь-справочник по социальной работе / под ред. Е. И. Холостовой. – М.: Юрист, 1997. – С. 315.

Филипова А. Г.

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА

8. Тихонова, Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа / Н. Е. Тихонова. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 320 с.
9. Щеглова, С. Н. Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы / С. Н. Щеглова. – М.: Социум, 2001. – 85 с.
10. Ярошенко, С. С. Северное село в условиях двойного исключения / С. С. Ярошенко // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 71-83.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Более подробно система социальной защиты детства раскрывается в следующих работах автора: Институт образования как субъект защиты детства // Человек и образование. – 2010. – № 4. – С. 4-9; Конструирование системы социальной защиты детства // Личность. Культура. Общество. – 2011. – № 2. – С. 247-252; Правозащитный институт и детство // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2011. – № 4. – С. 65-75.
2. См. Федеральные законы: «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ; «Об основах социального обслуживания населения в РФ» от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ; «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21 декабря 1996 г. №159-ФЗ.
3. См. Федеральные законы: «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ; «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ; «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ; «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ.
4. В последние годы к социально значимым обстоятельствам добавилась смерть кормильца вследствие поствакцинального осложнения, участия в контртеррористических мероприятиях, выполнения боевого задания и др.
5. Примерный перечень страховых событий содержится в ч. 1 ст.7 Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования». К ним отнесены: необходимость получения медицинской помощи, временная нетрудоспособность, трудовое увечье и профессиональное заболевание, материнство, инвалидность, наступление старости, потеря кормильца, признание безработным, смерть застрахованного лица или нетрудоспособных членов его семьи, находящихся на его иждивении.
6. См. Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2000 г. № 896 (ред. от 10 марта 2009 г.) «Об утверждении примерных положений о специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации» (вместе с «Примерным положением о социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних», «Примерным положением о социальном приюте для детей», «Примерным положением о центре помощи детям, оставшимся без попечения родителей»).

Клейменова В. Ю.
V. Y. Kleimenova

**ФИКЦИОНАЛЬНЫЙ МИР ВОЛШЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ
КАК ВОЗМОЖНЫЙ МИР**

THE FICTIONAL REALM OF LITERARY FAIRY TALES AS A "POSSIBLE WORLD"

Клейменова Виктория Юрьевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: victoria.kleimenova@yandex.ru

Ms. Victoria Yu. Kleimenova – PhD in Philology, Doctoral Student, Department of English Philology, A.I. Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg), Russia. E-mail: victoria.kleimenova@yandex.ru

Аннотация. В данной статье понятие «фикциональный мир» волшебной литературной сказки рассматривается в рамках логико-эпистемологического подхода и семантики возможных миров. Модель фикционального мира рассматривается как сущность, онтологически и эпистемологически основанная на модели реально существующего мира и представляющая собой целостный универсум, в котором порождения жизнеподобного вымысла сочетаются с элементами нежизнеподобного вымысла. Онтологический статус изучаемого ментального конструкта определяется как возможный мир, устанавливаются корреляции между дихотомией «персонажи – действующие лица» сказки и дихотомией «возможный мир – возможный вид мира».

Summary. The paper considers the concept of the “fictional realm” of literary fairy tales using the logical-epistemological approach and the semantics of possible worlds. A fictional world model is viewed as an entity based on the model of the real world as far as its ontology and epistemology are concerned. It is a coherent universe, a combination of elements representing two types of fiction: similar to reality fictional objects and non-similar to reality fictional objects. The ontological status of the literary fairy tales’ fictional world is defined as a “possible” world. We establish the correlation between two dichotomies: “characters – personages” in a fairy tale and “possible world – possible type of world”.

Ключевые слова: фикция, фикциональный мир волшебной литературной сказки, логико-эпистемологический подход, онтологический статус, возможность, необходимость, истинность, возможный мир, возможный вид мира.

Key words: fiction, fictional world of fairy tale, logical-epistemological approach, ontological status, possibility, necessity, truth, possible world, possible type of world.

УДК 801.73:811, 162.3:811.111

Созданный воображением автора и материализованный в художественном тексте ментальный конструкт или вымышленный мир был объектом научных исследований во многих областях гуманитаристики: в лингвистике, литературоведении, логике, психологии, философии. Мы рассматриваем этот мир в рамках логико-эпистемологического подхода, разработанного Я. Хинтика на основе предшествующих достижений логики и теории познания, а также с позиций семантики возможных миров. Целью данной статьи является определение онтологического статуса фикционального мира волшебной литературной сказки, для чего необходимо решить следующие задачи: уточнить определение понятия «фикциональный мир» применительно к указанному текстотипу, создать иерархию текстотипологических характеристик волшебной литературной сказки в рамках эпистемологических категорий «возможность – необходимость – истинность».

Современные научные публикации, посвященные проблемам текста, характеризуются многообразием подходов к описанию вымышленной действительности, репрезентированной в художественном произведении, что отражается в использовании различных терминов для ее наименования: «вымышленный мир», «фантазийный мир», «художественный мир», «возможный мир», «фикциональный мир». Для номинации целостной модели реальности, репрезентированной в тексте волшебной литературной сказки, использование последнего термина представляется наиболее оправданным в силу ряда причин. Во-первых, данное словосочетание отражает основное онтологическое свойство актуализированного в тексте ментального конструкта, а именно его вымышленность и насыщенность фикциями, то есть вымышленными феноменами, противоречащими бытию, но возможными в той модели мира, которая создана творческим сознанием автора на основании некоторого допущения. В новых условиях бытия фикции непротиворечивы, логичны и продуктивны, так как на их основе возможно создание новых фикций. Во-вторых, словосочетание «фикциональный мир» позволяет, оставаясь в рамках традиционной филологической терминосистемы, избавиться от свойственной литературоведческому термину «художественный мир» метафоричности, поскольку представленные в тексте фикции образуют универсум – целостный конструкт, изоморфный и изофункциональный миру реальному. В данной статье фикциональный мир сказочного цикла рассматривается как возможный вариант конфигурации реальности, порожденный продуктивным воображением автора на основе традиционного для данной культуры инварианта – фикционального мира текстотипа «волшебная литературная сказка».

Онтологический статус фикционального мира определяется нами как возможный мир. Логико-философское понятие «возможных миров» было сформулировано Готфридом Вильгельмом Лейбницем, по мнению которого наш мир принадлежит к бесконечному множеству возможных миров, из которых создатель выбрал тот, что ему понравился [3, 328]. И. Кант рассматривал возможный мир как мысленную перекомбинацию существующего, при создании которой Бог «целому не сообщает никаких новых определений, не прибавляет никакого нового предиката, а лишь абсолютно, или безусловно, со всеми предикатами полагает тот самый ряд вещей, в котором до того все было положено лишь в отношении к этому целому» [2, 396]. Именно кантовская трактовка возможного мира как одного из потенциальных миров, как одного из следствий проекции возможного на действительное представляется наиболее релевантной при рассмотрении фикционального мира сказки, то есть созданной авторским сознанием вымышленной реальности, которая представляет собой результат сочетания актов селекции и комбинации.

Автор выбирает и перераспределяет элементы окружающего мира в соответствии с собственным творческим замыслом. Отдельные элементы реальности, включенные в текст, нефиктивны сами по себе, а вот их сочетания представляют собой вымышленные сущности, которые формируют новый фантазийный мир, существование которого, с точки зрения автора, представляется возможным. Например, русалка – это специфическое сочетание экзистенциальных характеристик рыбы (существование в водной среде, наличие хвоста, покрытого чешуей) и девушки (верхняя часть тела, внешняя привлекательность). Современные авторы на основе традиционного фантазийного образа, созданного в результате использования процедур селекции и комбинации, создают новые фикции, соответствующие требованиям сюжета. В произведениях Дж. Роулинг русалки превращаются в живущее в подводных селениях возглавляемое старейшиной (chieftan) племя (merpeople), состоящее из мужчин (mermen) и женщин (merwomen) и говорящее на собственном языке (merspeak).

Модель фикционального мира, явленная в художественном тексте, онтологически и эпистемологически основана на модели реально существующего мира и представляет собой целостную вымышленную сущность, в которой порождения жизнеподобного вымысла, то есть аналоги реальных фрагментов окружающей действительности, познанных автором в процессе индивидуальной эвристической деятельности, сочетаются с элементами нежизнеподобного вымысла. Это соответствует постулату Л. Витгенштейна об общности вымышленной и реальной действительности. «Очевидно, что как бы воображаемый мир ни отличался от реального, они должны иметь нечто общее – некую форму – с реальным миром» [1, 35].

В то же время мир вымышленный и мир реальный не могут быть идентичными, один из них не может быть зеркальным отражением другого. «Мы отходим от реальности постольку, поскольку мы должны дойти до возможного мира, в котором контрфактическое

предположение истинно (и отходим весьма далеко, если предположение достаточно фантастично)... Мы сохраняем неизменными те признаки реальности, которые не требуется изменить, если выбирать наименее разрушительный способ сделать истинным это предположение» [4, 56].

Вымышленная реальность, репрезентированная в тексте волшебной литературной сказки, соответствует предложенному Я. Хинтикка определению возможного мира, в соответствии с которым он понимается как «возможные состояния дел или направления развития событий, совместимые с рассматриваемой установкой некоторого определенного лица. Возможно, что эти установки в свою очередь направлены на какое-то определенное лицо или на какой-то определенный физический объект» [8, 87].

Многообразие компонентов, составляющих фикциональный мир сказочного цикла, порождает вопрос о возможности создания его исчерпывающего описания в пределах ограниченного массива текстов. В модальной логике существует мнение, что это невозможно, так как «мы не можем дать исчерпывающего описания универсума, не зная всех его элементов, так же как мы не можем исчерпывающе описать бесконечный универсум, не используя бесконечное множество предложений» [8, 44]. Для решения данного вопроса мы предлагаем исходить из постулата о релятивности фикционального мира. С одной стороны, на конкретном этапе творческой деятельности предлагаемое в тексте описание следует признать исчерпывающим, так как ничто больше не придумано и не представлено читателю. Однако следует помнить о творческой активности читателя и его способности интерпретировать текст, «достраивая» неописанные автором фрагменты. Например, автор не говорит, сколько длится урок в Академии Волшебниц или сколько уроков стоит в расписании, читатель волен додумывать эти детали в соответствии со своим экзистенциальным опытом. Эти построения не нарушают исчерпанности авторского описания именно в силу своей индивидуальности и интерпретационности. С другой стороны, творческий потенциал автора позволяет ему вербализовать свои новые фантазии в последующих книгах цикла, добавлять новые фрагменты в созданный вымышленный мир при условии, что они не противоречат изначально заданным принципам его построения. Именно эта особенность миропорождения позволяет создавать сиквелы и приквелы тех сказок, которые оказались востребованными читательской аудиторией. Таким образом, описание фикционального мира сказочного цикла одновременно можно рассматривать как исчерпывающее (при синхронном подходе) и нет (при диахроническом подходе).

При рассмотрении фикционального мира текстотипа «волшебная литературная сказка» как инварианта возможных миров сказочных циклов эвристически плодотворным представляется использование предложенного Я. Хинтикка понятия «возможный вид мира». Это позволяет «давать как можно более исчерпывающие описания различных положений дел, одновременно ограничивая соответствующим образом наши средства выражения. <...> Такие описания могут содержать кванторы и связанные переменные, но не должны содержать никаких имен (разумеется, кроме тех, которые явно встречаются в изучаемых нами предложениях)» [8, 44]. Отдельно взятый цикл можно рассматривать как частичное описание возможного положения дел или как «модельное множество» в пределах возможного вида мира.

Это утверждение коррелирует с отношениями, существующими в тексте сказки между понятиями «персонаж» и «действующее лицо». По мнению В. Я. Проппа и Ю. С. Степанова, эти понятия находятся в иерархических отношениях друг к другу. Внешний вид персонажа, его конкретные поступки относятся к вариативным атрибутам и могут меняться в разных сказках, в то время как действующие лица представляют собой структурный инвариант, который остается неизменным [6; 7]. При такой трактовке «типы персонажей» (действующие лица) являются носителями соответствующих им типов предикатов (функций). Об универсальных сказочных действующих лицах (структурных инвариантах) писали многие исследователи (В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, А. Ж. Греймас и др.), которые сходятся во мнении о том, что сюжетный статус действующего лица определяется набором присущих ему функций.

В современной сказке оказываются продуктивными выделенные Е. М. Нееловым способы создания многочисленных персонажей из ограниченного числа заданных типов: путь семантической конкретизации, относящийся к области индивидуального мастерства писателя, и путь контаминации базовых фигур-персонажей, герои одновременно играют несколько

базовых ролей [5, 57-58]. Так формируется количественная специфика современных сказочных циклов. В рассмотренных произведениях присутствуют все действующие лица, а их конкретные воплощения варьируются в соответствии с авторскими проекциями реального мира на мир вымышленный. Семантическая конкретизация осуществляется за счет использования нескольких персонажей в качестве одного действующего лица, например, в роли героя.

К разряду таких «объединенных героев» можно отнести группы: Гарри Поттер – Гермиона Грейнджер – Рон Уизли (сказки Дж. Роулинг); Милдред Хаббл – Мод Муншайн – Энид Найтшейд (сказки Дж. Мерфи); Питер – Сьюзен – Эдмунд – Люси (сказки К. С. Льюиса). Контаминация достигается в тех случаях, когда один персонаж выполняет функции нескольких действующих лиц. Например, в сказках Дж. Роулинг лесничий Хагрид одновременно оказывается дарителем и помощником; в сказках Дж. Мерфи учительница Хардбрум – вредителем и отправителем. Ложный герой и антагонист совмещаются в одном персонаже, поражение/свержение которого есть неременное условие счастливого конца: материализованное воплощение зла лорд Волдеморт и зловредная первая ученица Этель Холлоу в выше-названных сказках.

Количественные различия в системе «действующие лица – персонажи» сопровождаются качественными. Так, искомое благо – это не царевна или иной персонаж, не символ богатства, а некая социальная абстракция: восстановление справедливости, исправление негативной ситуации, поиск ценностей не материального, а духовного плана.

При рассмотрении модальной категории «истинность» применительно к фикциональному миру сказки мы будем исходить из следующего логического допущения: в процессе литературной коммуникации читатель и автор заключают негласный договор, в соответствии с которым читатель, по крайней мере, на период чтения текста, допускает возможность существования созданного авторским воображением мира. Если мы признаем, что фикциональный мир каждого сказочного цикла представляет собой модельное множество, то можно утверждать, что существует закрытое множество предложений, истинных в этом мире, который представлен совокупностью описанных состояний. Истинность высказываний, связанных с этим миром, определяется не как логическая истинность, то есть истинность во всех возможных мирах, а как относительная величина, ограниченная модальным оператором «в фикциональном мире данного сказочного цикла».

Высказывания, которые верифицируются как истинные в рамках данного фикционального мира, можно разделить на три группы на основании их совместимости с содержанием восприятия читателя и автора как ведущих антропоцентров художественного текста:

1) абсолютно истинные, то есть не противоречащие экзистенциальному опыту коммуникантов и в силу этого истинные как в инвариантном фикциональном мире текстотипа, так и в реальном. Примеры таких утверждений: «Дети учатся в школе», «Судно плывет по реке», «Люди должны регулярно питаться», «Праздник – это веселье и радость» и т.д.;

2) конвенционально истинные, то есть противоречащие экзистенциальному опыту коммуникантов, но традиционные для данной культуры и в силу этого истинные в фикциональных мирах различных сказочных циклов в пределах одного текстотипа. Примеры таких утверждений: «Ведьма летает на метле», «Волшебники бывают добрыми и злыми», «Зелье и волшебная палочка помогают творить чудеса»;

3) модально истинные, то есть противоречащие экзистенциальному опыту коммуникантов, не закрепленные традициями данной культуры и в силу этого истинные только в фикциональном мире отдельно взятого сказочного цикла. Примеры таких утверждений: «Зеленое кольцо позволяет перемещаться между мирами», «Если в случае опасности затрубить в рог, то немедленно получишь чудесную помощь» («Хроники Нарнии»), «Квиддич – любимая игра всех волшебников», «В школе магии и волшебства изучают зельеведение, предсказания и другие предметы» (сказки о Гарри Поттере), «Кланы ведьм враждуют между собой», «Алифмометр может предсказать будущее, если уметь им правильно пользоваться» (трилогия «Его темные материалы»).

Фикциональный мир сказочного цикла как модельное множество истинных предложений носит системный характер, существование каждого элемента связано и взаимообусловлено другими элементами, то есть «предложение выполнимо, если, и только если оно встречается в качестве элемента некоторого модального множества, другими словами, если и только если оно может быть *встроено* (курсив автора – В. К.) в некоторое модельное множе-

ство» [8, 46-47]. Изменения в одном из предложений (элементов) неизбежно влекут за собой изменения в других предложениях (элементах), и воображение автора ограничено требованием внутренней непротиворечивости. Например, автор вынужден давать логическое объяснение *появлению нового персонажа и его отношениям с уже известными* («Enid is newly with us this term», said Miss Hardbroom. «Mildred, Enid is to be entrusted to your care. I must point out that this is not my idea, but some strange notion of Miss Cackle's that if you are awarded such a responsibility it may actually turn you into a responsible member of the community» [9, 7]), *эмоциям и поступкам персонажей* («Sports day loomed ahead like a black cloud for Mildred, as did anything where competition was called for. She hated the idea of trying to beat other people, mainly because she never won and it was so humiliating, but also because it just wasn't her way of doing things» [9, 45]), *событиям* («Miss Cackle's birthday celebration was to be held as usual on the last day of term and each class had chosen a little chant or poem to be performed on the day» [9, 64]), *состояниям* («Like a guided missile, Mildred and the pole shot straight through one of the windows (fortunately the castle-like school did not have glass in any of them) and crash-landed in the middle of a table all set out ready for somebody's tea» [9, 55-56]).

Связь между категориями необходимость – возможность – истинность («необходимость приравнивается к истинности в каждом возможном мире, возможность – к истинности в одном из возможных миров» [8, 288]) позволяет определить статус инвариантных характеристик фикционального мира волшебной литературной сказки (специфический хронотоп, волшебство как средство организации жизнедеятельности фикционального мира, достоверность изображаемого, серьезность проблематики, динамичность текстотипа и функций «волшебной сказки», динамичность персонажей, доминирующая роль персонажа-ребенка, нарушение правила «счастливого конца») как необходимость, а дифференциальных признаков – возможность (моно- или биспациарность фикционального мира, волшебство как неотвечиваемая характеристика персонажа или как вид профессиональной деятельности, роль персонажа ребенка, номенклатура проблем, встающих перед героями).

Возможности, в свою очередь, мы делим на две группы: обязательные для всего возможного вида мира и факультативные, присутствующие лишь в одном цикле. В зависимости от функции, которые обязательные возможности выполняют при конструировании фикционального мира сказки, они подразделяются на две группы: возможности, обеспечивающие достоверность фикциональных миров и создающие фантастичность. Достоверность создается за счет пространственно-временной и социальной организации мира, фантастичность – за счет наличия магии как компонента мира.

Могут быть эпистемически безальтернативные возможности и эпистемически альтернативные возможности. Совокупность необходимостей и возможностей и создает фикциональный мир волшебной литературной сказки, причем необходимости и безальтернативные возможности детерминируют альтернативные возможности. Требуется обязательно включить в необходимости социокультурные и хронотопические характеристики.

На основании результатов проведенного исследования мы определяем онтологический статус фикционального мира волшебной литературной сказки как возможный мир; инвариантные текстотипологические характеристики – как необходимость; дифференциальные признаки – как возможность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн, Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн; пер. с англ. В. Руднева. – М.: ИД Территория будущего, 2005. – 440 с.
2. Кант, И. Сочинения. В 8 т. Т. 1. / И. Кант. – М.: ЧОРО, 1994. – 544 с.
3. Лейбниц, Г. В. Сочинения. В 4 т. Т. 1. / Г. В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1982. – 628 с.
4. Льюиз, Д. Истинность в вымысле / Д. Льюиз // Логос. – 1999. – № 3 (13). – С. 48-68.
5. Неелов, Е. М. Волшебство-сказочные корни научной фантастики / Е. М. Неелов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 200 с.
6. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2003. – 194 с.
7. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
8. Хинтиikka, Я. Логико-эпистемологические исследования / Я. Хинтиikka. – М.: Прогресс, 1980. – 448 с.
9. Murphy, Jill. The Worst Witch Strikes Again. – Penguin Books, London, 2007. – 86 p.

Крайник Л. В., Рассоха М. Н.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ

(НА ПРИМЕРЕ UNDERSTATEMENT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Крайник Л. В., Рассоха М. Н.

L. V. Krainik, M. N. Rassokha

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ

(НА ПРИМЕРЕ UNDERSTATEMENT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

LINGUISTIC-CULTURAL ASPECTS OF INDIRECT COMMUNICATION

(UNDERSTATEMENTS IN THE ENGLISH LANGUAGE)

Крайник Лариса Владимировна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток).

E-mail: Kraynik@mail.primorye.ru.

Ms. Larissa V. Krainik – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, the School of Regional and International Studies, the Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok). E-mail: Kraynik@mail.primorye.ru

Рассоха Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток). E-mail: mrassokha@gmail.com.

Ms. Marina N. Rassokha – PhD in Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, the School of Regional and International Studies, the Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok). E-mail: mrassokha@gmail.com

Аннотация. В статье идет речь о непрямой коммуникации и одном из способов ее маркирования в британской лингвокультуре. Авторы анализируют лингвоспецифичный знак дискурса *understatement*, выявляют его семантико-функциональные особенности, в частности метадискурсивные, и исследуют его лингвокультурные характеристики.

Summary. This paper focuses on indirect communication and the way it is marked in British linguoculture. The authors analyse the linguospecific discourse marker *understatement*, identify its semantic and functional peculiarities, metadiscursive ones in particular, and explore its linguocultural characteristics.

Ключевые слова: британская лингвокультура, непрямая коммуникация, дискурсивная стратегия, лингвоспецифичный знак дискурса, метадискурсивный маркер.

Key words: British linguoculture, understatement, indirect communication, discursive strategy, linguospecific discourse marker, metadiscursive marker.

УДК 81.2

Непрямая коммуникация – семантически нечеткое, завуалированное выражение смысла высказывания – в большей или меньшей степени присуща любой лингвокультуре. Все человеческие языки вырабатывают набор средств для обслуживания такого рода коммуникации. В этой связи напомним известное высказывание Л. Витгенштейна о том, что язык используется для того, чтобы скрывать и маскировать мысли.

Рассматривая языковые и культурные особенности феномена непрямой коммуникации, необходимо учитывать ряд параметров, а именно: наличие корпуса единиц (слов, выражений, синтаксических структур), имеющих в данном языке для осуществления такого вида общения, их рекуррентность в дискурсе, сценарно-прагматическую и культурную специ-

фику ситуаций, в которых говорящие прибегают к непрямой коммуникации. На наш взгляд, существенным также является наличие в языках вербальных знаков, обозначающих феномен непрямой коммуникации в целом, а также специализированных номинаций, маркирующих отдельные культурно-детерминированные аспекты этого языкового явления.

Существуют культуры, для которых непрямая коммуникация является особенно характерной, к ним относится британская лингвокультура с ее ключевым понятием *understatement*, обозначающим некатегоричность и недосказанность как типовой прием коммуникации. В данной статье мы обратимся к лингвокультурологическому анализу этого феномена и рассмотрим семантико-функциональные особенности лексемы *understatement* в конкретных речевых реализациях британского публицистического и художественного дискурсов (см. прим. 1).

Для речевого поведения британцев непрямая коммуникация в целом является существенной чертой общения, отражающей систему ценностей данного языкового коллектива. Она социально признается обществом, в котором стремление к консенсусу, коммуникативному компромиссу играет особую роль и отражается в виде уникальной «британской» фатики. В британском дискурсе «*understatement*» номинируется определениями *традиционный* (*traditional understatement*) и *характерный* (*characteristic understatement*). Наверное, не будет преувеличением сказать, что этот свойственный англичанам культурный феномен был подмечен и многократно описан известными путешественниками, писателями, мыслителями прошлых лет. *Understatement* как характеристика английского языка упоминается еще в древнеанглийской поэме «Беовульф», в которой «*the voices possess 'understatement'*» [10, xxix]. Ученые, обсуждая переводы исторических текстов на современный английский язык, указывают на необходимость сохранять эту отличительную черту – “*characteristic early English understatement*” – и отражать ее в переводах (см. прим. 2).

В наивной картине мире, отражающей обыденные представления британцев о непрямой коммуникации, этот феномен бытует в качестве речевого поведенческого стереотипа. Он существует в языковом сознании говорящих как в виде автостереотипа, так и гетеростереотипа. В качестве примера первого можно сослаться на выдержку из руководства для беженцев, переселившихся в Британию: «*The Englishman... attaches very great importance to modesty, understatement in speech rather than overstatement... He values good manners far more than he values the evidence of wealth*» [BNC-F] (см. прим. 3). Для иллюстрации гетеростереотипа приведем высказывание венгра Дж. Микеша, эмигрировавшего в Британию и ставшего там известным писателем-юмористом: «*the English have no soul, they only have the understatement*» [18, 24].

Таким образом, для британцев крайне существенным аспектом коммуникации являются некатегоричность и смягчение высказывания – *understatement*, которые направлены на то, чтобы, сдерживая эмоции, избегать резких категоричных выражений, крайне негативных оценок и прямых мнений. Очевидно, что представители других лингвокультур, общаясь с британцами, осознают эти особенности речевого поведения. В подобных случаях дискурсивный акт непрямой коммуникации может маркироваться этнонимом, что свидетельствует о культурно-обусловленном характере такого рода общения. Чрезвычайно показательны следующие примеры из нашего материала: «*'I said you're pretty out of shape. <...> You only ran five metres and you're panting fit for the knacker's yard.'* 'I am nothing of the sort! That's a gross exaggeration.' Then Ronni conceded as her chest continued to heave, 'I may be just a little out of breath.' '*English understatement.*' Guido laughed at that...» [BNC-F]; «*A deer jumping out over a hedgerow and straight in front of the car frightened her half to death before she could finish. By good fortune, not to mention cool-headed driving, neither the deer nor the Mercedes came to grief. 'That was a touch close,' she murmured, as the deer crossed the road and leapt over another hedge and disappeared. 'Is that what they call British understatement?'* he asked drolly, as they glided out of countryside» [BNC-F].

В специальной научной литературе *understatement* рассматривается в качестве одной из прагматических стратегий. В рамках теории вежливости правила межличностного общения предписывают смягчать категорические суждения, избегать негативных оценок. Эта стратегия, как и стратегия *overstatement*, также применяется говорящим в соответствии с принципом интереса, который предписывает быть непредсказуемым, а следовательно, интересным собеседником [14, 145-149].

Крайник Л. В., Рассоха М. Н.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ

(НА ПРИМЕРЕ UNDERSTATEMENT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

В отечественной лингвистике *understatement* изучается в рамках дискурсивно-стратегического подхода и используется для описания речевых стратегий и набора сопутствующих им тактик/приемов/техник. В основном речь идет о стратегиях, направленных на избегание разногласий между коммуникантами и поощрение гармоничного общения. Используются такие термины, как стратегия уклонения от прямого ответа [1], стратегия намека [4], стратегия *understatement* [4; 5], митигативная стратегия [7].

При анализе речевого феномена *understatement* исследователи подчеркивают расхождение семантического и прагматического значений, непрозрачность, неясность соотношения семантики и прагматики [4, 28; 13, 406-407]. Извлечение смыслов, не содержащихся в собственно высказывании, требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата. Такую осложненную коммуникацию В. В. Дементьев назвал «непрямой коммуникацией» (НК) [2, 5]. Этот ученый указывает на ее лингвистический аспект, поскольку в языке существуют единицы разной степени точности/формализованности [2, 22]. Они составляют категорию, которая получила название «лингвистической неопределенности» или *linguistic vagueness, linguistic imprecision, fuzzy categories* [11, 5-13], *indefiniteness* [16]. В отечественной лингвистике появился термин «кажимость» [6], объективирующий модальное значение неуверенности в достоверности содержания высказывания и его контекстуально-прагматической обусловленности.

Причины лингвистической неопределенности многочисленны. Одни из них кроются в природе самого языка, другие вступают в игру только при определенных условиях. В. В. Дементьев указывает на то, что теоретическим основанием существования НК является асимметрия языковой системы, которая определяет такие качества НК, как рассогласование означающего и означаемого и множественность интерпретаций [2, 19]. Кроме того, отмечается, что в каждой национальной речевой культуре существует своеобразный концепт непрямой коммуникации, который выражает преимущественно отрицательную оценку свойств непрямой коммуникации, препятствующих настоящему обмену смыслами [2, 140-142].

Само слово *understatement* как знак дискурса, маркирующий особенности коммуникации на английском языке, мы относим к категории лингвоспецифичных языковых единиц (термин А. Д. Шмелева). Это такие ключевые слова, которые способствуют пониманию культуры, ее уникальных черт, отражая «лингвоспецифичные конфигурации идей» [9, 12]; в данном случае *understatement* отражает комплекс представлений членов британской лингвокультуры об определенных аспектах общения на английском языке. Безусловно, эти представления находят отражение как в самой семантике слова *understatement*, так и в его функционировании в дискурсе.

Рассмотрим сначала семантику языкового знака *understatement*. По данным словарей [15; 17], *understatement* имеет два значения: «a statement that makes something seem less important, serious, big etc than it really is» и «the practice of using an understatement to talk about something» [17, 1564]. Следует отметить, что словарные дефиниции не содержат указания на культурную детерминированность семантики данного слова. Например, специализированный словарь английского языка и культуры ограничивается следующей семантизацией: *understatement* is «a statement which is not strong enough to express the full or true facts or feelings» [12, 1437].

На основе проанализированного материала мы можем выделить следующие семантические характеристики и культурно-специфические значения слова *understatement*. Во-первых, мы отмечаем, что в британской лингвокультуре *understatement* рассматривается как коммуникативное умение, к которому в целом представители данного языкового сообщества относятся положительно. В первую очередь, это коммуникативное умение *организовать дискурс в смысловом плане*, сделав соответствующие акценты. В речевых актах, в которых говорящий, обладая этим умением, его демонстрирует, это нередко отмечается особо. В английском языке данная дискурсивная способность коммуниканта – по материалам нашей выборки – может называться: *capacity for understatement, the skills of understatement*: «As an exercise in the skills of understatement and of giving the wrong impression without actually lying, Charles thought that took some beating [BNC-F]. Пользователь языка, овладевший этим умением, характеризуется как *a master of the understatement*: «The old-fashioned English gentleman, who died in hospital yesterday aged 84, was the master of the understatement» [BNC-P]; «Sir Ranulph Fiennes is a master of stiff-upper-lip understatement» [BNC-P].

Во-вторых, говоря о лингвокультурных параметрах семантики *understatement*, необходимо отметить, что, являясь важным коммуникативным умением, оно относится к статусным характеристикам, которыми особенно должны обладать определенные профессиональные группы – политики, священники, юристы и др. Поэтому в описании представителей указанных профессий нередкими будут следующие характеристики: «Father Peter McGuinness, the parish priest and a man of gentle *understatement*» [BNC-P]; «Today we'll be looking at John Major's first one hundred days in office. We have a Prime Minister with un-Thatcherlike *understatement*, and wily pragmatism and body language of the friendly bank manager next door, or so says an article in today's Guardian» [BNC-P]; «Macmillan, one of the wiliest politicians of his time, also said, with typical *understatement*, as the Fifties drew to an end: 'We have not done badly. But we have not done quite well enough'» [BNC-P].

В соответствии с двумя планами анализа социального статуса – индикацией и оценкой – статусная *индикация* речи профессиональных групп, отмечает В. И. Карасик, прослеживается, прежде всего, в использовании развернутого речевого кода [3, 282-283]. Для указанных выше профессиональных групп, в отличие от всех других представителей британской лингвокультуры, *understatement* будет составлять один из важнейших компонентов речевого кода и может иметь свои языковые особенности. Таким образом, можно предположить, что британские дискурсы, обслуживающие конкретные виды социальной (в том числе профессиональной) деятельности, могут характеризоваться большей или меньшей *степенью использования непрямой коммуникации*. Действительно, анализ материала публицистического дискурса показывает, что употребление дискурсивного приема смягчения высказывания или недоговаривания ассоциируется в языковом сознании представителей лингвокультуры с использованием некоего *словаря непрямой коммуникации*. Такие словари складываются в конкретных дискурсах, посвященных определенной тематике. Коммуниканты, конструирующие данные дискурсы, и целевая аудитория, для которой они предназначены, таким образом, осознают, что языковые единицы подобных лексиконов должны восприниматься, как носители особой, дополнительной семантики, связанной с актуализацией *understatement*. Проиллюстрируем сказанное: «...that there was categorically no special help and that price rises would 'by the normal route feed through into the retail price index'. By Thursday afternoon this had been, to use a typical Whitehall term of *understatement*, finessed. In other words a new policy had emerged to meet the crisis.» [BNC-P]; «The SACC characterisation of Mr. De Klerk's statement, as 'cynical and spurious', is likely to be regarded as something of an *understatement* in many legal and political circles» [BNC-P].

Теперь остановимся на функционировании самого вербального знака «*understatement*» в британском художественном и публицистическом дискурсах. Следует отметить, что данный языковой знак выступает в роли *метадискурсивного маркера*. Это своего рода *вербальный жест*, указывающий на то, что смысл высказывания должен быть дешифрован в ином, важном для говорящего смысловом ключе: «You felt I was harsh on you?» «Harsh is an *understatement*. I shall never forget the contempt you showered upon me.» [BNC-F]; «January was the 28th consecutive month in which bankruptcy cases involving debts equivalent to £58,400 or more rose above year-ago levels. This is an *understatement*, considering the actual state of the economy» [BNC-P].

Необходимо выделить ряд *композиционных особенностей* «*understatement*» в дискурсе как специфического знака коммуникации для выражения семантики некатегоричности. Анализ контекстов выявил, что «*understatement*» в качестве компонента входит в синтаксически связанные структуры дискурса. Их можно назвать упорядоченными моделями коммуникации, поскольку наличествует закрепленная последовательность воспроизводимых элементов в синтаксических конструкциях и их семантическая взаимообусловленность. К наиболее частотным относятся: This/that/smith is an *understatement*; To say (that)... is an *understatement* и the *understatement* of the year.

Модель This/that/smith is an *understatement* является весьма распространенной и указывает в целом на дискурсивный акт непрямой коммуникации, как правило, без выявления степени недосказанности. Ее основная функция – по-другому семантизировать ключевую для коммуникации лексическую единицу, акцентируя при этом смысл недосказанности: «Brad, I find out, can't greet me himself because he's busy cleaning up the mess Deacon made the night be-

Крайник Л. В., Рассоха М. Н.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ

(НА ПРИМЕРЕ UNDERSTATEMENT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

fore in his living room. *Mess* is perhaps an *understatement*. The place looks like it was ransacked by an LAPD squadron looking for drugs or a thrash metal band who found them» [BNC-P].

Референция, как видно из приведенного контекста, может быть в виде повтора лексической единицы, а может быть осуществлена с помощью указательных местоимений *this/that* или *it*, в этом случае используется вариант модели *this/that is an understatement*: «I don't know whether I ever meant to call on Ben or not – It's been such a long time – but I was interested to see the boat. *Durance* had said it was big, but that was an *understatement*» [BNC-F].

Особенностью данной модели является то, что при семантизации лексической единицы с ее помощью имеет место дискурсивный прием дальнейшего разворачивания плана содержания, целью которого является смысловое уточнение семантики ключевого в ситуации недосказанности слова. Таким образом, последующий отрезок дискурса в смысловом плане является реализацией того, что не было сказано, благодаря использованию непрямой коммуникации: «She was conscious of being a misfit, and that was a great *understatement*. It was partly her age, of course, she was an old woman by anyone's standards, but her attitude to life too and her clothes, her grey tweed skirt and green *Viyella* blouse and green and grey check cardigan, her stockings and 'court' shoes, the powder on her nose, lipstick on her thin old lips and the perm in her hair» [BNC-F].

Наш материал служит также ярким подтверждением тому, что непрямая коммуникация для представителей британской лингвокультуры является феноменом, имеющим *количественный параметр*, то есть недосказанность может иметь большую или меньшую степень выраженности. Проиллюстрируем это на примере клишированных выражений модели *the understatement of the year* (*decade*, etc.), включающих лексику с семантикой *отрезка времени*. Опираясь на нашу выборку, расположим эти выражения по мере увеличения степени недосказанности, последнее указывает на максимум выражения признака: *the understatement of the decade*; *the understatement of the year*; *the understatement of her life*; *the understatement of the century*; *the understatement of all time*.

Помимо прочего, здесь мы имеем весьма любопытный случай «языкового измерения времени» [8, 76]. Темпоральная лексика в модели *the understatement of the year* (*decade*, etc.) используется для актуализации крайне субъективного времени, которое классифицируется Н. К. Рябцевой как бытовое (житейское, утилитарное, индивидуальное) время [цит. по 8, 81]. Очевидно, что номинации времени в указанной модели используются в переносном значении, при этом применяется простая аналогия: меньший отрезок времени указывает на более низкую степень недоговоренности, больший – на более высокую. В этой связи приведем выводы Н. К. Рябцевой, которая исследовала выражение размера и количества в языках: «Практическое, донаучное сознание пользуется не столько точными цифровыми данными, сколько, в некотором роде, их оценочными аналогами. В обыденном сознании количество опредмечивается, а не исчисляется, оценивается, а не измеряется, и потому окрашивается психологическим отношением к нему [цит. по 8, 66].

Наблюдения показывают, что клишированная модель *the understatement of the year* (*decade*, etc.) унифицирует выражение недосказанности и выступает в коммуникации в качестве готовой к использованию единицы языка. В связи с чем есть основания предполагать, что данное выражение с вариативной финальной частью стало на путь фразеологизации, поскольку выполняется принцип воспроизводимости и семантической связанности.

Помимо идиоматизации, семантика количества может быть выражена еще одним способом – прямым – с помощью прилагательных, обозначающих размеры или величину. В этой функции нам встретились прилагательные *gross*, *major*, *big*, *great*, *massive*, *extraordinary* и др. Делая выбор между прилагательными количества или моделью со связанным значением *the understatement of the year* (*decade*, etc.), говорящий демонстрирует, что он уловил коммуникативную интенцию своего собеседника и вполне может оценить степень проявления недоговоренности. Приведем примеры, отражающие разный уровень экспрессивности реакции коммуниканта: «'So when did you find out he was quite wealthy?' he asked casually. Quite wealthy, *Sarella* registered with an inward smile. That was the *understatement of the century!*» [BNC-F]; «'Silvio was right. You don't enjoy modelling very much.' It was *Caroline's* turn to laugh. 'That's the *understatement of the year.*» [BNC-F]; «So *Belinda* was saying that the market's a trifle depressed at the moment. Actually, that's a *gross understatement*; she's really very worried...» [BNC-F].

Таким образом, по сути, у носителей английского языка существует устойчивая когнитивная связь между знаком непрямого коммуникативного *understatement* и вербальными выражениями с семантикой количества. Выбор языкового знака говорящим может быть в пользу разных типов значения количества: акцент может быть сделан как на семантике упорядоченности (от меньшей степени к большей), так и на семантике неопределенно большого количества вообще. В языковом сознании пользователей языка, следовательно, существует своеобразная шкала, с помощью которой можно выразить конкретную степень недосказанности.

При маркировании ситуаций общения лексемой *understatement* третьей продуктивной синтаксической моделью является конструкция *To say (that)... is an understatement / It would/is an understatement to say....* Мы насчитали 36 случаев ее употребления с глаголом *to say* и по одному с глаголами *to call* и *to talk*. Использование в конструкции глаголов речи (*to say, to call* и *to talk*) позволяет автору прокомментировать ситуацию, выразить свое отношение к ней, дать оценку. Кроме того, конструкция имеет своим референтом тему высказывания. Таким образом, данная конструкция в целом выполняет функцию метадискурсивного маркера. В указанной функции модель *To say (that)... is an understatement* употребляется преимущественно в качестве аксиологической модели, позволяющей шкалировать эмоциональное и психическое состояние человека: «*To say I am a sports-nut would be an understatement. I am an obsessive, addicted, manic observer of all forms of sporting activity. Yet the Winter Olympics left me entirely unmoved and uninterested*» [BNC-P].

Наличие в этой модели эмоционально-окрашенной оценочной (как положительной, так и отрицательной) лексики (*delighted, relieved; disappointed, shattered, absolutely gutted etc.*) задает высказыванию вектор категоричности. Однако структура с инфинитивом в функции подлежащего позволяет, на наш взгляд, снизить категоричность, резкость высказывания. Поскольку в субъектно-предикатном ядре подобных предложений отсутствует такой актант, как агенс, предикцируемый признак отделяется от субъекта, получает отвлеченное и наиболее общее значение. Говорящий как бы снимает с себя ответственность за сказанное. Характерно, что данная конструкция в подавляющем большинстве случаев разворачивается адресантом в последующем комментарии. При этом отношения семантического следования эксплицируются за счет использования различных лексических и синтаксических средств. Это, прежде всего, синонимы эмоционально и оценочно более «заряженные», чем исходные лексемы. Так, *taken aback* становится *stunned* и *speechless, convinced by this argument – overwhelmed by it, shattered – deeply shocked, strict – ruthless* и т.д.: «*To say I was taken aback is somewhat of an understatement. I was stunned and speechless*» [BNC-P].

При употреблении «равнозаряженных» синонимов (например, *peaceful* и *quiet*) градуирование эмоциональности дискурса может происходить с помощью таких синтаксических средств, как союзы. В следующем примере союз *so ... as*, имеющий семантику результирования, в сочетании с антонимом *unsettling* также является приемом оценивания: «*To say that it is peaceful is an understatement; it is so quiet as to be almost unsettling for anyone used to the never-ending noise of the city*» [BNC-P].

Выше мы уже упоминали о том, что в британской культуре принято избегать открытого выражения эмоций. Модель *To say (that)... is an understatement*, как нам представляется, как раз является таким способом репрезентации эмоций, который реализует это требование английской культуры. Использование данной модели позволяет адресанту, с одной стороны, передать свое эмоциональное состояние и отношение к ситуации, и сохранить лицо, соблюсти баланс с другой стороны. Действительно, говорящий сначала вводит в речь менее экспрессивный эмотив, не передающий силу реального переживания. Выполнив конвенции культуры, он может далее эксплицировать состояние своего эмоционального настроя с помощью более экспрессивного слова или отказаться от означивания своих настоящих чувств, предоставив собеседнику самому домысливать недосказанное. В этом случае конструкция носит свернутый характер. Возникающая импликатура, как семантическое следование, может быть декодирована адресатом без труда и не нуждается в объяснении: «*Mr. Grierson said: 'They come and ask where the beach is and you have to tell them it's 250 miles away. To say they are disappointed would be an understatement.'* George Murdoch, a 61-year-old retired school teacher, is one of only two villagers still living in Pennan who took part in the film» [BNC-P].

Исходя из того, что данная конструкция с эмотивами достаточно частотна, мы полагаем, что это типичный для британской лингвокультуры способ эмоциональной коммуникации. Для верификации данного предположения необходимо будет провести в дальнейшем сопоставительное исследование, предметом которого может стать культурная обусловленность выражения полноты информации об эмоциональном состоянии говорящего и ее вербальная репрезентация.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть национальный характер проанализированных дискурсивных явлений британской непрямой коммуникации. Тот факт, что эта лингвокультура имеет специальный вербальный знак для некатегоричной смягченной коммуникации – *understatement* – безусловно, указывает на значимость этого явления в системе коммуникации языкового коллектива. На наш взгляд, весьма характерно, что *understatement* является культурно-детерминированным феноменом не только для носителей английского языка, но и для инофонов. Существенно, что он используется в роли метадискурсивного маркера, акцентирующего направленность интерпретации содержания коммуникации в целом. Кроме того, наличие в языке выявленных моделей с компонентом *understatement* в виде синтаксически связанных конструкций свидетельствует о вербальных реализациях особых культурных и социальных конвенций и особом языке этики данного социума. Последнее позволяет сделать вывод о *паттернизации* непрямой коммуникации, что обусловлено уже культурной нормой и составляет коммуникативную специфику британской лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головаш, Л. Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа: автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук / Л. Б. Головаш. – Кемерово, 2008. – 24 с.
2. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
3. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
4. Кузьменкова, Ю. Б. Материалы курса «Стратегии речевого поведения в англоязычной среде». Лекции 1-4 / Ю. Б. Кузьменкова. – М.: Пед. ун-т «Первое сентября», 2006. – 48 с.
5. Падучева, Е. В. Understatement и смещенное отрицание / Е. В. Падучева // BASEES Conference. – Cambridge, 31 March – 2 April 2007. Режим доступа: http://lexicograf.ru/files/understatement_BASEES_Cambridge.pdf
6. Семенова, Т. И. Модус кажимости как способ репрезентации внутреннего мира человека / Т. И. Семенова // Вестник НГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 2, вып. 1. – Новосибирск, 2004. – С. 84-89.
7. Тахтарова, С. С. Митигативная тенденция в меняющихся речевых стереотипах / С. С. Тахтарова // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. – М.: РГГУ, 2009. – С. 482-493.
8. Тхорик, В. И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / В. И. Тхорик, Н. Ю. Фанян. – 2-е изд. – М.: ГИС, 2006. – 260 с.
9. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.) / А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
10. Ackroyd, P. Albion: The Origins of the English Imagination / P. Ackroyd. – New York: Nan A. Talese Doubleday, 2003. – 524 p.
11. Channell, J. Vague Language / J. Channell. – Oxford University Press, 1994. – 228 p.
12. Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK, Ltd., 1992. – 1528 p.
13. Dunkerley, K. Similarities and Differences in Perceptions and Evaluations of the Communication Styles of American and British Managers / K. Dunkerley, J. Robinson // Journal of Language and Social Psychology. – Vol. 21. – No. 4, December 2002. – P. 393-409.
14. Leech, G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – London and New York: Longman, 2002. – 250 p.
15. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Limited, 1995. – 1668 p.
16. Lyons, C. Definiteness / C. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 380 p.
17. Macmillan English Dictionary. Oxford, Macmillan Publishers Ltd., 2002. – 1692 p.
18. Mikes, G. How to be an Alien / G. Mikes. – Harmondsworth: Penguin books, 1966. – 88 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Для анализа художественного и публицистического дискурсов использовался Британский национальный корпус (BNC <http://www.natcorp.ox.ac.uk>), из которого было отобрано 200 контекстов, относящихся к последней четверти XX века. Примеры из художественного дискурса маркируются BNC-F, а примеры из публицистического – BNC-P.
2. Например, обсуждение перевода Толкиена в *The road to Middle-Earth*. Shippey, T. A. London: Allen & Unwin, 1982.
3. Здесь и далее выделение курсивом значимых фрагментов в примерах сделано авторами статьи.

Мальшева Н. В.
N. V. Malysheva

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

EXPERIMENTAL INVESTIGATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS

Мальшева Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Партизанская, д. 14, кв. 72; 89098293767. E-mail: natasha@knastu.ru

Ms. Natalia V. Malisheva – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-culture Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 14 Partisanskaya Str., ap. 72; 89098293767. E-mail: natasha@knastu.ru

Аннотация. Традиционно фразеологические единицы определяются как словосочетания, чьё переносное значение отличается от значений входящих в него компонентов. В данной статье дается обзор зарубежных и отечественных психолингвистических исследований по выявлению механизмов производства и обработки фразеологических единиц.

Summary. Fixed phrases (phraseological units) are traditionally defined as phrases whose figurative meaning is distinct from that of their component words. This paper gives a thorough review and analysis of foreign and Russian psycholinguistic studies of the mechanisms of phraseological representation and processing.

Ключевые слова: фразеологическая единица, идиома, стратегии, восприятие, интерпретация, обработка, идиоматичность, мотивированность.

Key words: phraseological unit, idiom, strategies, perception, interpretation, processing, processing, idiomatcity, motivation.

УДК 81-111.4

Функционирование фразеологических единиц (ФЕ) в лексиконе человека не может быть объяснено с точки зрения традиционной лингвистики. Почему идиомы, обладающие ограниченной как лексической, так и синтаксической продуктивностью, активно трансформируются в речи? Что способствует опознаванию таких модификаций, как «фразеологический осколок» [5], когда «фразеологизм сжимается до “предела” и приближается к пределу словосочетания – слову» [3]? Почему комплексное значение идиом опирается на значения одних компонентов при игнорировании значений других? Возьмем, к примеру, выражение *to hear something straight from the horse's mouth* (услышать что-либо из первых рук). Словосочетания *to hear something* и *straight from* сохраняют свое прямое значение, в то время как компоненты *the horse's mouth* не участвуют в номинировании всего выражения.

В связи с тем, что традиционная лингвистика не может дать ответы на подобные вопросы, представляется закономерным обращение к носителям языка, к продуктам их пользования языком, к изучению применяемых при этом стратегий и опорных элементов, к моделированию процессов понимания и производства речи в условиях владения одним и более языком [4, 25].

Работ, исследующих природу, механизмы и стратегии восприятия и обработки ФЕ в лексиконе человека, достаточно много. Как отмечает А. А. Залевская, «в них преследуются различные цели и ставятся разные вопросы. Одних авторов интересует вопрос, хранятся ли идиомы в специальном “отсеке” лексикона или функционируют просто как специфические лексические единицы; другие пытаются выяснить, какой путь “прочтения” идиомы человек выбирает первым: буквальный или переносный; некоторых авторов волнует, разлагаются или не разлагаются фразеологизмы на составляющие их компоненты в процессе понимания;

для кого-то, прежде всего, важны лежащие за пониманием идиомы базовые когнитивные процессы; исследуются также разнообразные стратегии и опоры, используемые при понимании ФЕ» [4, 196].

Активное изучение фразеологии характерно для американской лингвистики. S. Bobrow, S. Bell [10] и С. Cacciari, P. Tabossi [11] считают, что идиомы первоначально воспринимаются в своем буквальном значении и лишь при несоответствии ее значения контексту извлекаются из специального словаря «идиом». D. A. Swinney, A. Cutler [15] приходят к выводу, что интерпретация идиом происходит одновременно при учете буквального и переносного значений. Так, информанты не реагируют быстрее на слово *heat* при прочтении фразы *blow the stack*, требующей буквальной интерпретации. R. Gibbs [12] придерживается противоположной точки зрения, согласно которой изначально из сознания носителя извлекается переносное значение идиомы, затем буквальное.

Во множестве эмпирических работ исследовалась метафорическая мотивация идиом. В них применялись различные психолингвистические методы и методики, чтобы узнать, как происходит типичное и естественное осмысливание идиом, и каков механизм этого осмысления. В исследованиях, проводимых на выявление корреляции между метафоричностью и переносным значением [12, 106], было доказано, что фигуральное значение идиом частично мотивируется различными концептуальными метафорами, причем данные метафоры не являются мертвыми, как считает традиционная лингвистика. Большинство информантов (75 %) без затруднения могли сформировать ментальный образ идиом типа *blow your stack*, *spill the beans*, *flip your lid*, *get hot under the collar* и ответить на вопросы, актуализирующие их внутреннюю форму. При этом лингвисты отметили высокую степень устойчивости реакций носителей, выражающуюся в совпадении таких концептуальных метафор, как *mind is container*, *ideas are physical entities*, *anger is heat* и др. В результате данных экспериментов R. Gibbs пришел к выводу, что в случае, когда знание информантов об идиомах не структурировано различными концептуальными метафорами, наблюдаются незначительные совпадения в ответах носителей о причинах и следствиях действий, вызванных их буквальной интерпретацией [12, 106].

R. Gibbs также полагал, что понимание немотивированных идиом требует от реципиентов некоего анализа компонентной и синтаксической структур выражений, который выявлялся через ответы на вопросы: имеют ли компоненты независимое значение, способствует ли это верной интерпретации выражения и т.д. Если операция по первичной идентификации была неуспешной, носители обращались к переносному значению. В данном случае им требовалось значительно больше времени на обработку немотивированных фразеологизмов, однако, как отмечает сам автор, анализируемые идиомы понимаются с той же скоростью, что и неанализируемые (например, *pop the question* и *kick the bucket*) [12, 98].

M. Libben и D. Titone [13, 1103-1115] провели серию экспериментов, в которых описали экстралингвистические факторы, влияющие на обработку идиом: знание фразеологического фонда языка, частотность компонентов, входящих в состав устойчивого выражения. Авторы сделали ряд интересных выводов. Во-первых, частотные слова способствуют более быстрой интерпретации идиом. Во-вторых, лингвисты обнаружили корреляцию между знанием идиом носителями и скоростью их интерпретации. Так, более известные фразеологизмы (*it slipped her mind*, *he kicked the bucket*, *he cracked a joke*) прочитываются быстрее, нежели малознакомые (*he rushed his fences*, *she curled her lips*, *she took the veil*).

Интересным представляется вывод о том, что хорошо знакомые идиомы с малочастотными компонентами опознаются носителями быстрее [13, 1105], что, на наш взгляд, вполне объяснимо, поскольку наличие высокочастотных слов в распространенных синтаксических моделях приводит к большей вероятности совпадения идиомы со свободным словосочетанием (например, *she drove him nuts*). В данном случае носителям требуется дополнительное время на выбор стратегии прочтения словосочетания: буквальной или переносной.

В отечественной фразеологии проблемами функционирования ФЕ в сознании носителя занимается ряд ученых. Так, Д. О. Добровольский и Ю. Н. Караулов выявляют фразеологический фонд языка на основании результатов ассоциативного эксперимента, что позволяет им выделить корпус «подлинно живых фразеологизмов в отличие от фразеологизмов, по традиции кочующих из словаря в словарь и воспринимаемых большинством носителей языка как весьма экзотические единицы» [2, 98], а также сделать ряд важных выводов относительно функционирования фразеологизмов в сознании носителей. Авторы утверждают, что вне контекстного употребления фразеологизм почти всегда отождествляется как фразеологизм, а не как коррелирующее словосочетание (например: *сесть на мель*, *остаться за бортом*

являются «идиомами и только идиомами»). Для того чтобы они были прочитаны буквально, нужен определенный контекст, например: *Корабль сел на мель, и пришлось ждать буксира или Потерпевший долго оставался за бортом, и поэтому ему срочно понадобилась врачебная помощь*. Этот факт лингвисты объясняют тем, что носители стараются избегать в речи одинаково звучащих словосочетаний. Амбивалентные прочтения встречались лишь тогда, когда реакции содержали не полный фразеологизм, а его осколок. Например: *пальцем – в небо* – идиома, хотя опущен глагол *попасть*; *пальцем – в рот* – амбивалентно, так как сочетание можно достроить и до идиомы *пальца в рот не клади*, и до словосочетания *пальцем во рту ковырять*. Помимо этого, Д. О. Добровольский и Ю. Н. Караулов разграничивают живые и мертвые единицы. Согласно их точке зрения, живые единицы обрабатываются стандартным образом, нелинейно, не поэлементно, не строго в одном направлении слева направо, а начиная с любого элемента и в любом направлении, в то время как мертвые единицы одномерны, обрабатываются единственным порядком – линейно, слева направо.

Следующий вывод касается того, как хранятся фразеологизмы в памяти носителя языка. Авторы считают, что в сознании носителей присутствует лишь некий «обломок» ФЕ, либо единица, не входящая в компонентный состав, а связанная с фразеологизмом ассоциациями по сходству или смежности. Также ими отмечается, что варьированность и преобразования ФЕ свойственны не только их контекстному употреблению, но заложены в самой природе владения ими. Так, при сведении влияния контекста к минимуму наблюдаются все типы текстовых преобразований: субституция компонентов, их словообразовательная и словоизменительная варьированности, расширение компонентного состава и его сужение, материализация внутренней формы.

Анализ моделей переработки идиом представляет О. С. Шумилина [9], проводящая экспериментальное исследование особенностей восприятия и переработки английских глагольных фразеологизмов с соматическими компонентами с привлечением русскоязычных информантов, владеющих английским языком в условиях учебного билингвизма. Рассмотрение дефиниций, полученных на слова-стимулы, позволило автору сделать вывод о том, что идентификация значения иноязычной ФЕ осуществляется по его образной основе, внутренней форме или его отдельным компонентам. Анализ полученных результатов позволил выявить универсальные и специфические стратегии, реализуемые в процессе интерпретации фразеологизмов. К числу универсальных О. С. Шумилина относит: мотивирующую стратегию, прямую дефиницию, стратегию категоризации, метафоризации, конкретизации через синоним-симиляр, идентификации значения через объект или через субъект действия, иллюстрации примером. Стратегии контекстуальной субституции, идентификации от противоположного, десимволизации, межъязыковой координации, компонентного членения, компонентной замены и буквализации значения являются специфическими для фразеологии, поскольку их использование обусловлено её особенностями. Автор отмечает, что в ряде случаев большие сложности возникают в отделении одного типа стратегии от другого, так как при восприятии реальных языковых единиц «своеобразие фразеологической семантики приводит к параллельному использованию в процессе идентификации ФЕ ряда стратегий. Вследствие этого их разграничение оказывается в определенной степени условным, а иногда и не представляется возможным» [9, 95].

Проведенный О. С. Шумилиной эксперимент также показал, что даже те английские ФЕ, семантические эквиваленты которых широко распространены в родном языке информантов, воспринимаются неоднозначно, что обусловлено самой природой фразеологического знака, имеющего ассоциативную основу. При восприятии неизвестной ФЕ происходит «процесс субъективного фразеологического переосмысления, при котором погашаются одни семы и актуализируются другие, оказывающиеся максимально значимыми для данного индивида» [9, 98].

В диссертационном сочинении Е. С. Грянкиной [1] исследуется семантика фразеологизмов в сознании носителей русского языка на материале русских и английских фразеологизмов в буквальном переводе. Автором отмечается, что в условиях ненаправленного отсроченного эксперимента фразеологизмы чужого языка легко интерпретируются как образные выражения в силу парадоксальности, необычности ситуаций, зафиксированных в них. Вслед за О. С. Шумилиной она признает, что при восприятии решающую роль играет общность/различие образов, ситуаций, зафиксированных в русском и английском фразеологизмах, а также сходство/различие лексического состава. В ряде случаев опознавание строится с опорой на семантику стержневого слова во фразеологизме, в результате чего порой происходит ложное опознавание, а именно подгонка аналогов на основе формального сходства лексем,

входящих в состав русских и английских фразеологизмов. Например, на фразеологизм *knock someone into a cocked hat* (букв. *загнуть кого-либо в треугольную шляпу*) – русск. *разнести в пух и прах* – информанты предложили русские фразеологизмы, имеющие в качестве грамматически стержневого компонента глагол «загнуть, вогнать»: *загнуть в угол, загнать в тупик, вогнать в краску* и т.д. Признавая преобладание семантической переработки, автор тем не менее указывает на важность структурной стратегии при идентификации английских фразеологизмов, поскольку «механизм восприятия знакомой фразеологической единицы несколько иной, чем незнакомой, отсутствует определенная “пошаговость” в её идентификации, тогда как при обработке незнакомой единицы информант вынужден соотносить её с тем или иным значением, опираясь или на структуру, или на прямое значение компонентов, составляющих фразеологизм» [1, 85]. Под структурной стратегией понимается идентификация ФЕ одного языка по аналогии с грамматической моделью, по которой образована единица другого языка, например: *rise with the lark* (букв. *вставать с жаворонком*) – русск. *вставать с петухами*.

В работе Т. В. Пономаревой проводится комплексное экспериментальное исследование ФЕ разной степени фразеологизации в когнитивном аспекте: 1) кодифицированных – сформированных и «узаконенных» в словарях ФЕ; 2) трансформированных – различного рода преобразованных ФЕ; 3) потенциальных – сочетаний слов, проходящих начальную стадию фразеологизации, приобретших некоторые свойства фразеологизмов [7].

Автором делается ряд выводов:

Трансформированные фразеологизмы (ТФЕ) находятся ближе всего к кодифицированным по степени опознания по сравнению с потенциальными ФЕ, но дают больше других разброс при ассоциировании. Это представляется вполне закономерным вследствие природы этого типа ФЕ: возможности буквального и переносного прочтения значения значительной части типов ТФЕ, поскольку Т. В. Пономарева отмечает тенденцию к восприятию данных единиц в прямом значении при ассоциировании.

Сделав предположение о том, что опознание ТФЕ носителями зависит от типа трансформации, автор провела психолингвистический эксперимент и получила интересные результаты. Так, из всего количества опрашиваемых в среднем только 52 % носителей языка отреагировали на исследуемые единицы, 48 % составили либо отказы, либо реакции на другие единицы, либо соотнесенность не с теми исходными ФЕ, с которыми предполагалось. Большая часть (81,44 %) реакций равномерно распределилась по всем типам ТФЕ. Это расходится с исходной авторской гипотезой, согласно которой восприятие ТФЕ носителями языка зависит не от того или иного типа трансформации фразеологизма, а от других факторов.

О. С. Шумилина также исследовала влияние контекста на стратегии идентификации ФЕ носителями русского языка [9]. В рамках самой фразеологической теории утверждение о контекстной независимости ФЕ носит характер постулата [5], принимаемого, но не доказываемого.

С позиций теории речевой деятельности, трактующей слова как единицы индивидуального лексикона, утверждается, что фактически не бывает так называемого «изолированного» слова при его восприятии человеком: «любое опознаваемое слово немедленно включается в контекст некоторого акта глубинной предикации, отражающий предшествующий опыт оперирования этим словом в процессе речемыслительной и коммуникативной деятельности» [4, 17]. Данное высказывание в полной мере можно отнести к любой единице номинации, в том числе и ФЕ.

ФЕ предъявлялись испытуемым в двух режимах: изолированно и в контексте. Контекст ограничивался одним предложением, был нейтральным, то есть не содержал семантических коррелятов ФЕ (слов или словосочетаний, семантически близких ФЕ), хотя допускалось присутствие слов, способствующих идентификации значения фразеологизмов. Автор отмечает, что, несмотря на столь минимальный контекст, «некоторые информанты пытались соотносить исходную единицу с ее непосредственным окружением» (интересно было бы узнать количественную представленность реакций, репрезентирующих данную группу). Анализируя полученные субъективные дефиниции, автор выделила вербальные ключи, послужившие основой идентификации: 1) *внутриязыковые* – при идентификации ФЕ как раздельнооформленных единиц; 2) *межъязыковые* – грамматическая структура, компонентный состав или отдельные компоненты фразеологизма; 3) *контекстуальные* ключи – отдельное слово из ближайшего окружения, сочетание слов или ближайший контекст. О. С. Шумилина сделала вывод о том, что при изолированном предъявлении ФЕ информанты опирались на внутренние языковые ключи в сочетании с межъязыковыми, но основной акцент чаще всего

делался на межъязыковые ключи. Характер материала (имеются в виду нейтральные контексты) не позволил лингвисту определить роль контекста при идентификации ФЕ. Это связано, на наш взгляд, с тем, что единицы были помещены в искусственные контексты, не отражающие реальное функционирование фразеологизма в речи.

Вопрос о переводе ФЕ и фразеологических трансформаций на иностранные языки в русле антропоцентрической парадигмы мало изучен. В. А. Пищальникова пишет: «В процессе разработки психолингвистической модели перевода необходимо исследовать восприятие текста реципиентами и его интерпретацию с учетом совпадений и расхождений в контекстуальных системах носителей различных языков. Одной из закономерностей восприятия и порождения речи является наличие конвенциональных ассоциаций у носителей того или иного языка и принципиальное сходство части ассоциаций у носителей разных языков» [6].

Представив обзор экспериментальных исследований, считаем необходимым отметить изменение тенденций в изучении фразеологии различных языков. Произошло смещение акцентов изучения с интра-экстралингвистических факторов, таких, как контекст, идиоматичность, ассоциативность, структура идиом, на экстралингвистические. Все чаще лингвисты говорят о влиянии возраста, пола, образования, эрудированности реципиентов, в частности, знании фразеологического фонда языка, распространенности устойчивых выражений и т.д.

Нам также хотелось бы подчеркнуть возможность и крайнюю необходимость изучения фразеологии с позиций когнитивного и психолингвистического подходов: «Пытаясь постичь неизведанное, мы можем спуститься в бог весть какие глубины, но это будет чисто теоретическое путешествие, ибо наше восприятие ограничено физиологическим устройством человеческого организма... И задача исследователя найти этот порог экспериментальным путем» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Грянкина, Е. С. Семантика фразеологизмов в сознании носителей русского языка (на материале русских и английских фразеологизмов в буквальном переводе): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Грянкина Е. С. – Барнаул, 2004. – 163 с.
2. Добровольский, Д. О. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка / Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов. – М.: Редакция АСМ, «Помовский и партнеры», 1994. – 116 с.
3. Ермакова, Е. Н. Импликация как форма движения от фразеологизма к слову / Е. Н. Ермакова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 20. – С. 52-57.
4. Залевская, А. А. Вопросы теории и практики межкультурных исследований / А. А. Залевская // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 1996. – С. 23-39.
5. Кунин, А. В. Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки / А. В. Кунин // Вопросы фразеологии английского языка: сб. науч. тр. Вып. 168. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1980. – С. 158-183.
6. Пищальникова, В. А. Речевая деятельность как синергетическая система / В. А. Пищальникова // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул, 1997. – № 2. – С. 72-79.
7. Пономарева, Т. В. Фразеологические единицы в когнитивном аспекте: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Пономарева Т. В. – М., 2001. – 180 с.
8. Трофимова, Е. Б. В поисках абсолюта... / Е. Б. Трофимова // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: сб. ст. Под общ. ред. Л. М. Босовой. – Барнаул, 2000.
9. Шумилина, О. С. Вербальные опоры идентификации английских глагольных фразеологических единиц носителями русского языка / О. С. Шумилина // Психолингвистические исследования слова и текста: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – С. 94-99.
10. Bobrow, S. On catching on to idiomatic expressions / S. Bobrow, S. Bell // *Memory & Cognition*. – 1973. – № 1. – P. 343-346.
11. Cacciari, C. The Comprehension of Idioms / C. Cacciari, P. Tabossi // *Journal of Memory and Language*. – 1988. – Vol. 27. – № 3.
12. Gibbs, R. Idiomaticity and Human cognition / R. Gibbs // *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale, NJ: Erlbaum. – P. 97-116.
13. Libben, M.R. The Multidetermined Nature of Idiom Processing / M. R. Libben, D. A. Titone // *Memory & Cognition*. – 2008, 36 (6). – P. 1103-1121.
14. Omazic, M. Processing of idioms and idiom modifications / M. Omazic // *Phraseology: an Interdisciplinary Perspective* / edited by Sylviane Granger, Fanny Meunier. – John Benjamins Publishing Co., 2008. – P. 67-81.
15. Swinney, D.A. The access and processing of idiomatic expressions / D. A. Swinney, A. Cutler // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. – 1979. – № 18. – P. 523-534.

Бухаров Д. Н.
D. N. Buharov

**ПСИХИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЦЕННОСТЬ
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА**

**MENTAL POTENTIAL AS A PRIORITY VALUE AND ITS IMPACT
ON THE IDENTITY OF THE PERSON**

Бухаров Денис Николаевич – аспирант кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права (Россия, Иркутск); 664009, г. Иркутск-9, а/я 253; 89041236705. E-mail: buharov_den@mail.ru

Mr. Denis N. Bukharov – PhD Candidate, Department of Philosophy, Baikal State University of Economics and Law, city of Irkutsk-9, PB 253; mobile: 89041236705. E-mail: buharov_den@mail.ru

Аннотация. В статье утверждается наличие непосредственной связи, существующей между приоритетной ценностью человека и его идентичностью. В качестве приоритетной ценности автор берет человеческую самость (взятую в ее психической представленности) и исследует влияние, оказываемое установкой на утверждение данной ценности на идентичность человека. Идентичность человека, формируемая под влиянием данной установки, обозначается автором как «Я-контур». В статье дается характеристика данного типа идентичности.

Summary. The paper argues a direct relationship between the priority value of a person and his/her identity. The author takes up the human self (taken in its mental aspect) as a priority value and explores its impact on the identity of a person. The identity of a person, formed under the influence of this value, is designated by the author as the "I-contour" identity. There is a specification of this type of human identity in the paper.

Ключевые слова: ценность, самость, ум, душа, идентичность человека, «Я-контур», абсурд, индивидуальность, персональность, социализация.

Key words: value, the self, mind, soul, personal identity, "I-contour" identity, absurd, individuality, personality, socialization.

УДК 141.32:17.022.1

Человек не может жить без ценностей - в жизни каждого присутствует нечто такое, что рассматривается им как самое существенное. Так, С. Кьеркегор, обозначая ценность как предмет серьезности человека, отмечал, что такой предмет присущ каждому человеку – ибо это есть он сам [4, 237]. Отсюда ясно, что не будь у человека никакой ценности, в плане субстанциональной значимости не было бы и его самого. Исходя из этого, очевидно, что ценность, будучи, по словам С. Кьеркегора, «самим человеком», является тем единственным, на реализацию и сохранение чего направляется большая часть усилий, действий и времени человека. Другими словами, человек верно служит своей ценности, утверждая ее как в самом себе, так и в окружающем мире. При этом, по словам Г. Марселя, человек, посвящая какой-то ценности свою жизнь, в результате имеет то, что эта ценность освящает его жизнь [6, 143]. Служа своей ценности (осуществляя те или иные действия по отношению к ней), человек способен придать своей жизни определенный вид «освящения», выражающийся в оказании определенного типа влияния ценности на его идентичность.

В данной статье мы ставим перед собой следующие задачи: во-первых, рассмотреть случай, когда в качестве приоритетной ценности выступает самость человека; во-вторых, выявить действия, которые человек склонен совершать для утверждения данной ценности, и, наконец, в-третьих, рассмотреть тип идентичности, формируемый у него под влиянием самости как ценности. Во избежание недоразумений, сразу отметим, что в данном случае самость рассматривается нами не в качестве мистической сущности человека (как, например, это делает Б. П. Вышеславецев), а в качестве представленности человека как налично данного, существующего. Именно в таком смысле данная категория употреблялась А. А. Ухтомским,

П. А. Флоренским, Л. П. Карсавиным, Х. Ортегой-и-Гассетом, Э. Мунье, В. В. Бибихиным, когда они рассматривали категорию «самоутверждение».

А. А. Ухтомский определяет самоутверждение как формальное настаивание человека на своем пустом существовании, как возвращение к «максимуму жизнесохранения», как борьбу человека лишь «во имя свое, человеческое, во имя удобства, счастья, комфорта» [9, 325]. Самоутверждение рассматривается в качестве стремления человека достичь как можно более прочного положения в рамках наличного бытия, целью которого, в свою очередь, является обретение им состояния покоя, отсутствия напряжения или, если использовать фрейдовскую терминологию, состояния гомеостаза, принимаемого за счастье. П. А. Флоренский определяет самоутверждение несколько с иной стороны – в качестве «самоупора вне выхождения из себя» [10, 160] – в качестве желания человека занять как можно более высокое и независимое положение в наличном бытии, выступающее как следствие раскрытия его психического потенциала. Таким образом, самоутверждение есть стремление человека провести утверждение собственной самости по двум альтернативным направлениям: утверждение себя в качестве просто существующего, кровно заинтересованного лишь в самосохранении тела, либо же утверждение себя в качестве влиятельной персоны. Выделение данных направлений становится возможным вследствие проведения различия между двумя производными от самоутверждения установками: на придание приоритета телу по отношению к психике, и придание приоритета психике по отношению к телу. Заметим, что данные направления не являются взаимоисключающими. Вопрос здесь заключается только в том, какой смысл в каждом конкретном случае закладывается в категорию самость.

В данной статье мы рассмотрим утверждение в качестве ценности самости человека, понимаемой как его психика (В. Франкл), душа (Н. А. Бердяев). В рамках данного направления человек стремится к как можно более полному раскрытию своей сущности, рассматриваемой им как совокупность его физиологических и психических сил (тела и ума). Человек в данном случае склонен считать, что для раскрытия его сущности ему не нужно предпринимать абсолютно никаких «восхождений», поскольку раскрываются данные потенции естественно, согласно заданной природой логики. Именно в данном «фокусе, когда последнее искомое объявляется найденным с самого начала, а все остальное отправляется от этого мнимо-найденного» [9, 393], видит начало самоутверждения А. А. Ухтомский. Другими словами, самоутверждение данного вида имеет место тогда, когда у человека нет стремления, проделав определенный путь, найти себя. Напротив, он считает, что никаких усилий ему прилагать не нужно, поскольку его изначальная представленность в качестве налично данного существа – это и есть его истинная и конечная идентичность. В подобном мировоззрении К. Ясперс видел для человека огромную угрозу: «Опасность для человека заключается в самоуверенности, будто он уже есть то, чем он мог бы быть» [13, 453].

Наиболее выражено стремление к самоутверждению как к утверждению самости в качестве высшей ценности «Я!» может быть представлено в законе тождества Я=Я. Суть этого закона достаточно подробно была рассмотрена П. А. Флоренским в работе «Столп и утверждение истины». Прежде всего, П. А. Флоренский отмечает, что самоутверждающееся «Я», утверждая себя, одновременно проводит отрицание всех других «Я» – противопоставляет себя им, поскольку видит в них конкурентов и угрозу самоутверждению: «Вне себя Я ненавидит всякое Я, ибо для него оно не-Я, и, ненавидя, стремится исключить его из сферы бытия...» [10, 51]. Источником данной ненависти является страх самоутверждающегося, с одной стороны, не получить, а, с другой стороны, потерять доступ к различного рода средствам самоутверждения: «Под углом зрения закона тождества, все бытие, желая утверждать себя, на деле только изничтоживает себя, делаясь совокупностью таких элементов, из которых каждый есть центр отрицаний, и притом только отрицаний; таким образом, все бытие является сплошным отрицанием, одним великим "Не"» [10, 50]. Кроме того, следуя закону тождества, «Я» противопоставляет свое настоящее своему прошлому и будущему так, как если бы они были не его, то есть рассматривает их как нечто для себя «вне-положное». Даже на уровне своего «Я» человек получает неразрешимое противоречие с самим собой, что в итоге приводит к разрыву, дроблению и разногласию уже внутри его единого «Я»: «Я не выносит себя же во времени, всячески отрицает себя самого в прошлом и будущем, и, тем самым, – так как голое "теперь" есть чистый нуль содержания, – Я ненавидит всякое конкретное содержание, то есть всякую свою же жизнь» [10, 51]. Другими словами, подобное пребывание «Я» в состоянии противоречия с другими и даже с самим собой говорит о том, что сама жизнь отрицается им. «Я» восстает против жизни и любого жизненного содержания, проявись оно в ком-то другом или же даже внутри него самого: «я принадлежу себе» есть

Бухаров Д. Н.

ПСИХИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЦЕННОСТЬ

И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

утверждение, разрушающее самое себя, поскольку «я» здесь является отрицанием вообще любого мыслимого содержания» [5, 36]. Таким образом, вместо того, чтобы способствовать синтезу, сосредоточенности «Я», самоутверждение оказывается ничем иным, как вызовом всему, что им не является: «Я!». Подобный вызов С. Кьеркегор обозначал как вызов всеобщему: «Всякий раз, когда единичный индивид, войдя во всеобщее, ощущает стремление утвердиться в качестве единичного, он оказывается в состоянии искушения...» [4, 53]. Искушение может быть понято как желание поставить себя независимо и выше всего и сделать из себя единственную точку реальности – центр. В этом вызове единое «Я» распадается на отдельные бессодержательные образы и заключается самое в себе, то есть становится тюрьмой для себя же. Отсюда: само-заклочение «Я» есть в первую очередь его замкнутость на самом себе, которая проявляется как желание, во-первых, свести все содержание «Я» к содержанию его самости, а, во-вторых, как стремление объяснить все посредством «Я». В результате этих устремлений происходит так, что самость «застывает» собой глаза человека и не дает ему рассмотреть, что на самом деле представляют из себя он сам и окружающий его мир.

Самость диктует человеку определенное видение мира, в центре которого, естественно, она и располагается. Отсюда человек воспринимает как угрозу или, наоборот, как благо все то, что является угрозой/благом по отношению к самости. Этот момент достаточно подробно разработан А. А. Ухтомским в его концепции Двойника. Двойник, по А. А. Ухтомскому, есть самозамкнутое, самоутверждающееся, самооправдывающееся «Я» человека, навязывающее ему свое мировосприятие. Подобное навязывание приводит к тому, что человек начинает видеть в окружающих людях то, что есть в нем самом – качества своей собственной самости: «Когда люди осуждают других, то тем только обнаруживают своего же, таящегося в себе Двойника: грязному в мыслях все кажется заранее грязным; завистнику и тайному стяжателю чудятся и в других стяжатели; эгоист, именно потому, что он эгоист, объявляет всех принципиально эгоистами» [9, 363]. Подобное видение мира обрекает человека на бесконечное лицемерие качеств своей собственной самости: куда бы он ни посмотрел, везде его преследует его Двойник: «... везде он обречен видеть только самого себя, ибо приучился все рассматривать только через себя» [9, 392].

Под влиянием установки человека на утверждение себя в качестве приоритетной ценности у него формируется идентичность, которую мы обозначили как «Я-контур». Основная причина того, что он нами обозначен таким образом, является то, что «контур» представляет собой своего рода эскиз «образа» человека, его грубую обрисовку, когда уже вырисовываются его основные черты, но вот выражение, «содержание» лица еще не определено.

Человек данного типа через социализацию оказывается способен раскрыть в себе потенциал, заключающийся в психологической компоненте его сущности и характеризующийся большей мощностью по сравнению с телесным потенциалом. Можно сказать, что жизнь «Я-контура» проходит в двух измерениях - в измерениях природной и социальной компонент, исходя из чего он может быть обозначен как двухмерный. Его идентичность есть совокупность нескольких точек-идентичностей, каждая из которых есть определенный способ выражения человеком себя, демонстрируемый им в процессе общения с окружающими - вступая в отношения с другими людьми и выступая в той или иной социальной роли, ему так или иначе приходится проявлять себя.

Важной особенностью человека типа «Я-контур» в отличие от «Я-точки» [2, 170-177] является то, что он в отличие от последнего способен «пересекаться» с другими «контурами» - иметь с ними «точки» соприкосновения. Однако эти отношения поверхностны и ограничиваются уровнем знакомства, стремлением к взаимной выгоде и обменом сообщениями. Состояние, в котором по отношению к Другому пребывает человек подобного типа, может быть охарактеризовано как «закрытая открытость». В своем общении он открыт, но до какого-то определенного уровня.

В связи с социализацией человека типа «Я-контур» необходимо отметить также, что для ее успешного прохождения ему важно быть психологически постоянным: насколько это возможно, избегать различного рода психологических провалов, выступающих препятствием к коммуникации. Человек в данном случае изо всех сил стремится сохранить свою так называемую психологическую непрерывность, которая наряду с психологическим комфортом выступает его основной заботой. Таким образом, вопрос о критерии постоянства (тождества) человека типа «Я-контур» может быть разрешен следующим образом: человек в разные промежутки времени остается одним и тем же в том случае, если его психические проявления,

зафиксированные в один момент времени, совпадают с его психическими проявлениями в другом моменте времени.

Точки-проявления, образующие «контур» человека данного типа, могут обретаться им двумя способами. Первый способ связан с раскрытием человеком в себе такого качества, как индивидуальность.

Индивидуальность определяется как врожденные качества человека. Она есть нечто такое, что присуще человеку – его индивидуальный, ни на что не похожий способ самовыражения (то, что называется способностью «быть собой»), который, по словам Г. Марселя, дан если и не непосредственно, то, по крайней мере, через таких таинственно прозрачных посредников, как голос и взгляд [5, 95], которые, заметим, впервые оказываются способными к раскрытию человеком в обществе других людей. Раскрывая в себе собственную индивидуальность, человек типа «Я-контур» уже самой этой возможностью отличается от типа «Я-точка». В отличие от последнего, его содержание уже невозможно исчерпать его родовой характеристикой, а он сам не может быть описан по аналогии с ему подобными, как это возможно в случае с «Я-точкой». Это вытекает из того, что «Я-контур», благодаря индивидуальности, сумел выделиться из «массы» и теперь представляет собой нечто единственное в своем роде, оригинальное, отличающееся от другого и других. В силу определенного внутреннего прогресса он обладает большей привлекательностью по сравнению с «Я-точкой», привлекательность которого зачастую носит чисто внешний характер. В этом смысле «Я-контур» близок к человеку типа «Я-образ» [2, 197-204].

Раскрытие человеком своей индивидуальности, по словам Н. А. Бердяева, часто означает раскрытие в нем иррационального начала, противоположного общему, обязательному, разумному, нормативному [1, 187]. Индивидуальность подразумевает выход человека за рамки некоего «разумного» шаблона, устанавливаемого обществом, и создание им собственной индивидуальной формы самовыражения. Однако вопрос, будет ли через эту форму выражаться что-то более содержательное, чем самость человека, остается открытым. Таким образом, индивидуальность может быть определена как поиск человеком себя своеобразного в рамках общества. Подобный поиск происходит следующим образом.

Пытаясь найти себя в рамках общества, человек, прежде всего, обращает свой взор на тех, кто его окружает, и затем соотносит себя с уже проявленными идентичностями других людей, то есть с чем-то объективным, конкретным, реально существующим, а затем с неким идеалом или образцом, в качестве которых могут выступать, к примеру, идентичности гениев или святых. В процессе этого соотнесения происходит отсев тех проявлений-точек, которые психологически близки лично ему, то есть тех способов самовыражения, которые человек рассматривает для себя как естественные. Из этих точек постепенно складывается особая, свойственная именно этому человеку линия поведения в обществе. Однако эта связанная линия становится возможной только в том случае, если отбор образующих ее точек-идентичностей происходит осознанно, исходя из их близости человеку, но не из соображений его наилучшей приспособленности к общественным запросам. При выполнении данного условия можно говорить о том, что человек в результате уделения такого внимания своей внутренней реакции на предлагаемые ему точки-идентичности постепенно становится близок к идентичности типа «Я-образ». Социализацию подобного рода можно назвать «своеобразной» социализацией в том смысле, что человек в процессе нее раскрывает свое своеобразие.

Другой путь образования человеком себя как «контура» имеет место при его ориентации на адаптацию к требованиям, предъявляемым со стороны общества. Подобного рода ориентация может быть обусловлена многими причинами, однако здесь мы в качестве основной выделим ту, что в свое время была сформулирована С. Кьеркегором. Суть ее состоит в том, что человек, увидев вокруг себя столько людей, взвалив на свои плечи столько человеческих забот, попытавшись уяснить, каким образом идет повседневная жизнь, забывает о себе самом, не осмеливается в себя верить и считает слишком дерзким быть собою [4, 271]. Это приводит к тому, что он стремится «сгладить углы» собственного «контура» и тем самым сделать из себя нечто общепринятое. Тем самым он уходит от раскрытия в себе своей изначальной структуры – отказывается от того, чтобы быть самим собой. При этом имеется большая вероятность того, что отбираемые подобным человеком в процессе адаптации способы его самовыражения не составят связного контура, и вместо четко обозначенных черт человека получится хаотичный набор точек-идентичностей, разбросанных в пространстве, при попытке увязывания которых получится нечто несуразное, лишь очень отдаленно напоминающее человеческое лицо. В этом случае человек оказывается в состоянии неопределен-

Бухаров Д. Н.

ПСИХИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЦЕННОСТЬ

И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

ности, когда он уже не «Я-точка», но еще и не совсем «Я-контур». Сущность подобного рода идентичности заключается в поиске человеком себя через подобие с целью выбора наиболее выгодных, но не обязательно близких ему точек-идентичностей. Человек в этом случае создает себя сам (и относится поэтому к категории self-madepeople), но делается им это, прежде всего, из соображений наиболее выгодной для него социализации. Это приводит к тому, что он начинает относиться к самому себе как к управляющему определенного рода проектом, в качестве которого он сам и выступает.

Рассматривание человеком себя как проекта, по словам Г. Л. Тульчинского, ставит перед ним проблему реализации себя как бренда. При этом, пишет он, речь идет о довольно конкретной технологии разработки и реализации такого бренда, который включал бы выбор жизненной стратегии, формирование, позиционирование и продвижение определенного имиджа и репутации. Здесь по отношению к человеку применяется маркетинговая технология по формированию им собственной востребованности не только на рынке труда, но и в социальных отношениях, личной жизни, в быту. Срок жизни такого личного проекта, по словам Г. Л. Тульчинского, совпадает со сроком «жизни» товаров и соответствующих брендов - не более 5-7 лет [8, 54]. Безусловно, что коммерческий проект, осуществляемый в данном случае, может оказаться вполне успешным, но вот в плане сущностного раскрытия человека он способен привести его к полному провалу. Обретаемая идентичность имеет для него скорее витальное, чем сущностное значение, а своеобразие, присущее ему от природы, не раскрывается. В этом случае осуществляемая человеком социализация может быть обозначена как «анонимная», потому как здесь он уходит от своей индивидуальности и становится очень близок к идентичности типа «Я-точка» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Снисхождение до уровня «Я-точка» проявляется в том, что человек, несмотря на свою представленность в виде совокупности нескольких точек-идентичностей, по-настоящему пребывает только в одной «точке» (в одной социальной роли), тогда как в других ролях он представлен только отчасти. Пребывание в других точках-идентичностях по сравнению с данной есть не что иное как вынужденная мера, предпринимаемая подобным человеком в силу необходимости так или иначе встраиваться в общество. Представленность человека в этих «точках» есть своего рода игра в кого-то или стремление казаться кем-то. Нетрудно заметить, что человек, осуществляющий выход в общество через адаптацию к требованиям последнего, выходит из состояния «точки» не в полной мере - выходит иллюзорно. По сути, он «точкой» и остается со всеми характерными для нее последствиями и свойствами, которые мы уже рассмотрели.

В целом, об идентичности типа «Я-контур» можно сказать, что она есть своего рода промежуточная стадия движения человека от идентичности типа «Я-точка» к идентичности типа «Я-образ». Она есть выражение персональности (Э. Мунье), на которую наталкивается человек, стремясь реализовать себя как личность, и которая имеет возможность как способствовать, так и препятствовать его определению и реализации [7, 62]. Представленность персональности в качестве препятствия состоит в том, что гарантий того, что человек подобного типа не остановится на данной стадии и пойдет дальше к «Я-образу», нет. Подобная ситуация имеет место постольку, поскольку несмотря на способность человека, обладающего персональностью, к самоотречению, она всегда, по словам Э. Мунье, претендует на нечто конечное, всегда цепляется за него [7, 62]. В качестве конечного в данном случае выступает определенный внутренний (психологический) успех, достигнутый человеком на этом этапе, благодаря которому этот тип идентичности может быть рассмотрен человеком как целевой и окончательный. Человек типа «Я-контур», остановившийся на данном этапе, отрицает за собой возможность стать качественно иным, чем то, что представляет собой изначально, и делает ставку на развитие своего «количественного» потенциала. При этом он хочет стать самым значительным. Слово «значительность» является ключевым для понимания человека такого типа, поскольку именно значительность является его ведущим тяготением. Стремясь к ней, он использует любую возможность для собственного возвышения и продвижения. Целью деятельности человека такого типа являются его самореализация и самоактуализация, выступающие в качестве конечной цели осуществляемой им деятельности.

Человек указанного типа стремится раскрыть себя, не имея при этом ответа на вопрос: для чего он это делает? Прежде всего, это объясняется тем, что данное стремление характеризуется его направленностью не на реализацию какого-то дела, а направленностью на самого себя. В результате, конечная цель, заключающаяся в осуществлении себя через реализацию смысла, таким человеком не достигается. Здесь имеет место ситуация, описанная В. Франклом следующим образом: «Подобно тому, как бумеранг возвращается к бросивше-

му его охотнику, лишь если он не попал в цель, так и человек возвращается к самому себе и обращает свои помыслы к самоактуализации, только если он промахнулся мимо своего призвания» [12, 59]. Человек такого типа может быть охарактеризован по аналогии с абсурдным человеком А. Камю. Так же, как и последний, он отдает себе отчет в том, что окружающий его мир и его собственное существование бессмысленны, однако не стремится преодолеть данное положение путем нахождения смысла. Он занимает себя бунтом против бессмыслицы: в этом бунте, по словам А. Камю, собственно, и состоит его постоянная данность самому себе [3, 260]. Он живет этим бунтом, в нем же он исчерпывает и изживает самого себя. В данном контексте фраза «исчерпать себя» имеет смысл, отличный от смысла, заключенного во фразе «отдать себя». В этом случае в ней заключен оттенок безнадежности и отчаяния, поскольку тогда, как начало раскрытия подобного типа человека отмечается его привлекательностью и эффективностью, результат, к которому он в конечном итоге приходит, есть постепенное угасание его возможностей. Здесь вполне справедливо прозвучат слова П. А. Флоренского: несмотря на то, что порывы человека, существование которого не пронизано смыслом, могут казаться красивыми, но дайте им волю, и личность сама поспешит бежать от сделанного [11, 158].

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы. Во-первых, человек, сконцентрированный на заботе о собственной самости, закрывает себя от других имеющихся у него возможностей, среди которых главной является его способность озаботиться чем-то помимо своих непосредственных интересов. Во-вторых, утверждение человеком самости в качестве высшей ценности приводит к утере его значимости в целом. И, наконец, в-третьих, стремясь сохранить себя в качестве личности (в рассмотрении Э. Мунье), он утрачивает себя в качестве возможного существа – существа, способного на раскрытие в себе потенциалов, отличных от данных ему в качестве природного существа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н. А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды / Н. А. Бердяев. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. – 312 с.
2. Бухаров, Д. Н. Приоритетные ценности и преемственность определенного типа идентичности / Д. Н. Бухаров // Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей : моногр. / Д. Н. Бухаров, Е. И. Надыкто, В. А. Неудакин, Р. К. Омельчук, С. А. Павленко, А. В. Рудых, О. К. Токтомагов; Вост.-Сиб гос. академия образования. – Иркутск: Вост. Сиб. гос. академия образования, 2011. – С. 145-204.
3. Камю, А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю // Сумерки богов; сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1989. – С. 222-318.
4. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор; пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. – М.: Терра-Книжный клуб; Республика, 1998. – 384 с.
5. Марсель, Г. Опыт конкретной философии / Г. Марсель. – М.: Республика, 2004. – 224 с.
6. Марсель, Г. Присутствие и бессмертие. Избранные работы / Г. Марсель. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – 328 с.
7. Мунье, Э. Манифест персонализма / Э. Мунье; пер. с фр.; вступ. ст. И. С. Вдовиной. – М.: Республика, 1999. – 559 с. – (Мыслители XX века).
8. Тульчинский, Г. Л. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности / Г. Л. Тульчинский // Вопросы философии. - 2009. - № 4. - С. 41-56.
9. Ухтомский, А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.
10. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П. А. Флоренский. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 640 с.
11. Флоренский, П. А. Философия культа (Опыт православной антропологии) / П. А. Флоренский; [сост., автор вступ. ст. С. Г. Антоненко, авторы вступ. ст. и коммент. С. М. Половинкин, игумен Андроник (Трубачев)]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 158.
12. Франкл, В. Человек в поисках смысла: сборник / В. Франкл; ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. / К. Ясперс. - 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

ПРИМЕЧАНИЕ

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № 11-33-00111a2 «Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей»).

Иконников А. И.

ОБУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВУЗОВ:
ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Иконников А. И.

A. I. Ikonnikov

**ОБУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВУЗОВ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

**TEACHING CREATIVE COMPOSITION TO STUDENTS AT FINE ARTS UNIVERSITY
DEPARTMENTS: PHYLOSOPHICAL ASPECT**

Иконников Александр Иванович – доктор педагогических наук, профессор Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Россия, Хабаровск). E-mail: aiikonnikov@mail.ru.

Mr. Alexandr I. Ikonnikov – PhD, Professor, the Far-Eastern State University for Humanities (Russia, Khabarovsk). E-mail: aiikonnikov@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается проблема обучения творческой композиции студентов художественных вузов. По мнению автора, творческая композиция должна зависеть от её внутренних характеристик. Она должна определяться задачами, порожденными проблемой, и достигать реальных решений.

Summary. The paper reviews the problem of teaching creative composition to students at Fine Arts university departments. The author maintains that creative composition depends on its inherent properties. It is supposed to be determined by the target goals and has to lead to real solutions proceeding from the problem.

Ключевые слова: творческая композиция, смысл, знак, обучение, множественность, интенсивность, случайность.

Key words: creative composition, meaning, sign, teaching, multiplicity, intensity, randomness.

УДК 37. 01

В современном российском обществе в педагогическом процессе происходят глобальные изменения. Образование, с одной стороны, выступает катализатором для ускорения новых научных открытий, а с другой стороны, изменяется само. В связи с модернизацией функции, содержания и организации современного образования возникает необходимость изменения системы подготовки педагогов в высшей школе.

Обычный подход в обучении творческой композиции начинается только с решения поставленной задачи. Например, преподаватель «ставит» проблемы. Задача студента – найти решение. Именно так создается своего рода зависимость. Подлинная же творческая свобода состоит в способности принимать решение и конституировать сами проблемы. Такая способность влечет за собой исчезновение ложных проблем и творческую постановку истинных проблем. Для изобразительного искусства речь идет, скорее, о нахождении проблемы и, следовательно, о ее формулировке, чем о решении.

Известно, что проблема разрешается, как только она соответствующим образом поставлена. Ее решение существует, хотя и может оставаться скрытым. Студенту остается только научиться открывать ее. Однако постановка проблемы – не просто открытие. Это изобретение. Открытие должно иметь дело с тем, что уже существует – актуально или виртуально. Изобретение же наделяет бытием то, что на самом деле еще не существует. Оно мо-

жет никогда не произойти, если не обучить учащихся творчески ставить проблемы. Постановка и решение проблемы близки к тому, чтобы уравниваться. Бергсон писал: «Подлинно великие проблемы выдвигаются только тогда, когда они разрешимы» [5, 94]. В этом смысле история изобразительного искусства как с теоретической, так и с практической точки зрения есть история конструирования проблем. Именно здесь художник творит собственное пространство, осознание такой деятельности подобно обретению свободы. Например, создание картины подразумевает сразу как постановку проблемы, так и её решение.

В учебных академических упражнениях по рисунку и живописи нужно получить точный результат. Преподаватели знают, где произошла ошибка, что сделано неграмотно в рамках академической композиции. В то же время преподавателям изобразительного искусства хорошо известно, как редко встречаются в «творческих композициях» ошибки. В данных работах отмечаются неинтересные и незначительные замечания, банальность, принятая за нечто замечательное, плохо поставленные или искажающие цель задачи. Смысл в искусстве часто определяется как условие истины. Однако предполагается, что это условие истины сохраняет более широкий объем понятий, чем обусловленное. Сам смысл обосновывает истину, делая возможным также и ошибку. Ложное предположение, по-видимому, также не лишено смысла. Бессмыслица стала признаком того, что не может быть ни верным, ни ложным.

Условие творческой композиции обязано быть условием реального, а не возможного опыта. Условие образует внутренний генезис, а не внешнюю обусловленность. «Истина – дело производства», создания художественной композиции, а не точного совпадения с классическим образцом. Например, работа студента, по мнению некоторых педагогов, должна быть похожа на картины известных мастеров. Но «истина – дело производства, а не врожденности или припоминания», – утверждает Делез. Обосновать – значит совершить метаморфозу, преобразование [6, 192].

Ряд современных философов, художников, писателей утверждают, что есть только одно слово, высказывающее и себя, и свой смысл, и это слово «бессмыслица». Если смысл необходимо является бессмыслицей при эмпирическом применении способностей, то, напротив, бессмыслица является как бы секретом смысла для сознательного зрителя, все способности которого направлены на бесконечный предел. Многие художники (Клее [24, 34], Кандинский [10, 121], Миро [25, 75]), писатели (Джойс, Льюис Кэрролл [12, 122]) считали, что механизм бессмыслицы – высшая цель смысла, так же как механизм глупости – высшая цель мышления. Каждое предположение сознания, названное «именем», оказывается вовлеченным в неопределенную номинальную регрессию, так как каждое имя отсылает к другому, означающему смысл предыдущего. Таким образом, мышление выдает догматический образ и постулат предположений.

Как избежать игры зеркал: предположение должно быть верным, потому что верно его отражение? Однако оно верно тогда, когда само предположение верно. У всех этих сложностей общее происхождение. Выделяя двойник предположения, мы упоминаем лишь отражение или призрак. Определенный таким образом смысл – лишь туман, клубящийся на границе вещей и слов. Смысл здесь появляется в результате одного из мощнейших логических усилий, но как непродуктивный, бестелесный, бесплодный, лишенный порождающей способности. Льюис Кэрролл превратил эти парадоксы в волшебную сказку. Например, парадокс нейтрализующего раздвоения находит воплощение в улыбке без кота, а парадокс умножения дублирования – в образе кавалера, который все время дает новое название песне [12, 90].

Выиграем ли мы что-нибудь, выражая смысл в вопросительной, а не в инфинитивной или причастной форме? Например, что изображено на данной картине? Здесь вопрос всегда скопирован с даваемых, вероятных или возможных ответов, он сам нейтральный двойник предположения. Например, студент пускает в ход все свои способности, строя вопросы, рисуя предметы, которые желает изобразить. Работа студента должна, как он считает, быть выполнена в «суровом стиле», потому что так желает, возможно, педагог.

Но смысл задания заключен в самой проблеме. Смысл формируется в комплексной теме произведения, но она – совокупность задач и вопросов, относительно которых предположения служат элементами ответа и возможных случаев решения. Однако, на наш взгляд, необходимо избавиться от догматического образа мышления. Необходимо перестать копировать задачи и вопросы с тех предположений, которые уже служат ответами. Традиционно считается, что задача, композиция есть только нейтрализация, решение соответствующего предположения. Утверждается, что творческая композиция всего лишь неэффективный двойник, скопированный с предполагаемого им типа предположения, например, с натуры или классического образца.

Однако часто студенты не замечают того, что смысл и задачу творческой композиции невозможно заранее предположить. Творческая композиция сущностно отличается от всякого предположения или образца. Здесь упускается главное: генезис акта мышления, применения способностей. Считается, что диалектика есть искусство задач и вопросов, комбинаторика, вычисление задач, создание творческих композиций как таковых. Поэтому часто художники довольствуются копированием задач, композиций с предположений, образцов, натуры.

Ряд педагогов считает, что задания, творческие композиции даны в готовом виде и что они достигаются в заранее определенных ответах или решениях. Некоторые авторы публикаций утверждают, что активность мышления, а также истинное и ложное относительно этой активности начинаются лишь с поиска решений и касаются только решений. Преподаватель ставит задачу, а целью студента является заранее определенное ее решение. В итоге результат задачи будет оцениваться как истинный или ложный авторитетом преподавателя. Студентов постоянно побуждают решать задачи, поставленные извне (преподавателем). Студентам ставят отметки, дают призы, если они «правильно» решили задачу, создали композицию. Происхождение гротескового образа культуры обнаруживается в тестах, заданиях, художественных конкурсах, в которых обычно предлагается сделать выбор, создать рисунок по своему вкусу, при условии, что этот вкус совпадает со вкусом тех, кто оценивает работы. Утверждая «будьте самими собой», организаторы таких конкурсов подразумевают, что «мое» – такое же, как у «других».

Итак, к догматическому образу относится постулат ответов и решений, согласно которому истинное и ложное начинается лишь с решений или характеризует ответы. Однако в творческом конкурсе задача часто оказывается «заданной». Истинность решения всегда зависит от задачи, которой оно соответствует. Задача всегда имеет то решение, которое заслуживает в силу своей собственной истинности или ложности, то есть своего смысла. Именно это означает формулировка «человечество ставит перед собой только те задачи, которое способно решить». Задача или смысл – это одновременно место первоначальной истины и генезиса истины производной [6, 198].

Распространенная иллюзия, состоящая в копировании задач, академических образцов, упражнений с предположений, продолжается и в иллюзии педагогической. Педагоги часто придерживаются мнения, что истинность проблемы заключается только в ее возможности приобрести «истинное» решение. Общее мнение служит, таким образом, испытанием обыденного сознания. По-видимому, находясь во власти естественной иллюзии, ряд педагогов копирует проблемы с предположений обыденного сознания. Ими упущена внутренняя характеристика задачи, творческой композиции, внутренний законный элемент, сам предмет диалектики или комбинаторики, «дифференциальное». Правильная постановка задачи – это испытание и отбор. Главное состоит в том, что генезис (возникновение) истины, производство истинного в мышлении происходит внутри самих задач творческой композиции. Задача творческой композиции – дифференциальный элемент задач, генетический элемент истинного. Истинное и ложное, считают Делез, Деррида, Фуко, не безразличны к обусловленному, соотносящемуся с условием. Условие же не безразлично к тому, что оно делает возможным [6, 201; 9, 255; 20, 93].

Производство задач истинного и ложного в границах смысла – единственный способ принимать всерьез выражение «истинная и ложная задача, творческая композиция». Для этого педагогам необходимо отказаться от копирования задач, образцов с возможных предположений и от определения истинности задач исходя из возможности выявить решения или сравнить с живописным подлинником. Решаемость задачи, творческой композиции должна зависеть от внутренних характеристик конкретной композиции. Она должна определяться условиями задачи, а также реальными решениями, порожденными проблемой в самой творческой композиции. Изменения в образовании останутся на прежнем уровне без этой «коперниковской революции».

Не только смысл является идейным, но и задачи – это сами Идеи, творческие композиции. В то же время задача или идея являются как конкретным особенным, так и истинным универсальным. Связям, образующим универсальное в задаче, творческой композиции, соответствуют распределения выдающихся и отдельных точек, образующих определения условий задачи. Например, Плотин, Юм, Делез относили задачу (создание произведения) к порядку событий и переживаний. Они утверждали, что художник, поэт, философ должны не доносить информацию, но погружать зрителя, читателя, ученика в пространство переживания [16, 14; 3, 31].

Плотин подчеркивал, что творческая композиция состоит из частей, которые должны иметь некую внешнюю по отношению к самим себе причину для соединения в целое. Это внешнее и приносит в них жизнь и целесообразность формы, которая также способствует сохранению целостности. Когда мы видим перед собой какие-то объекты, уже само видение является счетом. Оспаривая Аристотеля, Плотин утверждал, что и ум не может ни в коем случае претендовать на статус начала [16, 29]. Степень удаления от единого соответствует тому уровню, который характеризует все, что существует. Прежде всего, от единого «отклонился некоторым образом» Ум, а затем Душа. Весь этот процесс «отклонения» является не временным актом, но самой природой сущего. Быть – значит отграничиваться, отклоняться. Мир создается всегда [16, 115].

Особенное в творческой композиции так же за пределами частных предположений, как и всеобщее – по ту сторону общего предположения. Проблематичные идеи – простые, а сложные сущности – множества связей и соответствующие единичности. Например, стихи Пушкина невозможно пересказать, их можно только повторить.

Задача творческой композиции не существует вне своих решений. Творческая композиция определяется во время своего решения. Однако ее определение не совпадает с решениями, так как они сущностно различны. Определение подобно генезису сопутствующего решения. Таким образом, распределение особенностей полностью принадлежит условиям задачи, в то время как их спецификация отсылает к решениям, уже возникающим в этих условиях. Творческая композиция одновременно трансцендентна (внешняя) и имманентна (внутренняя). Творческая композиция трансцендентна, так как состоит из системы идейных связей или дифференциальных отношений между генетическими элементами. Творческая композиция имманентна, так как эти связи или отношения воплощаются в несходных с ним актуальных отношениях, определяемых полями решений.

Творческая композиция и ее символика связаны со знаками. Знак же это различие в системе. Знаки «составляют проблему» и развиваются в символическом поле. В знаке использование способностей, прежде всего чувственности, отсылает к идеям, пронизывающим все способности и по очереди побуждающим их. Идея же, наоборот, отсылает к парадоксальному использованию каждой способности и сама предлагает смысл языку. Поэтому нет разницы между исследованием идеи и возвышением каждой способности до ее трансцендентного действия. В этом и заключается сущность ученичества: два аспекта обучения. Обучение – действия, производимые перед лицом конкретной задачи, творческой композиции. Знание же определяет только общий характер концепта или обладание правилом решений или создания композиции.

Учиться – значит проникать в универсальность связей, образующих Идею, и в соответствующие им особенности [6, 205]. Например, Ван Гог, Мондриан, Крымов, Дейнеко, Кандинский показали, что композиция – это система связей или дифференциальных отношений между линейными, тоновыми и цветовыми пятнами и особенностями, соответствующих уровню изменчивости этих связей [15, 32; 19,54; 11, 8; 19, 14; 10, 153]. Научиться рисовать, писать – значит уметь сопрягать выдающиеся точки линейных, цветовых, тоновых полей на холсте с особыми точками объективной идеи ради образования проблемного поля (творческой композиции). Это сопряжение, соединение определяет для нас порог сознания, на уровне которого наши реальные действия соотносятся с восприятиями реальных линейных, тональных и цветовых отношений краски, давая в таком случае решение задачи произведения. Таким образом, учение всегда проходит через бессознательное и происходит в бессознательном, тем самым устанавливая между природой и разумом глубинное сообщество.

Ученик в процессе обучения развивает каждую способность до трансцендентного применения. В чувственности ученик старается породить вторую силу, схватывающую то, что можно только почувствовать. Это и называется воспитанием чувств. Мы не знаем заранее, как тот или иной ученик будет учиться. Мы не знаем, благодаря какому чувству становятся художниками, благодаря каким встречам – живописцами, музыкантами. Некоторые ученые считают, что нет метода поиска сокровищ, нет его и в обучении, а есть только жесткая дрессура, культура, воспитание, формирование, пронизывающие индивида насквозь. Метод – способ узнать, кто налаживает сотрудничество всех способностей. Культура – это движение обучения. Культура – приключение произвольного, связывающее чувственность, память, а затем и мышление с необходимым насилием [6, 206].

Иметь обычные познания, будь они и обширные, не есть знание. Даже если эти познания сведены к освоению учебных программ и экзаменационным требованиям к практически самому важному, они не есть знание. Даже если они «жизненны», владение ими еще не есть знание. Знание означает «уметь учиться». Обычно полагают, что знанием обладает тот, кто больше не нуждается в учении, потому что он уже выучился. Но знающий только тот, кто понимает, что он должен все время учиться и что он всегда может учиться. Это намного труднее, чем обладать знаниями. Умение учиться предполагает умение спрашивать. Спрашивание есть волеие к знанию или решимость стоять в откровенности сущего [21, 105].

В процессе обучения студентов творческой композиции важно учитывать, что у Гегеля обучение остается подчиненным идеалу знания как знания абсолютного [2, 432 – 437]. Платон определял учебу как трансцендентное (внешнее) движение души, несводимое как к знанию, так и к незнанию [14, 629 – 706]. Не из знания, а из «учебы» должны быть выделены трансцендентные условия мышления. Поэтому условия у Платона определены в форме припоминания, а не врожденности. Припоминание находит свой собственный объект, памятное в специфической материи обучения заключено в вопросах и задачах. Платон вводит различие в мышление и гетерогенность в обучение только для того, чтобы снова подчинить их мифической форме сходства и тождества, то есть образу самого знания. Таким образом, в качестве догматического образа можно рассматривать постулат и знания. Все догматические постулаты подавляют мысль образом одинакового или подобного в представлении.

В то же время Плотин утверждал, что художник, поэт, философ должны не доносить информацию, но погружать зрителя, читателя, ученика в пространство переживания [16, 14].

И в процессе обучения творческой композиции надо помнить, что идея – это не сущность. Проблема как объект идеи, скорее, находится на стороне событий, переживаний, происшествий, чем является теоремой сущности. Идея развивается во вспомогательных средствах, в корпусе присоединений, измеряющих ее синтезирующую силу. Поэтому область идеи – не сущностное, и она не связана с вопросом сущности, т.е. с вопросом «что это?».

Создание творческой композиции – из порядка происшествия, события, множества – различия. Это вопросы «сколько?», «каким образом?», «в каком случае?», а также «кто?». Не только потому, что случаи решения возникают как реальные события, но потому, что усло-

вия задачи сами включают события, срезы, удаления, присоединения. События разворачиваются в двух плоскостях как непохожий отклик. Одни реальны на уровне порожденных решений, другие идейны или идеальны при условии задачи как действия. По сравнению с реальным идеальный ряд располагает двойной способностью – трансцендентности и имманентности. События располагаются двумя линиями: горизонтальной и вертикальной. На пересечении двух этих линий завязывалось «временное вечное» – связь Идеи и актуального, «бикфордов шнур», по утверждению Ницше, – решается вопрос нашего большого мастерства и силы, касающихся самих задач и композиций [13, 300]. Есть критические точки события: как есть критические точки температуры, точки плавления, замерзания, кипения, кристаллизации, так и в событии есть эти состояния переохлаждения, которые стремительно развиваются, кристаллизируются, определяются лишь через введение фрагмента будущего события. Поэтому метод «речи-заменителя», способный обзреть и описать множества темы, творческой композиции, важнее метода противоречия.

Проблема мышления при создании творческой композиции связана не с сущностью, но с оценкой того, что имеет или не имеет значение. Она связана с распределением особенного и упорядоченного, примечательного и обычного, происходящим в несущественном или в описании множества по отношению к идеальным событиям, создающим условия «задачи, творческой композиции». Ложное сознание определяется, прежде всего, постоянной путаницей важного и неважного, обычного и особенного. «Речи-заменителю» необходимо породить случаи исходя из вспомогательных средств и присоединений. Она руководит распределением примечательных точек в творческой композиции. Она решает, каким способом должен быть продолжен ряд от особой точки к регулярным точкам вплоть до другой особой точки, и какой именно, а также являются ли полученные в творческой композиции ряды сходящимися или расходящимися.

Создавая творческую композицию, студенты должны посредством постепенного определения условий найти присоединения, дополняющие исходный корпус задачи, творческой композиции, то есть разновидности множества во всех измерениях. Необходимо найти фрагменты будущих и прошлых идеальных событий, обеспечивающие решаемость задачи, творческой композиции. Важно закрепить способ, при котором они присоединяются или пересекаются с исходным корпусом. С другой стороны, требуется сконденсировать все особенности, ускорить все обстоятельства, точки соединения в одном высшем случае, взрывающем решение как нечто внезапное, грубое и революционное. При создании творческой композиции необходимо очень внимательно найти планы поверхностей и утвердить их решающим мазком кисти. Например, мы видим это в работах Сезанна. У каждой творческой композиции есть как бы два лица: любовь и ярость. Любовь – в поиске фрагментов, постепенном определении, сцеплении идеальных поверхностей присоединения, ярость – в конденсации особенностей, посредством идеальных событий определяющей назревание «революционной ситуации», взрывающей Идею в актуальном [6, 234].

Кандинский утверждает, что воздействие силы на данный материал своим напряжением придает жизнь всему материалу. Напряжение, со своей стороны, «дает возможность выразиться внутреннему миру элемента». Элемент является реальным результатом работы силы над материалом. Композиция, считает Кандинский, – это не что иное, как четко закономерная организация живых сил, которые заключены в элементах в виде напряжений [10, 191].

Существует объективность присоединения и конденсации, объективность условий, означающая, что творческие композиции находятся не только у нас в голове, они в производстве актуального исторического мира. Степень, интенсивность – это индивидуальность. «Этовость» (индивидуальность) входит в сочетания с другими степенями, с другими интенсивностями, чтобы сформировать иную индивидуальность. Итак, есть более или менее обширные бесконечности, но не благодаря числу, а благодаря композиции отношения, в которую входят их части. Так, каждая индивидуальность – это бесконечное множество, а вся Природа в целом – это множество совершенно индивидуализированных множеств. Речь идет

не об организации, а о творческой композиции. Речь идет не о развитии или дифференциации, а о движении и покое, скорости и медленности [8, 418 – 421]. Спиноза отмечает, что каждому отношению движения и покоя, скорости и медленности, группирующему бесконечность частей, соответствует степень «могущества» [18, 232].

Известно, что структуры состоят из равного числа идеальных событий и множественных связей, особых точек, пересекающихся с определяемыми ими реальными событиями. То, что называется структурой, системой связей и дифференциальных элементов, является также и смыслом с генетической точки зрения. Подлинная оппозиция заключена в другом: между творческой композицией (структура – событие – смысл) и представлением. Концепт в представлении подобен возможности, однако субъект представления все еще определяет объект как действительно соответствующий концепту, как сущность. Поэтому представление в целом является элементом знания, получаемого путем соединения мыслимого объекта и его узнавания мыслящим субъектом. Но виртуальность творческой композиции не имеет ничего общего с возможностью. Множественность не допускает какой-либо зависимости от тождественности субъекта или объекта. В действительности в творческой композиции элемент не знания, но бесконечного «обучения» по своей природе отличается от знания.

Процесс обучения творческой композиции в целом состоит в понимании задач как таковых, постижении и нагнетании особенностей, компоновке поверхностей и идеальных событий. Учиться творческой композиции, учиться плавать, учить иностранный язык – значит компоновать живописные поверхности, линии, сочетать особые точки собственного тела или родного языка с точками другого образа, элемента, расчленяющего нас, но заставляющего проникнуть в мир до той поры неведомых, небывалых задач. Обучение выражает репрезентацию бессознательного, а не репрезентацию сознания.

«Запаздывающий интеллект» компетентен только в отношении завершенных вещей. Символы, с которыми он работает, никогда не поспевают за событием. Неспособное навстречу отстаивать сознание ретроспективно навсегда упускает чудесные случайности, присущие современности [1, 18].

Древнегреческий философ Гераклит писал: «Из расходящегося создается прекраснейшая связанность» [22, 29]. Вопреки расхожему мнению о различии как негативном, здесь оно одновременно выступает как сводящее воедино. Стремящиеся краски, объекты друг против друга сходятся воедино в том смысле, что из них, как из различия, возникает прекраснейшая композиционная связь. Например, в картинах Матисса, в иконописи, в современном дизайне мы видим великолепный блеск, единство, гармонию контрастных черных и белых тонов, теплых и холодных красок.

Таким образом, речь идет не об обыденном сознании, но, наоборот, о «парасмысле». Парадокс также противоположность здравого смысла. Элементами такого парасмысла являются творческие композиции, потому что именно творческие композиции есть чистые множества.

Творческие композиции – это множества дифференцированных оттенков, подобно огням перебегающие от одной способности к другой. Поэтому обучение может быть определено двумя взаимодополнительными способами, противоположными представлению в области знания. «Учиться» означает лишь проникнуть в идею творческой композиции, ее разновидности и отличительные черты. «Учиться значит возвысить способность до ее трансцендентного (внешнего) несогласованного применения, вознести к передающейся другим «встречи и ярости» [6, 238].

В настоящее время комплекс «вопрос-задача» стал достижением современного мышления на основе возрождения онтологии. Данный комплекс перестал рассматриваться как выражающий временное и стал направленностью Бытия [23, 101]. Произведение разворачивается исходя из проблемы, которую никогда не сможет заполнить. В современных картинах, например Фрэнсиса Бэкона, происходит открытие проблематичного и вопроса как трансцендентного (бесконечного) горизонта, «сущностным» образом принадлежащего людям, вещам, событиям [7, 22].

Познание может быть вовлеченным в точку зрения, определяемую тем, что есть. Чистое познание есть познание вне точки зрения, следовательно, познание мира, располагающегося, в принципе, вне мира. Быть для человеческой реальности – значит быть здесь. Это онтологическая необходимость [17, 329].

Вопросы – это императивы (законы), или, скорее, вопросы выражают связь задач с императивами, из которых вытекают. Задачи или идеи, творческие композиции вытекают из императивов авантюры и события, предстающих в качестве вопросов. Творческие задачи неотделимы от выносящей решения власти, волевого решения творческого индивидуума.

Речь, скорее, идет об игре в кости, считают художники, броске как единственном правиле. Единичные моменты поставлены на кон. Вопросы и есть игральные кости (линии, пятна, поверхности). Метание, соединение планов – это императив (закон). Творческие композиции, идеи – проблематичные сочетания как результаты ходов. Игра случая разом утверждает случайность. Каждое дело случая всякий раз утверждает случай в целом. Повторение ходов уже не подчинено все той же устоявшейся гипотезе либо тождественности постоянно-го правила [6, 243].

Самое трудное, считают художники, – превратить случайность мазка краски, линии в объект утверждения. Но таков смысл императива (закона) и поставленных им вопросов. Идеи, творческие композиции вытекают из него подобно особенному, выделению чего-либо из той случайности, точки, которая раз за разом сводит всю случайность воедино. Современные художники считают, что здесь нет произвола детской игры. Произвол присутствует в случайности лишь постольку, поскольку он не утвержден, недостаточно утвержден. Он присутствует, поскольку размещен в пространстве и числе по правилам, созданным для его предотвращения. Когда случайность утверждена достаточно, художник уже не может проиграть, так как любая комбинация и приводящий к ней ход по своей природе адекватны месту и мобильному управлению точки случайности [6, 244].

Утверждение измеряется резонансом несоответствий, вытекающих из хода, в данных условиях ставящих задачу. В этом случае каждый ход, несмотря на свою частичность, действительно содержит всю случайность в целом, единовременно, хотя возникающая комбинация – объект постепенной детерминации (определяемости). Рискованная ситуация производит подсчет задач, детерминирует дифференциальные элементы или распределение единичных точек, составляющих структуру. Таким образом, формируется круговая связь правил с вытекающими из них задачами. Истинность задачи как таковой состоит в резонансе, проверяющем правила, хотя сама задача и возникает из императива (правила) [6, 244].

Каждое утверждение случайности отменяет произвол. Когда случайность утверждена, само расхождение становится объектом утверждения задачи. Прибавляющиеся идеальные тела, детерминирующие задачу, были бы подвластны произволу, если бы основное тело не резонировало, включая в себя все выразимые величины присоединенного.

Творческая композиция сама по себе является идеальным телом – идеальным телом присоединения. Творческая композиция – задача, возникающая из императива (закона). Она одновременно тем совершенней и целостней, чем постепеннее определяется задача в качестве таковой. Автора произведения, художника, правильно называть оператором идеи, творческой композиции.

Когда некоторые современные художники располагаются в точке алеаторики (случайности), этой «слепой точке», исходя из которой произведение вырастает как задача, творческое произведение, вызывая резонанс расходящихся рядов, они превращают произведение в обучение и эксперимент, и одновременно каждый раз в нечто целостное. Каждый случай утверждает вечно обновляемую случайность в целом.

Такова власть, решающая задачи изнутри, подобное творение, запуск. Императивы (законы) идут от бытия, любой вопрос онтологичен, выдает в творческой композиции то, что есть в данный момент. Законы в форме вопросов означают личное глубокое бессилие, но также и ту точку, о которой постоянно говорил Ж. Делез и, цитируя Мориса Бланшо, писал:

Иконников А. И.

ОБУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВУЗОВ:

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

«...исходную точку случайности, слепую, безглавую, немую, обозначающую невозможность мыслить, являющимся мышлением вырастающую в произведении в задачу, в точку, в которой «безвластие» оборачивается властью». Не отсылая к сознанию как предположению сознания, императивы (случайности) адресованы треснувшему Я как бессознательному в мышлении. В противоположность тому, что выдвинуто банальными предположениями сознания, мышление мыслит лишь исходя из бессознательного, и мыслит это бессознательное в трансцендентном применении. В мышлении первично похищение [6, 245].

Итак, при разработке курса по преподаванию творческой композиции в высшей школе важно учитывать, что процесс обучения творческой композиции в целом состоит в понимании задач как таковых, постижении и нагнетании особенностей, компоновке поверхностей и идеальных событий. Учиться творческой композиции – значит компоновать на холсте поверхности, линии с точками другого элемента, другой поверхности. Творческая композиция сама по себе является идеальным телом, телом присоединения. Творческая композиция одновременно тем совершенней и целостней, чем постепеннее определяется задача в качестве таковой. Автора произведения, художника, правильно называть оператором идеи творческой композиции.

На наш взгляд, если выстраивать образовательный процесс, который порождает ряд специфических закономерностей обучения студентов в вузе, с учетом этих особенностей, то можно достичь значительного совершенствования и оптимизировать подготовку педагогов художественного образования в высшей школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергсон, А. Избранное: Сознание и жизнь / А. Бергсон. – М.: РОССПЭН, 2010. – 399 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Академический Проект, 2008. – 767 с.
3. Грицанов, А. А. Жиль Делез / А. А. Грицанов. – Минск: Книжный Дом, 2008. – 320 с.
4. Дейхер, С. Пит Мондриан / С. Дейхер. – М.: Арт-Родник, 2007. – 95 с.
5. Делез, Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Ж. Делез. – М.: ПЕРСЭ, 2000. – 351 с.
6. Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. – 384 с.
7. Делез, Ж. Френсис Бэкон: Логика ощущения / Ж. Делез. – СПб.: Машина, 2011. – 176 с.
8. Делез, Ж. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. В 2 т. Т. 2 / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М.: Астрель, 2010. – 895 с.
9. Деррида, Ж. Диссеминация / Ж. Деррида. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 608 с.
10. Кандинский, В. В. Избранные труды по теории искусства. В 2 т. Т. 2 / В. В. Кандинский. – М.: Гилея, 2008. – 446 с.
11. Крымов, Н. Альбом / Н. Крымов. – М.: Советский художник, 1984. – 120 с.
12. Кэрролл, Л. Приключение Алисы в Стране Чудес / Л. Кэрролл. – М.: Эгмонт Россия Лтд., 2005. – 168 с.
13. Ницше, Ф. Воля к власти / Ф. Ницше. – Минск: Изд-во «Поппури», 1999. – 464 с.
14. Платон. Избранные диалоги / Платон. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 960 с.
15. Петрочук, О. К. Рисунки Ван Гога / О. К. Петрочук. – М.: Искусство, 1974. – 188 с.
16. Плотин. Эннеады / Плотин; пер. Т. Г. Сигааш. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010.
17. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж. П. Сартр. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2002. – 640 с.
18. Спиноза, Б. Сочинения / Б. Спиноза. – Калининград: Янтарный Сказ, 2005. – 432 с.
19. Сысоев, В. П. Александр Дейнека / В. П. Сысоев. – Л.: Аврора, 1971. – 110 с.
20. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
21. Хайдеггер, М. Введение в метафизику / М. Хайдеггер. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 301 с.
22. Хайдеггер, М. Гераклит / М. Хайдеггер, Е. Финк. – СПб.: Владимир Даль, 2010. – 383 с.
23. Хайдеггер, М. Что зовется мышлением / М. Хайдеггер. – М.: Академический проспект, 2007. – 351 с.
24. Duchting H. Paul Klee. Painting Music. Munich-Berlin-London-New York. Prestel. 2004. – 112 p.
25. Miro J. Snail Woman Flower Star. Prestel. Munich-Berlin-London-New York. 2008. – 239 p.

Нигай Е. А., Бойко Т. С., Разумовская М. И.
E. A. Nigai, T. S. Boiko, M. I. Razumovskaya

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, ОПОСРЕДУЮЩИХ ФОРМИРОВАНИЕ И УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ ИНДИВИДА И РАБОТОДАТЕЛЯ В НАЁМНОМ ТРУДЕ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FRAMEWORK FOR THE STUDY OF RELATIONSHIPS THAT MEDIATE THE PROCESSES OF BUILDING AND FULFILLING OF THE DEMAND FOR HIRED LABOUR

Нигай Евгения Антоновна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и рекламы Хабаровской государственной академии экономики и права (Россия, Хабаровск); 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134. E-mail: jenia_nigai@mail.ru.

Ms. Evgeniya A. Nigai – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Marketing and Advertisement, Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk); 134, Tikhookeanskaya street, 680042, Khabarovsk. E-mail: jenia_nigai@mail.ru

Бойко Татьяна Степановна – кандидат технических наук, доцент, декан факультета международных экономических отношений Хабаровской государственной академии экономики и права (Россия, Хабаровск); 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134. E-mail: tanbo60@mail.ru.

Ms. Tatiana S. Boiko – PhD in Engineering, Associate Professor, Dean of the School of International Economic Relations, Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk); 134, Tikhookeanskaya street, 680042, Khabarovsk. E-mail: tanbo60@mail.ru

Разумовская Марина Ивановна – доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе Хабаровской государственной академии экономики и права (Россия, Хабаровск); 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134. E-mail: razumno@ael.ru.

Ms. Marina I. Razumovskaya – Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Research, Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk); 134, Tikhookeanskaya street, 680042, Khabarovsk. E-mail: razumno@ael.ru.

Аннотация. В статье потребность в наёмном труде рассмотрена, во-первых, для условий рынка; во-вторых, применительно к системе отношений «индивид-работодатель»; в-третьих, в связи с категориями «нужда» и «спрос».

Summary. The paper considers the concept of “demand for hired labour” in three aspects: first, in accordance with market conditions; second, with regard for “worker - employer” relations; and, third, in relation to such categories as “need” and “demand”.

Ключевые слова: индивид, работодатель, потребность в наёмном труде, формирование потребности в наёмном труде, удовлетворение потребности в наёмном труде.

Key words: worker, employer, demand for hired labour, building demand for hired labour, fulfilling demand for hired labour.

УДК 331.5

Общепризнанно, что потребность в труде есть специфическая общественная потребность и её определяет исторический процесс общественного развития. В его ходе, по нашему мнению, важны два взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса. Первый из них – это формирование потребности в труде, а второй – удовлетворение потребности в труде через распределительный механизм (государственно-централизованный, планомерный, государ-

ту он предложит. Каков микроклимат в трудовом коллективе и какова формируемая в нём система ценностей. В свою очередь, работодатель не всегда осведомлен об индивидууме – претенденте на рабочее место, а именно, о способностях и интересах; об отношении к работе и предыдущем опыте; о долгосрочных планах и многих личных качествах.

Большинство исследователей согласно с тем, что в системе отношений «индивид – работодатель» именно трудовая услуга выступает непосредственным предметом сделки и формой объективации трудовой деятельности в сфере обращения, то есть там, где и реализуются отношения обмена. Тем не менее, принимая этот факт во внимание, некоторые авторы приходят к необоснованному выводу о том, что потребность в наёмном труде детерминруется планами, которые возникают у каждой стороны. По нашему мнению, такое понимание приводит к подмене отношений формирования потребности в наёмном труде отношениями удовлетворения таковой.

Логика их суждений выстраивается в следующей последовательности «план – труд – продукт труда (блага)». При этом оценку величины потребности исследователи получают путём изучения спроса и предложения рабочей силы на рынке труда, что нельзя считать адекватным. Подчёркнём, спрос и предложение возникают в связи с отношениями обмена между двумя основными субъектами рынка труда – индивидом и работодателем. То есть тогда, когда индивид на определённое время предлагает свои способности к труду, а работодатель – рабочее место. Значит, отношения обмена, которые опосредованы отношениями найма в форме трудового договора (контракта) и отношениями собственности на факторы производства, позволяют удовлетворить потребность в наёмном труде.

Между тем потребность в наёмном труде предстаёт как нужда субъектов системы отношений «индивид-работодатель» в том, чтобы иметь всё необходимое для жизнедеятельности. Полагаем, для работодателя текущая потребность – это нужда в том, чтобы располагать трудовым потенциалом, который способен приумножать экономические активы хозяйственной деятельности (материальный и интеллектуальный капитал). Тогда как перспективная потребность работодателя – это нужда в том, чтобы воспроизводить трудовой потенциал, способный приумножать экономические активы хозяйственной деятельности (материальный и интеллектуальный капитал). В свою очередь, для индивида текущая потребность – это нужда в том, чтобы обменять индивидуальную способность к труду на соответствующее ему вознаграждение, а перспективная – это нужда в том, чтобы воспроизводить индивидуальную способность к труду за вознаграждение, удовлетворяющее желаемому уровню качества жизни.

Исходя из того, что потребность проявляется как объективное соотношение между необходимым и тем, что имеется в наличии, она формирует активное внутреннее желание субъектов потребности обладать привлекательным и нужным или устранять нежелательное. Она побуждает их к соответствующим действиям в связи с влиянием внешних и внутренних раздражителей. Потребности при этом трансформируются в материальные интересы, которые социальны по своей природе и в процессе актуализации программы жизнедеятельности преобразуются в цели и планы. Безусловно, при этом могут возникать противоречия между индивидом и работодателем. А обусловлены они тем, что потребность связана с осознанием нужды (см. табл. 1).

Нужда понимается как что-то необходимое и желанное, а не исключительно как дефицит чего-то. Нужда работодателя, по нашему мнению, предстаёт как необходимость в том, чтобы обеспечить взаимосвязь производительных сил и экономических отношений и их взаимопроникновение на основе института рынка. Тогда как нужда индивида – это желание адаптироваться к меняющимся условиям жизни, в том числе проявив свои способности к труду через общественную связь с другими. Сказанное выше означает, что потребность в наёмном труде начинает более длинную цепь логического анализа. Выглядит она следующим образом: «нужда – потребность – интересы – цели – план – труд – продукт труда (блага)».

Таблица 1

Основные категории, конструирующие отношения найма на рынке труда

Основной субъект отношений – работодатель		Основные категории		Основной субъект отношений – индивид	
Необходимость обеспечить взаимосвязь производительных сил и экономических отношений и их взаимопроникновение на основе института рынка		Нужда		Желание адаптироваться к меняющимся условиям жизни, проявив свои способности к труду через общественную связь с другими индивидами	
Нужда в том, чтобы располагать трудовым потенциалом, способным приумножать экономические активы хозяйственной деятельности (материальный и интеллектуальный капитал)		Текущая	Потребность	Текущая	Нужда в том, чтобы обменять индивидуальную способность к труду на соответствующее ему вознаграждение
Нужда в том, чтобы воспроизводить трудовой потенциал, способный приумножать экономические активы хозяйственной деятельности (материальный и интеллектуальный капитал)		Перспективная		Перспективная	Нужда в том, чтобы воспроизводить индивидуальную способность к труду за вознаграждение, удовлетворяющее желаемому уровню качества жизни
Продуктивное использование труда при соответствующем его качеству вознаграждении				Удовлетворённый	
Потребность в заполнении вакансий рабочих мест при известных условиях найма рабочей силы, рассматриваемой как совокупность физических и духовных способностей человека				Текущий	
Соответствие условий работы и условий занятости работников				Удовлетворённый	
Потребность в подготовке рабочей силы, производительная способность которой в процессах создания экономических благ основана на человеческих способностях, знаниях и дарованиях				Перспективный	
		Спрос		Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
				Текущий	
				Удовлетворённый	
				Перспективный	
				Удовлетворённый	
</					

Таким образом, потребность в наёмном труде – это субъективный процесс отражения в сознании нужды. В нём присутствует стадия возникновения сигнала о необходимости её удовлетворения и стадия понимания её причины. Нужду характеризует модальность (в чём именно возникает нужда?), сила (степень выраженности внутреннего желания), острота (субъективная оценка дефицита чего-то). Признавая наличие субъективной стороны в отношениях «работодатель – индивид», необходимо обратить внимание и на факторы, обуславливающие формирование потребности в наёмном труде, которые изучены не достаточно.

Для исследования состава факторов формирования потребности в наёмном труде названных выше двух уровней её декомпозиции – организация и индивид – недостаточно. Нужен ещё один уровень рассмотрения – региональный. Основным интерес региона, рассматриваемого в качестве субъекта Российской Федерации, связан с размещением населения и производства, то есть созданием условий для эффективного развития конкурентоспособных секторов в составе его хозяйства. Лишь на этой основе можно удовлетворить нужду региона в обеспечении стабильного развития его экономической системы в рамках международного и всероссийского разделения труда, а также формировании комфортных стандартов жизни населения.

При выборе состава факторов, обуславливающих формирование организаций в наёмном труде, во внимание были приняты две группы интересов — экономические и социальные. Действительно, они присутствуют на всех трёх уровнях формирования потребности в наёмном труде. Анализ литературных источников позволил составить список из тридцати наиболее часто упоминаемых факторов. Для выбора наиболее значимых был применён метод, основывающийся на мнении квалифицированных специалистов в исследуемой области – экспертов. Ими стали преподаватели и научные работники высших учебных заведений экономического профиля, которые расположены в восточной, средней и западной части России. Решение задачи ранжирования факторов позволило выбрать девять наиболее существенных: экономические факторы регионального развития; демографические факторы регионального развития; социальные факторы регионального развития; технико-технологические факторы развития хозяйственной деятельности; организационно-управленческие факторы развития хозяйственной деятельности; влияние на хозяйственную деятельность конкурентного окружения; трудовые качества индивида; уровень образования индивида; склонность индивида к расширению сферы профессиональной деятельности. Все они были упорядочены путём применения графического метода статистических группировок.

В итоге выявлены три группы факторов, обладающих наиболее сильными внутренними связями. Первая из них интерпретирована как условия общерегионального развития (экономические, демографические и социальные). Вторая группа – это факторы, определяющие условия развития организацией хозяйственной деятельности (технико-технологические и организационно-управленческие). Третья группа характеризует трудовые компетенции индивида (трудовые качества, уровень образования, склонность к расширению сферы профессиональной деятельности).

Внутренняя связь была установлена исключительно между первой и второй группами. Это означает, что ожидания работодателя в большей мере связаны с региональными возможностями размещения производства, а не с характеристиками трудового потенциала и отдельного индивида. Отсутствие связи третьей группы факторов с двумя другими стало доказательством того, что на этапе формирования потребности в наёмном труде работодатель и индивид существуют в «параллельных» мирах. Их текущая или перспективная потребность предстаёт всякий раз как осознанная необходимость иметь желаемое – «должно иметь в своём распоряжении». В дальнейшем на рынок труда каждый идёт своей дорогой, имея при этом свой собственный спрос, то есть способность платить за желаемое – «заплатчу при наличии соответствующего предложения».

Кудрякова Н. В., Олиферова О. С.
ИНВЕСТИЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ
КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ОТТОКА НАСЕЛЕНИЯ

Кудрякова Н. В., Олиферова О. С.
N. V. Kudryakova, O. S. Olinerova

ИНВЕСТИЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ОТТОКА НАСЕЛЕНИЯ

INVESTMENT IN PROFESSIONAL TRAINING AS A FACTOR OF DECREASE OF POPULATION MIGRATION OUTFLOW

Кудрякова Надежда Валерьевна – доцент кафедры «Экономическая теория» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681017, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Гагарина, д. 19, кв. 45; 8(4217)-55-41-97. E-mail: kudryakova_08@mail.ru.

Ms. Nadezhda V. Kudryakova – Associate Professor, Department of economics of Komsomolsk-on-Amur state technical university (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681017 Komsomolsk-on-Amur, 19 Gagasrina St., flat 45; 8-4217-55-41-97. E-mail: kudryakova_08@mail.ru

Олиферова Ольга Сергеевна – старший преподаватель кафедры экономической теории Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8 (4217)24-12-08. E-mail: bucja@mail.ru.

Ms. Olga S. Olinerova – Senior Lecturer at the Department of Theory of Economics, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin prospectus, 27; 8 (4217)241208. E-mail: bucja@mail.ru

Аннотация. Процесс сокращения численности населения, характерный для развития России в течение последних двух десятилетий, наиболее динамично протекает в Дальневосточном федеральном округе. Подобное развитие демографических процессов на данной территории делает актуальным следующее положение: сокращение количества трудовых ресурсов возможно компенсировать повышением их качества. Поэтому особый акцент сделан на роль хозяйствующих субъектов (организаций) в процессе подготовки квалифицированных кадров в системе высшего профессионального образования. В статье предложен обобщенный алгоритм проектирования программы повышения кадрового потенциала организаций, а также рассматривается эффективность предложенной методики на примере крупного машиностроительного предприятия Дальнего Востока.

Summary. The process of population cutback, which is considered to be typical for the development of Russia for the last two decades, is more dynamically running in the Far Eastern Federal District. Due to such development of demographic processes on the territory under question, the following issue is becoming urgent: the reduction of labour resources can be compensated by the increase in their quality. Therefore a special emphasis is made on the role of business enterprises (organizations) in the process of qualified specialist training in the area of Higher Professional Education. This paper presents a generalized algorithm to design a program aimed at improving personnel's capacity of an organization. Moreover, it analyses the effectiveness of the suggested procedure used in one of the largest mechanical engineering companies in the Far East.

Ключевые слова: миграционный и демографический процессы на Дальнем Востоке, профессиональная подготовка, кадровый потенциал, инвестиции в профессиональную подготовку.

Key words: processes of migration and demography in the Far East, professional training, personnel capacity, investments in professional training.

УДК 331(571.6)

Современный этап развития национальной и мировой экономик ставит перед дальневосточными территориями задачи, от решения которых будет зависеть будущий образ и статус Дальнего Востока (ДВ). Стратегические планы и концепции развития ДВ, его регионов и населенных пунктов содержат различные сценарии данного процесса, анализ которых позво-

ляет выделить два принципиально разных варианта экономического развития этих территорий в будущем:

- 1) Дальний Восток как сырьевой придаток (источник разнообразных природных ресурсов) для мировой экономики в целом и России в частности;
- 2) Дальний Восток как территория, где эффективно функционируют различные отрасли и сферы экономики (добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, строительство, транспорт и т.п.).

Первый вариант развития событий не требует наличия на данной территории ядра постоянного населения, так как освоение природных богатств возможно осуществлять вахтовым методом, что является менее затратным способом пребывания трудовых ресурсов на Дальнем Востоке.

Второй вариант предполагает, что на дальневосточных территориях будет сохранен важнейший, с экономической и геостратегической точек зрения, ресурс – население. При этом в свете демографических особенностей развития России в целом и Дальнего Востока в частности необходимо учитывать не только количественные, но и качественные характеристики данного экономического ресурса. Качество трудовых ресурсов определяется уровнем развития образования и науки, что, в свою очередь, зависит не только от политики государства, но и от поведения предпринимательского сектора в вопросе кадрового обеспечения своей деятельности.

Анализ миграционных и демографических процессов в РФ, Дальневосточном федеральном округе и Хабаровском крае позволяет обозначить основные тенденции в динамике численности населения в течение последних двух десятилетий.

Так, если в целом по РФ численность населения за период с 1990 по 2010 гг. сократилась на 3,61 %, то Дальневосточный федеральный округ (ДФО) потерял за тот же временной отрезок 22,07 % населения, а Хабаровский край – 17,06 %. При этом ДФО по численности и плотности населения традиционно занимает последнее место среди федеральных округов Российской Федерации.

Изменения в численности населения происходят за счет действия двух основных групп факторов: естественного и миграционного движения населения. При этом в целом в Российской Федерации векторы естественного и миграционного движений направлены в разные стороны: естественная убыль и незначительный миграционный прирост. В ДФО и Хабаровском крае одна тенденция (естественная убыль) усиливается другой (миграционный отток населения) (см. рис. 1 – 2). Так, за исследуемый период численность населения Дальнего Востока сократилась почти на 1780 тыс. человек, в том числе 225,5 тыс. чел. (12,7 %) – естественная убыль населения и 1 554,5 (87,3 %) – миграционный отток [3].

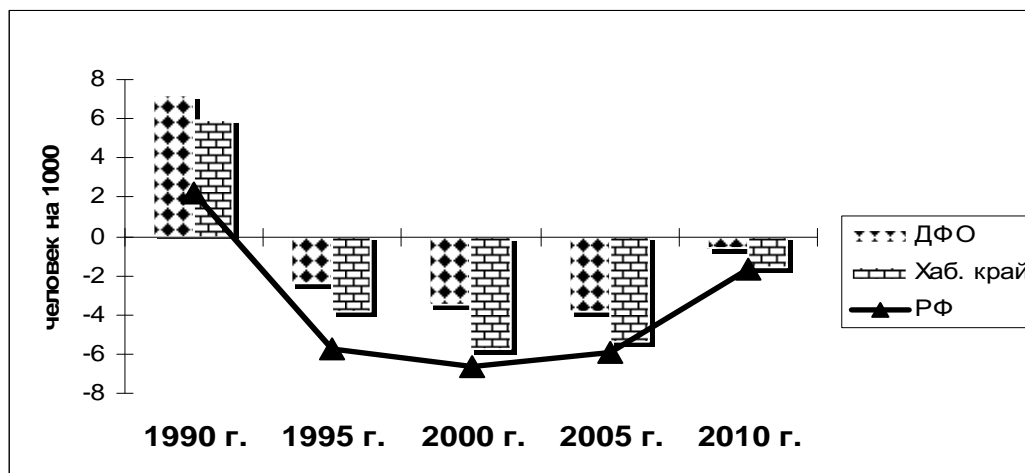

Рис. 1. Динамика коэффициента естественного прироста (убыли) населения (на 1000 человек)

Исходя из сказанного выше, становится очевидно, что для Дальнего Востока определяющим фактором снижения численности населения является именно *миграционный отток*,

несмотря на то, что его интенсивность в последнее десятилетие существенно ниже, чем в 90-е гг. XX в. (см. рис. 2). Однако данная динамика миграционного процесса не является свидетельством положительных изменений в социально-экономической ситуации региона, а объясняется тем, что «... основная масса желающих покинуть Дальний Восток уже выехала» [3].

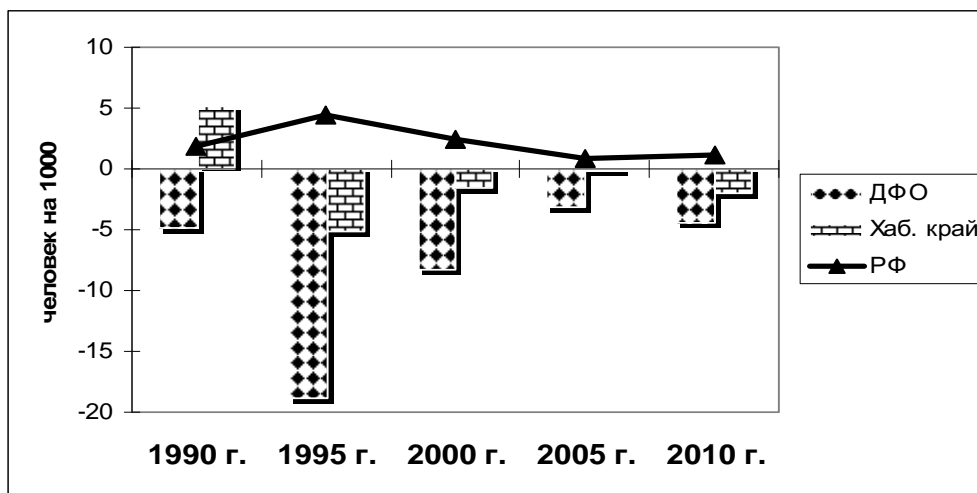

Рис. 2. Динамика коэффициента миграционного прироста (убыли) населения (на 1000 человек)

К факторам, отрицательно воздействующим на численность населения дальневосточных территорий, с точки зрения миграционных процессов, относят:

1) ухудшение качества жизни дальневосточников (отставание реальных денежных доходов от среднероссийских показателей, низкая доступность жилья, неудовлетворенность образованием и здравоохранением, наличие острых экологических проблем) [1, 178];

2) сокращение и неустойчивое функционирование сфер деятельности, являющихся основой эффективной занятости населения;

3) слабую кадровую политику организаций: недостаточное участие последних в процессах профессиональной подготовки будущих специалистов (на уровнях «заказчик», «инвестор») и т.п.

Решение задачи сохранения и закрепления населения на Дальнем Востоке может иметь только комплексный характер и включать в себя мероприятия, затрагивающие все сферы жизнедеятельности дальневосточников. Приоритет в разработке и реализации подобного комплекса мероприятий принадлежит органам государственной власти федерального и регионального уровней, однако достаточно активно участвовать в решении поставленной выше задачи могут и микроэкономические хозяйствующие субъекты – организации.

При этом нам хотелось бы особо выделить следующее положение: на Дальнем Востоке необходимо создавать и развивать те сферы деятельности, которые будут выступать в роли «поглотителей» квалифицированных и высококвалифицированных трудовых ресурсов, так как это способствует формированию оптимальной половозрастной структуры населения, повышению его культурного уровня и т.п. Подготовка таких специалистов напрямую зависит от развития различных уровней системы образования, в первую очередь, – от состояния и применяемых образовательных технологий в сфере высшего профессионального образования. С другой стороны, сами организации сегодня не просто могут, а должны стать (в свете демографических особенностей развития региона) активными субъектами образовательного процесса: формировать заказ на необходимых им специалистов и оплачивать услуги по подготовке кадров, т.е. выступать в роли инвестора.

Таким образом, перед образовательной системой стоит задача воспитания специалиста, способного не столько адаптироваться к условиям внешней среды, сколько ориентированного на изменение этих условий. Это, в первую очередь, относится к сегментам экономики, отличающимся наибольшей восприимчивостью к инновациям, то есть к наукоемким отраслям. Актуальными становятся умение генерировать решения в условиях высокой неопре-

деленности, не опираясь на аналоги и прошлый опыт, знание приемов творческой работы, навыки ведения дискуссии, понимание психологических и социальных процессов, владение собой в стрессовой ситуации. Всё это составляет профессиональную компетентность специалиста, являющуюся составной частью его человеческого капитала. Выделение фактора человеческого капитала как главной ценности компании предусматривает необходимость эволюционного изменения приоритетов финансовой политики организации.

Таблица 1

Показатели эффективности инвестиций в профессиональную подготовку

Год работы	Должность	Рост производительности труда, %	Снижение материальных затрат, %	PI
1	Инженер-технолог	104	0,1	3,5
2				1,4
3				7,5
4	Производственный мастер	104	0,1	5,1
5				5,9
6				5,6
7				0,95
8				5,4
9	Начальник бюро	101	0,04	4,1
10				15,5
11				16,3
12				15,5
13	Заместитель начальника цеха	101	0,04	0
14				5,6
15				16,7
16				5,6

На основе анализа деятельности ряда предприятий Дальнего Востока, крупнейшим из которых является ОАО «Комсомольское-на-Амуре авиационное производственное объединение» (ОАО «КнААПО»), можно выделить несколько этапов развития организации, отличающихся разными подходами руководства к проблеме профессиональной подготовки и к человеческому капиталу в целом, а именно:

- инвестиции в человеческий капитал организации как вынужденная мера;
- инвестиции в человеческий капитал как составная часть политики;
- инвестиции в человеческий капитал как основной фактор развития;
- инвестиции в человеческий капитал как условие существования самой организации.

Это предполагает необходимость использования организацией в своей деятельности методики оценки экономической эффективности инвестиций в профессиональную подготовку специалистов. Одним из элементов данной методики является алгоритм проектирования программы повышения кадрового потенциала организации. Данный алгоритм предполагает выполнение следующих процедур:

- 1) На основе анализа заказа на специалиста строится модель профессиональной деятельности (анализ осуществляется совместно с представителями заказчика).
- 2) Совместно с руководством предприятия проводится согласование перечня и содержания компетенций специалистов, построение иерархии компетенций, которые являются значимыми, определяются весовые коэффициенты.
- 3) Составляется описание «идеального варианта» каждой из компетенций и утверждается шкала количественного измерения.
- 4) Проводится тестирование учебной группы на предмет определения уровня компетентности до начала обучения.

Кудрякова Н. В., Олиферова О. С.

**ИНВЕСТИЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ
КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ОТТОКА НАСЕЛЕНИЯ**

5) Выстраивается модель профессиональной подготовки, выявляется ее приоритетная цель как ожидаемый результат. На этой основе проектируется образовательная технология, направленная на формирование профессиональной компетентности специалистов.

6) Определяется величина необходимых инвестиций для достижения запланированного уровня компетентности.

7) Проводятся занятия, в процессе которых происходит обучение в соответствии с требованиями работодателя.

8) По итогам занятий проводится повторное тестирование с целью определения прироста кадрового потенциала обученных специалистов и выявления эффективности учебной программы.

9) Ежемесячно в течение полугода фиксируются основные показатели производительности обученного специалиста с целью выявления экономической эффективности инвестиций в профессиональную подготовку.

Расчет экономической эффективности инвестиций в профессиональную подготовку на крупном машиностроительном предприятии основан на нормируемых затратах и средне-статистических показателях прироста производительности труда и результативности, обусловленных повышением квалификации специалистов различного ранга. Эффективность использования полученных в процессе обучения профессиональных качеств специалиста предлагается оценивать показателем PROFITABILITY INDEX (индекс выгодности PI).

Так, карьерная лестница инженера-технолога до начальника цеха в среднем составляет 16 лет, в течение которых потенциальный руководитель проходит разные виды обучения с отрывом и без отрыва от производства (см. табл. 1) [2, 91-100].

Анализ полученных значений PI, соответствующих различным этапам и видам обучения, показал, что:

- на начальном этапе внедрения разработанной методики интеграции организации и учебного заведения эффективность инвестиций в профессиональную подготовку носит положительный, но трудно прогнозируемый характер, это связано, в первую очередь, с тем, на каком этапе инновационного развития находится предприятие и каков базовый уровень профессиональной подготовки специалистов;

- уровень экономической эффективности инвестиций в профессиональную подготовку определяется занимаемой должностью специалиста, количеством подчиненных ему сотрудников, задействованных им материальных активов предприятия и условиями для инновационного развития на предприятии;

- дальнейшее прогнозирование изменения эффективности инвестиций может быть проведено при условии сбора и обработки соответствующей информации на всех этапах жизненного цикла продукции.

Таким образом, в условиях современного состояния экономики при переходе предприятия на инновационный путь развития экономически целесообразно становится инвестировать в первую очередь в профессиональную подготовку персонала предприятий. Наибольшую отдачу инвестиции дают на первых шагах роста профессионализма специалистов, что и продемонстрировано вышеприведенными расчетами. Последующие этапы профессионального обучения могут иметь плавно убывающий характер показателей экономической эффективности.

Предлагаемый вариант программы повышения кадрового потенциала позволит получить положительный результат не только отдельным организациям, но и может способствовать сохранению и закреплению населения на территории Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заусаев, В. К. Генеральная цель «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.»: концепция или декларация? / В. К. Заусаев // ЭКО. – 2011. – № 6. – С. 178-184.
2. Кудрякова, Н. В. Оценка экономической эффективности в систему профессионального образования / Н. В. Кудрякова, Б. В. Смирнов. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2010. – 143 с.
3. Мотрич, Е. Л. Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России / Е. Л. Мотрич // URL: http://www.dvforum.ru/doklads/s5_Motrich.pdf.

Яковлева Т. А.
T. A. Yakovleva

**УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМ ПРОЦЕССОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
КОРРЕЛЯЦИОННО-РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА**

**MANAGEMENT OF MIGRATORY PROCESSES USING CORRELATION REGRESSION
ANALYSIS**

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Экономическая теория» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kaf_et@knastu.ru.

Ms. Tatyana A. Yakovleva – PhD in Economics, Associate Professor, Head of Department of Economic Theory, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kaf_et@knastu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены возможности корреляционно-регрессионного анализа для исследования и регулирования экономических процессов на уровне Хабаровского края. С этой целью установлена взаимосвязь результативного показателя «Миграционное сальдо» и шести факторных показателей, воздействуя на которые можно достичь желаемого миграционного движения населения.

Summary. The paper considers opportunities given by correlation-regression analysis for the study and regulation of economic processes in the Khabarovsk Region, Russia. To this end, we establish interrelation between the "migration balance" effective index and the six factor indicators that can be affecting the migratory movement to achieve the desired population.

Ключевые слова: экономическая система, миграционное сальдо, корреляционно-регрессионный анализ, факторный показатель, взаимосвязь.

Key words economic system, migratory balance, correlation-regression analysis, factor indicator, interrelation.

УДК 314.7:517

Устойчивое развитие региона как экономической системы подразумевает сохранение условий для сбалансированного воспроизводства всех составляющих его потенциала – природных ресурсов, трудоспособного населения, производственных фондов и т.д. Нарушение оптимального соотношения между ними приводит к снижению эффективности функционирования социально-экономического комплекса региона и замедлению темпов его развития.

Недопущение или устранение возникшего дисбаланса требует корректирующих действий со стороны государства в рамках соответствующей политики. Регулировать миграционное поведение населения можно, используя весь комплекс административных, правовых и экономических рычагов управления. В российском, как и в любом, государстве эта функция находится исключительно в ведении Федерального правительства, а реализуется на уровне субъектов РФ путем воздействия на социально-экономическую ситуацию в регионе и его миграционную привлекательность.

В течение 2000-2010 гг. для России в целом характерен миграционный прирост на уровне 1,7 человек в год в расчете на 1000 человек населения за исключением 2001 г., когда показатель достигает значения в 4,5 (см. рис. 1). За этот период времени для Хабаровского края среднегодовое значение относительного миграционного прироста составляет «-0,45», а для Комсомольска-на-Амуре – «-2,81», то есть наблюдается миграционная убыль вследствие оттока населения.

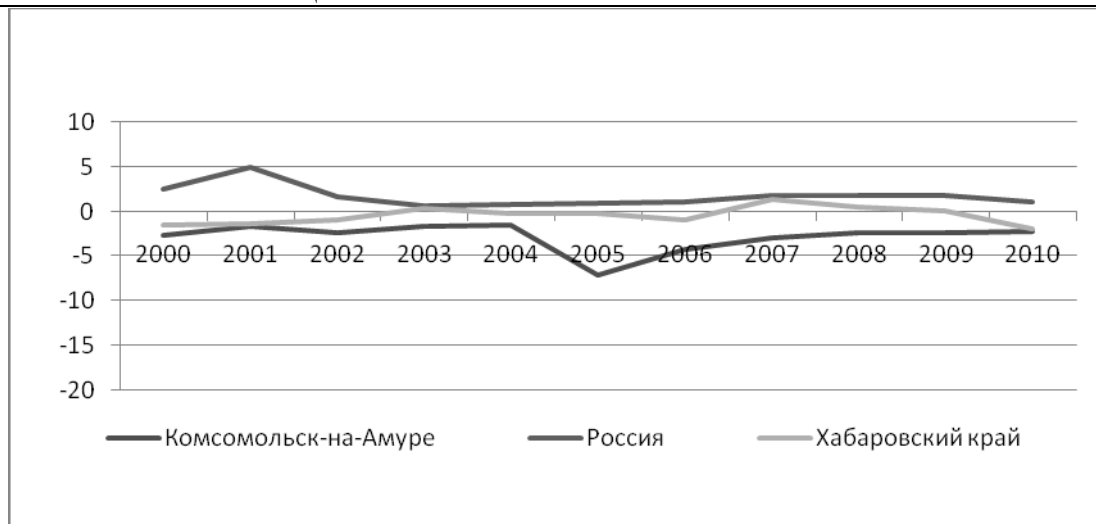

Рис. 1. Динамика миграционного прироста (убыли) на 1000 человек населения

Таким образом, Хабаровский край в целом и его населенные пункты находятся в ситуации, когда численность населения превратилась в сдерживающий фактор социально-экономического и стратегического развития. Требуется активная миграционная политика со стороны Правительства края с целью закрепления населения, в первую очередь трудоспособного, на его территории.

Для того чтобы квалифицировать миграционные процессы как объект управления, разработать и принять соответствующие решения в рамках миграционной политики, необходимо определить основные факторы и побудительные причины миграции населения.

Несмотря на разнообразие подходов к классификации факторов миграции населения, в контексте статьи наиболее значимыми являются те, которые проведены с целью определения возможностей регулирования их влияния на миграционные процессы, а именно – управляемые (факторы-регуляторы) и неуправляемые (факторы-условия). Выделяют и третью группу факторов – не управляемых, но косвенно регулируемых [1]. На основе названного критерия и посылок О.Д. Воробьевой укрупненную классификацию факторов миграции населения можно представить в виде схемы (см. рис. 2).

Рис. 2. Классификация факторов миграции

Очевидно, что основное внимание при разработке миграционной политики должно быть сосредоточено на косвенно регулируемых факторах. При этом по возможности необходимо учитывать и факторы двух других групп.

Так, важным фактором, оказывающим непосредственное воздействие на принятие решения о миграции, являются совокупные преимущества в условиях жизни в регионе вселения по сравнению с регионом выезда. Понятие «условия жизни» объединяет всю окружающую человека среду – экономическую, природную, социальную и т.д. Кроме того, миграция зависит от сложившегося у определенной группы населения жизненного стандарта, или представления о том, что является нормой, и какие отклонения от нормы являются преимуществами по сравнению с существующими условиями жизни. На формирование жизненного стандарта накладывают отпечаток культура, традиции, восприимчивость к их изменениям.

Среди множества факторов миграции особое значение имеют экономические факторы. Конкретизируя перечень таких факторов, В.И. Переведенцев пишет: «Под экономическими факторами территориального перераспределения населения мы понимаем территориальные различия в условиях занятости, уровнях заработной платы и доходов, жилищной обеспеченности, уровнях бытового обслуживания и т.д.» [2]. Все остальные факторы, по мнению автора, являются вторичными по отношению к экономическим.

Исходя из обозначенных посылок, стартовый набор факторов и соответствующих статистических показателей, оказывающих влияние на значение миграционного сальдо как результативного показателя, определен в следующем составе:

- 1) уровень безработицы – доля безработных граждан в экономически активном населении края (УБ);
- 2) покупательная способность денежных доходов – номинальные денежные доходы населения края, приходящиеся в среднем на одного человека и скорректированные на прожиточный минимум соответствующего периода (ПСДД);
- 3) обеспеченность жильем – общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя края в квадратных метрах (ОЖ);
- 4) уровень преступности – число зарегистрированных преступлений на 1000 человек населения края (УП);
- 5) обеспеченность учреждениями культурно-досугового типа – число клубов, дворцов и домов культуры, центров технического творчества и других досуговых учреждений, ориентированных на культурные интересы определенных социально-демографических групп населения в расчете на 100 тыс. человек населения края (ОКД);

б) просроченная задолженность по заработной плате работникам организаций края (ПЗП).

Установить степень зависимости между каждым из отобранных факторов и показателем «Миграционное сальдо», непосредственно отражающего динамику населения Хабаровского края, можно с помощью корреляционно-регрессионного анализа, который позволяет на основе наблюдений выявить скрытые зависимости и выразить их в виде формулы.

Корреляционный анализ позволяет количественно оценить тесноту и направления взаимосвязи между результативным и каждым факторным показателем. Тесноту связей, которые могут иметь различную силу (сильные, слабые и умеренные), измеряют с помощью коэффициента корреляции.

Под направлением связи понимают тип аналитической формулы, выражающей зависимость результативного показателя от изменений факторных показателей. Различают связь прямую, когда с ростом (снижением) значений факторного показателя наблюдается тенденция к росту (снижению) значений результативного показателя. В противном случае существующая связь является обратной.

Если связи окажутся существенными, то целесообразно будет найти их математическое выражение в виде регрессионной функции и оценить ее статистическую значимость. В экономике значимое уравнение используется, как правило, для прогнозирования изучаемого показателя.

Яковлева Т. А.

УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМ ПРОЦЕССОМ

С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОРРЕЛЯЦИОННО-РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА

Процесс проведения корреляционно-регрессионного анализа можно разделить на несколько последовательных этапов:

- 1) построение матрицы парных коэффициентов корреляции для определения факторов, которые будут включены в уравнение регрессии;
- 2) выявление мультиколлинеарных факторов и их отсева;
- 3) построение уравнения регрессии.

Для получения надежных оценок число факторов в модели не должно превышать одной трети от числа наблюдений. В нашем случае анализируются статистические данные за период с 2000 по 2010 гг., то есть за 11 лет, поэтому в уравнении используется не больше 4-х факторов. Для отсева части факторов составлена матрица парных коэффициентов корреляции, измеряющих тесноту связи каждого из факторов с прогнозируемым показателем и между собой (см. табл. 1).

Таблица 1

Матрица парных коэффициентов корреляции для показателя
«Миграционное сальдо» для Хабаровского края

	МС	УБ	ПСДД	ОЖ	УП	ОКД	ПЗП
МС	1						
УБ	-0,0501	1					
ПСДД	0,450607	0,238696	1				
ОЖ	0,124219	0,21569	0,846618	1			
УП	0,502335	0,137024	0,364717	-0,063	1		
ОКД	0,277425	-0,26549	-0,45726	-0,78309	0,41961	1	
ПЗП	-0,31105	-0,34909	-0,94507	-0,82744	-0,38526	0,406968	1

Если факторы между собой коррелируют, то в модель включается фактор, связь которого с целевым показателем наиболее сильная. На основе полученных коэффициентов можно сделать вывод о том, что между собой коррелируют следующие факторы:

- ПСДД и ОЖ – коэффициент корреляции между ними составляет 0,84, при этом более сильное влияние имеет фактор ПСДД (0,45);
- ПСДД и ПЗП – коэффициент корреляции между ними составляет -0,94, при этом более сильное влияние имеет фактор ПСДД (0,45);
- ОЖ и ОКД – коэффициент корреляции между ними составляет 0,78, при этом более сильное влияние имеет фактор ОКД (0,27).

С учетом вышесказанного уравнение регрессии для показателя «Миграционное сальдо» по Хабаровскому краю будет иметь следующий вид:

$$МС = -237,53УБ + 2967,98 ПСДД - 0,05 УП + 590,08 ОКД - 19647,9.$$

Аналогичные расчеты выполнены для г. Комсомольск-на-Амуре.

Между собой коррелируют факторы (см. табл. 2):

- УП и ОКД – коэффициент корреляции между ними составляет -0,75, из двух факторов оставим ОКД;
- ПСДД и ПЗП – коэффициент корреляции между ними составляет 0,65, при этом более сильное влияние имеет фактор ПСДД (-0,36);
- ОЖ и ОКД – коэффициент корреляции между ними составляет -0,9, при этом более сильное влияние имеет фактор ОКД (-0,24).

Уравнение регрессии для показателя МС по Комсомольску-на-Амуре имеет вид:

$$МС = -367,826 \cdot УБ - 0,00341 \cdot ПСДД - 25,4721 \cdot ОКД + 1202,65.$$

Коэффициенты регрессии показывают направление и интенсивность влияния факторов на показатель «Миграционное сальдо», а именно среднее изменение результативного показателя в его единицах измерения, если значения факторного показателя отклоняются от среднего на единицу.

Матрица парных коэффициентов корреляции для показателя «Миграционное сальдо» для г. Комсомольск-на-Амуре

	МС	УБ	ПСДД	ОЖ	УП	ОКД	ПЗП
МС	1						
УБ	-0,21566	1					
ПСДД	-0,36625	0,062769	1				
ОЖ	0,130792	0,207346	-0,49347	1			
УП	0,379342	-0,16844	-0,32381	0,565461	1		
ОКД	-0,2427	-0,14512	0,518707	-0,90092	-0,75192	1	
ПЗП	-0,19253	-0,04982	0,659079	-0,71448	-0,29518	0,686201	1

Анализ степени влияния выделенных факторов на показатель «МС» показывает, что наибольшее и стабильное влияние на последний оказывает уровень безработицы (УБ). Далее по значимости находятся покупательная способность денежных доходов населения (ПСДД) и обеспеченность учреждениями культурно-досугового типа (ОКД). Причем эти факторы частично оказывают косвенное влияние на остальные из рассматриваемых факторов. Наименьшее влияние на исследуемый показатель оказывает обеспеченность жильем (ОЖ). Графический вариант взаимосвязи анализируемых факторов и показателя «Миграционное сальдо» для Хабаровского края и г. Комсомольска-на-Амуре представлен на рис. 3.

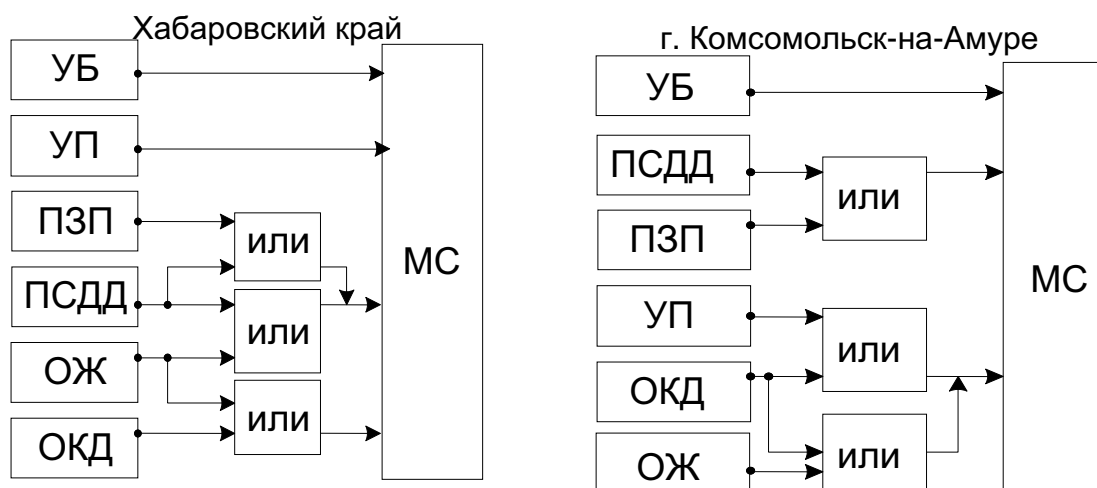

Рис. 3. Взаимосвязь факторов и показателя «Миграционное сальдо»

Экономико-аналитические достоинства регрессионных моделей заключаются в возможности определить факторы и степень воздействия на них с целью достижения желаемого значения результивного показателя. На практике это позволит не только определить направления государственной миграционной политики правительства Хабаровского края, но и сделать оценочный прогноз движения бюджетных средств на эти цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева, О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики / О. Д. Воробьева // Социум. – 2006. – № 9.
2. Переведенцев, В. И. Методы изучения миграции населения / В. И. Переведенцев. – М.: Изд-во Наука, 1975. – 231 с.
3. Хабаровский край: Стат. ежегодник / Хабаровскстат. – Хабаровск, 2010. – 314 с.

Королёва О. В.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРУКТУР ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ТИПА
НА ОСНОВЕ ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

Королёва О. В.

O. V. Koroleva

**АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРУКТУР
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ТИПА НА ОСНОВЕ
ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА**

**EFFICIENCY EVALUATION OF BUSINESS ENTITIES ON THE BASIS
OF THE PROCESS-ORIENTED APPROACH**

Королёва Ольга Вячеславовна – аспирант кафедры «Маркетинг и коммерция» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Пионерская, д. 29, кв. 21; 8(962)-2880048. E-mail: o_koroleva_5@mail.ru

Ms. Olga V. Koroleva – PhD Candidate, Department of Marketing and Commerce, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681000, Komsomolsk-on-Amur, 29 Pioneer Str., apt. 21; phone: 8(962)-2880048. E-mail: o_koroleva_5@mail.ru.

Аннотация. В статье предложена модель процессно-ориентированного подхода к описанию деятельности структуры предпринимательского типа. Уточнено определение предпринимательской структуры. Проанализированы концепции оценки эффективности деятельности структур предпринимательского типа. Обоснована целесообразность применения системы процессно-ориентированного анализа рентабельности для анализа эффективности деятельности.

Summary. The paper presents a model of process-oriented approach to the description of commercial legal entities' business activity. The concept of "business entity" is redefined. A review of different efficiency evaluation methods of commercial companies is given. The cons-benefit analysis of a company is substantiated as a practical way of efficiency evaluation.

Ключевые слова: предпринимательская структура, эффективность, бизнес-процесс, микро- и макросреда организации, управление, методы оценки.

Key words: business entity, efficiency, business process, micro- and macroenvironment, management, methods of evaluation.

УДК 334

В современных условиях хозяйствования, характеризующихся экономической нестабильностью, жесткой конкуренцией между предприятиями, характерно повышенное внимание к проблеме эффективности деятельности с позиции самих хозяйствующих субъектов на всех уровнях экономики (организация, отрасль, регион).

В условиях, когда существует неопределенность получения конечного результата, оценка экономической эффективности деятельности предпринимательских структур возможна лишь с достаточной степенью приближения, что свидетельствует об актуальности вопроса повышения степени достоверности получаемых оценочных значений.

В статье предлагается модель деятельности предпринимательской структуры с точки зрения процессно-ориентированного подхода. Обосновывается целесообразность применения системы процессно-ориентированного анализа рентабельности для оценки эффективности деятельности структур предпринимательского типа. Для этого уточняется определение предпринимательской структуры. Анализируются преимущества и недостатки существующих систем оценки эффективности деятельности.

В нашем понимании *предпринимательская структура* – это юридически оформленная, иерархически структурированная, самостоятельно функционирующая экономическая единица, деятельность которой направлена на получение прибыли и заключается в постоянном поиске оптимальной формы соответствия рыночным требованиям в конкретный момент развития рынка.

Предпринимательские структуры, о которых идет речь, не следует отождествлять с малым бизнесом, открытием бизнеса, инвестиционными проектами и просто способом быстрого обогащения. Предпринимательские организации не связаны с размером бизнеса, какой-то определенной отраслью, территорией или культурой. Любая предпринимательская структура более устойчива, когда внутренний порядок позволяет ей сопротивляться внешним негативным воздействиям.

Среди новых предпринимательских структур в России резко увеличилось число АО, инвестиционных фондов и компаний. В эффективно действующей предпринимательской структуре ни одна операция не должна оставаться без контроля. В этой связи удобно рассматривать деятельность предпринимательской структуры как совокупность взаимосвязанных между собой бизнес-процессов производственного и непроизводственного (финансового) характера.

Модель процессно-ориентированного подхода к описанию деятельности приведена на рис. 1.

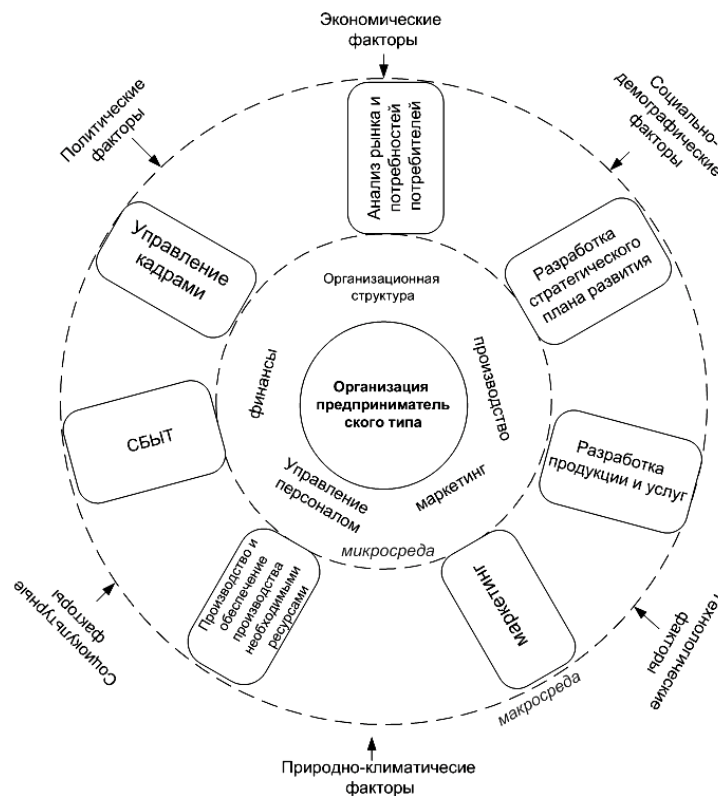

Рис. 1. Модель процессно-ориентированного подхода к описанию деятельности организации предпринимательского типа

В рамках данной модели представлена зависимость деятельности организации от факторов микро- и макросреды [1].

Для внедрения процессно-ориентированного подхода на предприятии необходимо:

- 1) определить цели, задачи и стратегию развития предприятия;
- 2) выделить бизнес-процессы, определить их порядок и взаимосвязь;
- 3) назначить владельцев процессов и предоставить им полномочия;

Королёва О. В.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРУКТУР ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ТИПА НА ОСНОВЕ ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

- 4) установить границы процессов, идентифицировать входы и выходы;
- 5) определить технологии реализации бизнес-процессов;
- 6) обеспечить наличие необходимых ресурсов и информации;
- 7) определить критерии оценки экономической эффективности процессов;
- 8) осуществлять управление бизнес-процессами;
- 9) реализовывать мероприятия по рационализации бизнес-процессов.

Когда определены факторы микро- и макросреды, сформулированы цели и задачи предпринимательской структуры, разработана стратегия и определены бизнес-процессы организации, возникает вопрос: «Как оценить эффективность деятельности организации?»

На данный момент разработаны следующие концепции, определяющие подходы к оценке эффективности деятельности: традиционная финансовая модель, стоимостная модель, система сбалансированных показателей, система процессно-ориентированного анализа рентабельности.

Использование традиционной финансовой модели при оценке эффективности деятельности основано на рыночном типе хозяйственного мышления, в соответствии с которым все параметры, влияющие на эффективность деятельности предприятия, находятся среди факторов его внутренней среды. Разработанные методики финансового анализа основываются на данных периодической отчетности предприятия за прошедший период. В рамках данной модели предполагается, что результаты деятельности предыдущего периода могут свидетельствовать о текущей эффективности деятельности предприятия. С точки зрения собственника, финансовые результаты деятельности компании, достигнутые за прошедший период, не могут отражать эффективность его предпринимательской деятельности, которая должна быть выражена в увеличении капитала, что было обосновано еще К. Марксом [3]. Для этого необходимо учитывать последствия принимаемых решений и их влияние на результативность деятельности компании в будущем, с учетом изменения факторов внешней среды.

Оценивать увеличение стоимости и, как следствие, эффективность деятельности компании предлагается на основе факторов стоимости компании. Том Коупленд, Тим Коллер, Джек Мурин определяют факторы стоимости как: «...любую переменную, влияющую на стоимость компании» [2]. Одной из самых распространенных концепций в рамках данного типа хозяйственного мышления является концепция добавленной стоимости (EVA), предложенная Д. Стерном и Б. Стюартом, которая рассматривает рост эффективности как превышение рентабельности используемого капитала над затратами на его привлечение. Практической реализацией данной концепции выступают модель EVA и модель дисконтированных денежных потоков (DCF). Применению показателя EVA в качестве основы для построения системы оценки эффективности деятельности компании присущи такие недостатки, как использование данных прошедшего периода и большого числа поправок, сближающих балансовую и рыночную стоимости активов компании.

Система сбалансированных показателей (Balanced Scorecard), разработанная Институтом Нолана Нортон под руководством Дейвида Нортон, рассматривает эффективность деятельности компании по четырем взаимосвязанным составляющим: финансовой, клиентской, внутренних бизнес-процессов, обучения и развития. В рамках этих составляющих выделяются показатели, для которых можно определить целевое значение, достижение которого отвечает стратегическим задачам компании. Если индикатор не достигает своего целевого значения, то это свидетельствует о наличии фактора, сдерживающего или противодействующего достижению стратегических целей. Таким образом, данная система позволяет анализировать эффективность деятельности компании по основным составляющим и структурным подразделениям. Однако система сбалансированных показателей не дает четкого интегрированного показателя, который мог бы выступать в качестве итоговой оценки, что не позволяет собственникам получить представление об эффективности деятельности компании в целом.

Система процессно-ориентированного анализа рентабельности (ABPA, Activity-based Performance Analysis), разработанная американским экономистом Маршалом Мейером в 2002 г., делает акцент на эффективность отдельных бизнес-процессов компании [4]. Данная система основана на достаточно простой предпосылке: если понятны бизнес-процессы компании, ее расходы, а также генерируемые этими процессами доходы, приносимые клиентами, то появляется мощный инструмент измерения и повышения эффективности деятельности компании. ABPA позволяет определить действительную рентабельность тех или иных продуктов и услуг. Новый метод основан на двух популярных концепциях: сбалансированной системе показателей (Balanced Scorecard), или концепции использования нефинансовых показателей, определяющих финансовые результаты, и ABC (Activity-based Costing процессно-ориентированный учет затрат), или концепции определения затрат в разрезе бизнес-процессов. Происходит составление как затрат, так и доходов в разрезе клиентов и процессов. Особенность методики ABPA заключается в том, что она позволяет определить рентабельность тех или иных продуктов и услуг и тем самым рекомендовать те или иные продукты или услуги к продаже, а в некоторых случаях рекомендовать, какие продукты или услуги следует поставлять без наценки. «Очень редко компания занимается только одной продукцией, гораздо чаще ассортимент широк. В этом случае расходы (выраженные в процентах) являются средней величиной расходов (в процентах) по отдельным продуктам ассортимента, однако менеджеры не могут эффективно работать со средними результатами» [6]. В то же время требование системы заключается в мониторинге всех транзакций компании с клиентами, а также отслеживании себестоимости данных транзакций.

Обозначив покупателя как единицу анализа или как центр прибыли, становится возможным установить связь, с одной стороны, между процессами и себестоимостью процесса, а с другой стороны, между доходами и рентабельностью.

Требованием ABPA является наличие трех типов данных: себестоимость процесса, доходы в разрезе клиентов, а также данные о процессах, осуществляемых для каждого клиента. В системе ABPA отслеживаются все три параметра, и затем дается оценка чистого дохода как функции от исполняемых для клиента процессов. Таким образом, система фиксирует прямой и косвенный вклады процессов в величину чистого дохода, где последний показатель выражается значением уровня взаимоотношений с клиентом.

Рассмотрев перечисленные системы оценки эффективности, можно сформулировать основные преимущества и недостатки каждой (см. табл. 1).

Таблица 1

Анализ преимуществ и недостатков различных систем оценки эффективности деятельности предприятия

Системы оценки эффективности	Преимущества	Недостатки
<i>Традиционные финансовые модели</i>	– простота внедрения; – простота при использовании в системе материального стимулирования	– не учитывают факторы внешней среды и последствия принимаемых решений; – отсутствие гибкости системы; – трудности при применении к прогнозированию
<i>Стоимостные оценки (DCF – дисконтированных денежных потоков, модель факторов стоимости)</i>	– интегральный показатель – стоимость компании; – простота при использовании в системе материального стимулирования	– неполный охват уровней организации (трудности при учете нефинансовых факторов); – используемые показатели дублируют информацию

Системы оценки эффективности	Преимущества	Недостатки
<i>Сбалансированная система показателей</i> (BSC, Balanced Scorecard)	<ul style="list-style-type: none"> – охватывает все уровни организации; – логически взаимосвязанная система показателей; – гибкая система показателей 	<ul style="list-style-type: none"> – отсутствие интегрального показателя (большое количество разных показателей); – трудности при применении к компенсации; – трудности при внедрении (значительные временные затраты на разработку и проверку значимости показателей системы)
<i>ССП на основе факторов стоимости</i>	<ul style="list-style-type: none"> – охватывает все уровни организации; – логически взаимосвязанная система показателей; – интегральный показатель – стоимость компании 	<ul style="list-style-type: none"> – дублирование информации в показателях; – трудности при внедрении (значительные временные затраты на разработку и проверку значимости показателей системы)
<i>Система процессно-ориентированного анализа рентабельности</i> (ABPA, Activity-based Performance Analysis)	<ul style="list-style-type: none"> – охватывает все уровни организации; – связи между показателями определяются бизнес-процессами; – получение четких сигналов о необходимых изменениях 	<ul style="list-style-type: none"> – эффективность внедрения системы на предприятиях зависит от количества вспомогательных и общехозяйственных процессов; – трудности при применении в системе материального стимулирования для вспомогательных подразделений

Методика процессно-ориентированного анализа рентабельности аналитически упрощает сложные организации путем ответа на ряд вопросов: что компания осуществляет для своих клиентов, сколько это стоит и сколько клиенты готовы за это платить?

До настоящего времени существует множество организационных структур: иерархические, функциональные, дивизионные, матричные, циклические и т.д., но все они сосредоточены на внутренней архитектуре компании. Сейчас же менеджеры все больше зависят от информации, поступающей извне. Возросла значимость внешних взаимосвязей с клиентами, произошел сдвиг от производства на сферу услуг. Как процессно-ориентированный учет затрат распределяет общую величину затрат на затраты по отдельным бизнес-процессам, так и общую выручку можно распределять на доходы отдельных бизнес-процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котлер, Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер, Г. Армстронг, Д. Сондерс, В. Вонг; пер. с англ. – 2-е европ. изд. – М.; СПб.; Киев: ИД Вильямс, 1998. – 1056 с.
2. Стоимость компаний: оценка и управление / Т. Коупленд [и др.]. – М.: Олимп-Бизнес, 2004. – С. 124.
3. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. – М.: Изд-во полит. лит., 1975. – Т. 1. Гл. 4. С. 161.
4. Мейер, М. Оценка эффективности бизнеса: что будет после сбалансированной системы показателей / М. Мейер, В. Маршал. – М.: Вершина, 2004. – 272 с.
5. Ольве, Н. Г. Оценка эффективности деятельности компании. Практическое руководство по использованию сбалансированной системы показателей / Н. Г. Ольве, Ж. Рой, М. Ветер. – М.: ИД Вильямс, 2003. – 304 с.
6. Самохвалов, В. Как определить ключевые финансовые факторы стоимости? // Управление компанией. – 2004. – № 5. – С. 34-38.

Несмачных О. В.
O. V. Nesmachnykh

ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

PROJECT MANAGEMENT PRINCIPLES WITHIN PUBLIC PRIVATE PARTNERSHIPS IN THE INTERNATIONAL ECONOMY

Несмачных Ольга Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных отношений Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (Россия, Санкт-Петербург); 8(911)742-13-82. E-mail: olga-nesmachnykh@yandex.ru.

Ms. Olga V. Nesmachnykh – PhD, Senior Lecturer, Department of International Relations, St.-Petersburg State Polytechnic (Russia, St.-Petersburg); 8 (911) 742-13-82. E-mail olga-nesmachnykh@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрено государственно-частное партнерство (ГЧП) как основная тенденция развития информационной экономики, обозначены проблемы и перспективы его существования, предложены принципы управления проектами ГЧП.

Summary. The paper considers public-private partnerships as the key tendency of development in the information economy; its challenges and perspective are outlined; management principles for such projects are proposed.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, принципы управления, стратегическая эффективность, финансовое регулирование.

Key words: public-private partnership, management principles, strategic efficiency, financial regulation.

УДК 334:336

Современной тенденцией международной экономики является стремление к инновационному развитию, что катализируется процессами глобализации и усиления конкуренции между предприятиями на всех уровнях. Внедрение инноваций в сфере бизнеса становится основным движущим фактором в информационной экономике, но вне бизнеса инновационные технологии развиваются очень слабо, несмотря на огромные потребности рынка. Это связано с неспособностью частных предприятий полностью взять на себя риски и финансирование социально-значимых проектов (в сфере медицины, образования, строительства).

Исходя из этой тенденции в экономике ряда развитых, а в последние десятилетия и развивающихся стран возникла особая форма взаимодействия бизнеса и власти. Речь идет о партнерстве государства и частного сектора, обозначаемого обычно термином Public-Private Partnership (PPP). В российской литературе принят термин «государственно-частное партнерство» (ГЧП). ГЧП представляет собой институциональный и организационный альянс государственной власти и частного бизнеса с целью реализации общественно значимых проектов в широком спектре сфер деятельности – от развития стратегически важных отраслей экономики до предоставления общественных услуг в масштабах всей страны или отдельных территорий.

В мировой практике существуют различные подходы к определению ГЧП. В практическом руководстве ООН дается следующее определение такого партнерства в сфере инфраструктуры: ГЧП основывается с целью обеспечить финансирование, планирование, исполнение и эксплуатацию объектов, производств и предоставления услуг государственного сектора. Канадское управление проектами ГЧП трактует его как «Совместная деятельность между публичным и частным секторами, основанная на экспертизе каждого партнера, что наилучшим образом удовлетворяет ясные общественные потребности посредством соответствующего распределения ресурсов, рисков и наград».¹

Международная ассоциация проектного финансирования (*International Project Finance Association*) выделяет три разновидности государственно-частного партнерства:

1) привлечение частного партнера в предприятия, контролируемые государством, допускающее продажу как миноритарного, так и контрольного пакета акций;

¹ Из отчета по проекту «Государственно-частное партнерство в социальной сфере – распространение опыта Великобритании и Санкт-Петербурга».

Несмачных О. В.

ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

2) соглашения, по которым государство обязуется закупать у частного партнера предоставляемые им высококачественные услуги на долгосрочной основе. Движущей силой таких соглашений является признание за частным сектором преимуществ в области финансового менеджмента и управления производством. Такие соглашения заключаются на основе концессионных или франчайзинговых механизмов и, как правило, включают обязательство частного партнера не только по оказанию определенных услуг, но и его ответственность за поддержание и реновацию передаваемых ему активов, а также создание новых активов, необходимых для поддержания качества предоставляемых услуг;

3) партнерские соглашения, в которых опыт частного партнера и его финансовые возможности являются жизненно важными для проекта, предполагающего использование коммерческого потенциала государственных активов.

ГЧП в России очень часто выступает как основная движущая сила формирования кластеров в системе региональных экономик. С помощью государства предприятия кластера решают проблемы недостатка финансирования инновационных проектов, разделения рисков между их участниками, стимулирования развития малого и среднего бизнеса и т.п. При этом государство само становится полноправным участником кластера, что является особенностью развития кластерных инициатив в России.

Как показывает мировая практика, применение механизмов ГЧП имеет ряд преимуществ:

- возможность осуществления общественно значимых проектов, малопривлекательных для традиционных форм частного финансирования, в наиболее короткие сроки;
- повышение эффективности проектов за счет участия в них частного бизнеса, как правило, более эффективного на рынке, чем государственные институты;
- оживление рыночной конъюнктуры и роста инвестиционной привлекательности регионов;
- снижение нагрузки на бюджеты всех уровней за счет привлечения частных средств и перекладывания части затрат на пользователей (коммерциализации предоставления услуг);
- оптимизацию структуры финансирования за счет использования государственной (национальной) и международной поддержки и расширения доступа к новым источникам финансирования;
- концентрацию внимания государственных органов на наиболее свойственных им административных функциях;
- сокращение государственных рисков за счет распределения их между частным бизнесом и государством;
- возможность привлечения лучших управленческих кадров, техники и технологий;
- улучшение механизмов и моделей оказания услуг, повышение качества обслуживания конечных пользователей.

Помимо преимуществ в деятельности проектов ГЧП существует и ряд проблем, препятствующих развитию этих проектов и, как следствие, сдерживающих развитие кластеров в России. Среди основных негативных факторов следует выделить высокую степень риска совместных проектов, которые, как правило, имеют социальную направленность. Риски связаны с возможностью неполучения желаемого дохода, который бы покрыл вложенные издержки, задержками в финансировании со стороны государства, что может неблагоприятно повлиять на эффективность осуществляемых проектов, с юридическим оформлением сделок и прав собственности на создаваемый продукт.

Кроме того, в проектах ГЧП не существует единства в критериях и показателях эффективности осуществляемого проекта. На государственном уровне критерием эффективности может являться рост регионального ВВП, увеличение рождаемости, снижение смертности и другие показатели, в зависимости от вида осуществляемого проекта. На уровне предприятия критерии эффективности связаны с ростом прибыли, выручки, снижением налоговой нагрузки, улучшением качества продукта и оптимальностью распределения финансовых средств. Отсутствие единой системы показателей эффективности требует построения иерархической системы, включающей показатели эффективности проекта на всех уровнях и отражающей взаимозависимость показателей различных уровней иерархии.

Важнейшей сферой в проектах ГЧП является сфера управления финансами, которая обеспечивает их возникновение, контролирует распределение финансов, их целевой расход, формирует показатели эффективности деятельности ГЧП, справедливое распределение доходов и т.п. Управление финансами в ГЧП затруднено множественностью очагов возникновения финансовых потоков, двойным подчинением распределения финансовых средств, отсутстви-

ем субъекта управления в данном случае, невозможностью осуществлять контроль большинства финансовых операций и т.д.

Очевидно, что развивающееся партнерство, в отличие от традиционных административных отношений, создает свои базовые модели финансирования, отношений собственности и методов управления, требующие создания единой системы принципов взаимодействия участников интеграционных проектов. В связи с этим необходимо выделить базовые принципы взаимодействия участников в проектах ГЧП:

1) *общность интересов* участников государственно-частного партнерства при реализации государственной политики;

2) *добровольность участия* в государственно-частном партнерстве;

3) *«прозрачность» выбора партнера* из числа субъектов негосударственного управления;

4) ориентация на *получение измеряемого результата* (количественного или качественного);

5) *учет общественного мнения* о необходимости реализации проектов или программ на условиях государственно-частного партнерства на конкретных территориях и др.

Помимо самой возможности организации проекта необходимо продумать стратегические цели, задачи, а также критерии эффективности взаимодействия бизнеса и государства. Для этого применимы принципы стратегической эффективности:

1) Принцип объединения – характеризует добровольное, двустороннее (или многостороннее) объединение активов компании и государства.

2) Принцип структурной оптимизации предполагает регулирование состава и структуры проекта, контроль необходимого и достаточного количества участников, объема финансовых потоков, производственных мощностей для достижения эффекта масштаба и экономии на издержках.

3) Принцип открытости подразумевает открытость информации для всех участников ГЧП, формирование единого информационного пространства, позволяющего вовремя узнавать об изменениях потребностей рынка, критериев эффективности проекта для каждого из участников, прозрачность финансового управления распределения доходов.

Учитывая важность и специфичность финансового управления ГЧП, необходимо предложить принципы финансового управления проектами:

1) Принцип управления финансовыми отношениями означает необходимость оптимальности распределения финансовых потоков внутри интеграционной структуры, отсутствие дублирования функций между участниками финансового процесса, снижение транзакционных издержек в сфере управления финансами, а также объединение финансов участников проекта в единую финансовую структуру интеграционного объединения.

2) Принцип управления налоговыми отношениями подразумевает необходимость учета возможности получения налоговых льгот при осуществлении проектов ГЧП, экономии на налогах при уменьшении налогооблагаемой базы или использования государственных долговых обязательств в качестве средства финансирования и т.п.

3) Принцип мобилизации финансовых ресурсов означает необходимость привлечения всех возможных средств частного бизнеса, в том числе и тех, которые он может получить при поддержке государства (гранты, субсидии, займы при поручительстве государства и т.д.).

4) Принцип эффективности формирования и использования финансовых источников означает необходимость формирования грамотного механизма финансирования проектов ГЧП, который позволяет увеличить рентабельность производства, снизить издержки использования заемного финансирования и увеличить эффективность взаимодействия участников.

Управление проектами ГЧП на основе сформированных принципов позволит избежать многих существующих проблем и возникновения новых, а также повысит эффективность проектов ГЧП, что будет непосредственно стимулировать такого рода партнерские отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веретенников, Н. П. Корпорации: организационные формы, принципы и функции управления / Н. П. Веретенников, Р. Г. Леонтьев. – М.: ВИНТИ РАН, 2003.
2. Бандилет, А. Транзакционный анализ вертикально-интегрированных связей в нефтяной отрасли / Анжелика Бандилет // ЭКОВЕСТ. – 2004. – № 1. – С. 152-178.
3. Бандурин, А. В. Деятельность корпораций / А. В. Бандурин. – М.: БУКВИЦА, 2009. – 600 с.
4. Литовченко, В. В. Теория и методология формирования финансовой стратегии предприятий: моногр. / В. В. Литовченко. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2007.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ
CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Докучаев И. И.
I. I. Dokuchaev

**ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «КОГНИТИВНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»**

**INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE
“COGNITIVE INTEGRITY OF MAN”**

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokutchayev – Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Общая информация.

С 24-го по 26-е сентября Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет принимал у себя десятую конференцию, посвященную актуальным проблемам социально-экономического и гуманитарного знания.

Международная научно-практическая конференция под названием «Когнитивная целостность человека» была организована при поддержке Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Дальневосточного федерального университета при участии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Научного совета Российской академии наук по методологии искусственного интеллекта, Хабаровского научного центра Дальневосточного отделения Российской академии наук. В конференции приняли участие ученые из Комсомольска-на-Амуре, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Хабаровска, Владивостока, Петропавловска-Камчатского, Благовещенска, Ванино, Елизово, Уссурийска. Среди участников 14 докторов наук, профессоров, 7 кандидатов наук, доцентов. Активное участие принимали и молодые ученые, среди них 13 аспирантов. На конференцию приехали представители двух научных организаций (Российская академия наук: Институт философии, Издательская фирма «Наука») и десяти российских университетов: Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета; Санкт-Петербургского государственного университета; Уральского федерального университета; Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета; Амурской государственной медицинской академии; Хабаровской государственной академии экономики и права; Дальневосточного федерального университета; Дальневосточного государственного университета путей сообщения; Дальневосточного государственного гуманитарного университета; Морского государственного университета им. Г. И. Невельского. Один человек представлял организацию – Управление образования Елизовского района Камчатского края. Всего в конференции приняли участие 34 человека, из них 17 – младше 39 лет. Тема конференции оказалась интересной специалистам по всем областям когнитивных наук: философам и социологам, культурологам и филологам, физиологам и психологам.

Формат конференции представлял собой два пленарных и два секционных заседания, на которых представители разных наук вырабатывали общую позицию по существу решения проблемы когнитивной целостности человека. Кроме того, в течение третьего дня конференции был проведен итоговый круглый стол.

В рамках конференции прошла работа Школы молодых ученых: были прочитаны четыре лекции на актуальные и вечные темы, связанные с основной проблемой конференции (ин-

формационная революция и абстрактное мышление, виртуальность и субъективность, немецкая философия консервативной революции и марксизм в современной научно-философской картине мира). В качестве лекторов выступили доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета А. М. Соколов, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета С. И. Дудник, доктор философских наук, профессор, заместитель директора Санкт-Петербургской издательской фирмы «Наука» Российской академии наук В. М. Камнев, а также начальник департамента философии Уральского федерального университета А. В. Перцев. Лекции посетили и приняли участие в обсуждении, состоявшемся после каждой из них, более ста молодых ученых, студентов, аспирантов университета и других городских образовательных учреждений.

Международная научно-практическая конференция посвящена ключевой проблеме антропологического знания – поиску оснований когнитивной целостности человека. В ходе конференции был обсужден комплекс вопросов, связанных с пониманием существа бытия человека как особого сущего, чье место в космосе определяется способностью к когнитивной деятельности. Конференция показала, что исследование когнитивности необходимо осуществлять комплексно и с учетом данных многих социальных, гуманитарных и культурологических наук. Оно позволяет свести воедино всю совокупность этих данных, предложить методологию их систематизации. На конференции были рассмотрены методологические аспекты когнитивистики, ее роль в современной системе социально-гуманитарных и культурологических наук. Все участники конференции согласились, что важнейшая проблема современной когнитивистики – поиск оснований для исследования целостного бытия человека.

Работа конференции широко освещалась в СМИ города и края. Телевизионные каналы РТР и НТВ, «Наш город», «Новая неделя», «Ваше право», «Дальневосточный Комсомольск», журналы «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке», «Личность. Культура. Общество», информационные порталы Интернета, принадлежащие Комсомольскому-на-Амуре государственному техническому университету, Дальневосточному университету путей сообщения, представили аналитические обзоры материалов конференции и интервью с ее участниками.

Обзор выступлений.

Программа работы включала в себя два пленарных и два секционных заседания, касающихся различных проблем, связанных с выявлением принципов когнитивной целостности человека: 1) «Культурные и социальные основания когнитивной целостности человека»; 2) «Онтологические и психологические основания когнитивной целостности человека».

Первое пленарное заседание включало пять докладов. Оно началось выступлением «Кто ясно мыслит? Опыт когнитивного анализа научного текста» профессора Рудольфа Львовича Лившица, доктора философских наук, профессора Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета. Он сообщил, что сегодня научные тексты, создающиеся не только молодыми учеными, но и кандидатами, и даже докторами наук, в огромном множестве лишены смысла и не соответствуют нормам русского языка. Ясность мысли невозможна без ясности ее языкового выражения, которая, в свою очередь, обусловлена однозначностью и предметностью, грамматической связностью и общеупотребительностью.

Следующий докладчик, Андрей Юрьевич Завалишин, доктор социологических наук, доцент Хабаровской академии экономики и права, в своем выступлении на тему «Трансфания как аллегорическое отражение трансцендентной реальности», рассмотрел опыт осознания человеком трансцендентной реальности, каковой он предложил назвать «трансфанией». Механизм восприятия трансфании, по мнению ученого, имеет аллегорический характер, так как предполагает встраивание элемента неизведанного мира в привычный человеку мир его окружения.

Докучаев И. И.

ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«КОГНИТИВНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»

Интерес вызвал доклад доктора философских наук, профессора Дальневосточного университета путей сообщения Александра Семеновича Брейтмана «О когнитивных возможностях экрана», в котором анализировался язык экрана как особое художественное средство познания человека. Учитывая синтетическую природу «экрана», основой такого синтеза профессор предложил считать монтаж, являющийся главным выразительным средством кино и способом организации его формы и содержания.

В докладе доктора философских наук, профессора Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета Ильи Игоревича Докучаева «Аксиологические основания когнитивной целостности человека» отмечалось, что целостность когнитивных процессов обусловлена не только гносеологическими, но и аксиологическими составляющими, причем последние выступают как фундамент первых, хотя их достоверность не подтверждается классическими феноменологическими методами. Профессор утверждал, что прояснение зависимости между этими составляющими до сих пор не завершено и является одним из главных объектов исследования современной философии.

Вячеслав Аркадьевич Сакутин, доктор философских наук, профессор Морского государственного университета им. Г. И. Невельского в своем выступлении «Проблема целостности человека: Рекурсивное и дискурсивное измерение» утверждал, что когнитивная целостность человека есть лишь аспект антропологической целостности, причем дискурсивные практики, к каковым относятся позитивные науки, не в состоянии прояснить эту целостность. Основным методом ее выявления, по мнению профессора, выступает рекурсивное герменевтическое движение, то есть постоянное возвращение к основаниям собственного бытия.

В ходе секционного заседания выступили молодые ученые, среди которых отметим следующие имена.

Роман Сергеевич Легких, аспирант кафедры философии Дальневосточного государственного университета путей сообщения, в своем докладе «Соотношение понятий религиозного опыта и мистического опыта» утверждал, что указанные виды опыта можно соотнести с помощью категорий социальное – индивидуальное и следствие – причина.

Екатерина Юрьевна Мальнева, кандидат филологических наук, старший преподаватель Дальневосточного государственного гуманитарного университета, в своем выступлении на тему «Семантические и ментальные константы: концепты эпохи Романтизма в современной англоязычной лингвокультуре» утверждала, что миф об американской мечте является современной формой романтизма, который, в свою очередь, представляет собой константу историко-культурного процесса.

Евгений Владимирович Нижельский, аспирант Дальневосточного государственного университета путей сообщения, проанализировал в докладе «Антропогенные факторы как маркёры этнической общности» современные концепции биологических характеристик этноса. В итоге он признал, что эти характеристики не играют сегодня значительной роли в ходе организации этнических сообществ, поскольку могут быть подтверждены только относительно крупных социальных групп, таких, как расы.

Андрей Анатольевич Иванов, кандидат культурологии, доцент Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, опираясь на мемуарные и дневниковые источники, рассказал в докладе «Расщепленность сознания русской интеллигенции сталинской эпохи» о том, что большинство представителей советской интеллигенции эпохи культа личности И. В. Сталина горячо поддерживали происходящее в стране, но тем не менее подвергались жесточайшему моральному гнету и даже репрессиям, которые ощущали как несправедливые и тягостные.

Второе пленарное заседание включало четыре доклада. Оно началось выступлением «Когнитивные процессы и мозг» Давида Израилевича Дубровского, доктора философских наук, ведущего научного сотрудника Института философии Российской академии наук. В этом докладе отмечалось, что современная когнитивистика приблизилась к решению многих проблем, которые еще недавно казались недостижимыми: расшифровке мозговых кодов пси-

хических процессов, адекватному и полному информационному моделированию субъективной реальности человека, созданию искусственных биосистем. Эти достижения требуют от ученых максимума напряжения интеллектуальных и физических сил, и открывают необозримые перспективы. Однако эти перспективы тают не только позитивные, но и негативные возможности, требующие сложного этического отношения.

В докладе доктора философских наук, профессора Дальневосточного государственного университета путей сообщений Юрия Михайловича Сердюкова «Информационно-антропологическая модель когнитивной целостности человека» рассматривалась структура трансцендентальной реальности, которая существует наряду с объективной и субъективной. По мнению профессора, к основным формам трансцендентальной реальности относятся магия, мантика, мистицизм, околосмертный опыт, пренатальный опыт, опыт измененных состояний сознания.

Александр Георгиевич Никитин, доктор философских наук, профессор Ванинского филиала Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, в своем выступлении «Функциональная детерминация в научном познании: Когнитивное содержание и механизм действительности» попытался сформулировать основные детерминанты научного познания, создающие его функции, то есть отношения между субъектами и объектами научного познания. К числу подобных детерминант профессор относит ценностно-нормативные характеристики, выражающие индивидуальные и социальные характеристики субъекта познания.

В ходе секционного заседания выступили молодые ученые, среди которых отметим следующие имена.

Любовь Владимировна Михеева, аспирант Дальневосточного государственного университета путей сообщения, в своем сообщении «Когнитивные функции восприятия» рассмотрела некоторые современные подходы к исследованию функций восприятия как инструмента познания; она трактует этот психический процесс как конкретное событие, требующее системного подхода, включающего анализ распознавания образов, внимания, обучения, памяти, формирования понятий, мышления, воображения.

Надежда Юрьевна Степанова, кандидат философских наук, старший преподаватель Хабаровской государственной академии экономики и права, в своем выступлении «Когнитивные стратегии лечения депрессии в процессе иппотерапии» отметила, что общение с лошадьми, как и с другими животными, способствует нормализации когнитивных процессов и может быть использовано в ходе лечения депрессии, поскольку такой контакт является предельно подлинным и не предполагает каких-либо социо-культурных посредников, искажающих психическую реальность человека.

Ирина Владимировна Тыщенко, аспирант Дальневосточного государственного университета путей сообщения, выступая на тему «Когнитивная ценность трансперсонального опыта», обратила внимание на ценность одной из частей трансперсональной реальности – пренатального опыта, обосновав ее тем, что данный опыт выступает основополагающей структурой процесса познания природы человека.

Докучаев И. И.

НЕКРОЛОГ. УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР,
ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ НАШЕГО ЖУРНАЛА ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ДОЛГОВ

Докучаев И. И.

I. I. Dokuchaev

**НЕКРОЛОГ. УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР,
ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ НАШЕГО ЖУРНАЛА ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ
ДОЛГОВ**

**OBITUARIES: LEV N. DOLGOV, DOCTOR OF HISTORICAL STUDIES, PROFESSOR,
MEMBER OF THE EDITORIAL BOARD OF THE UNIVERSITY'S JOURNAL**

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

Mr. Ilya I. Dokuchaev – Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

29 апреля 2012 г. ушел из жизни выдающийся ученый, исследователь истории Дальнего Востока, прекрасный преподаватель и организатор образования в Комсомольске-на-Амуре, человек светлой души и высокой порядочности – Лев Николаевич Долгов. Писать о нем некролог – тяжелая задача для человека, хорошего знавшего Льва Николаевича и работавшего с ним долгие годы. Слишком не хватает сегодня таких людей, как Лев Николаевич.

Профессор Л. Н. Долгов был одним из крупных специалистов по истории экономики Дальневосточного региона. Он автор почти 100 научных работ, среди которых две книги и глава в коллективной академической монографии, посвященных этой проблеме. Среди его учеников – шесть кандидатов наук. Лев Николаевич долгие годы заведовал кафедрой истории КнАГТУ, а в Амурском гуманитарно-педагогическом университете он создал исторический факультет. Все, кто знали Льва Николаевича как ученого и как человека, отмечали его талант и умение находить общий язык даже со своими оппонентами. Дар уважения к другому, присущий Льву Николаевичу в полной мере, – редкое свойство современного ученого.

С самого основания нашего журнала Лев Николаевич принимал активное участие в формировании его исторического отдела. Он был инициатором многих публикаций и тематического выпуска, посвященного юбилею нашего города. Профессор Л. Н. Долгов всегда был кропотливым и требовательным редактором, умевшим ценить лучшие стороны каждого материала, с которым он имел дело.

Светлая память о профессоре Льве Николаевиче Долгове навсегда сохранится в наших сердцах.

Шесть лет назад он был гостем рубрики *Persona Grata* газеты «Университетская жизнь в КнАГТУ». В память о Льве Николаевиче мы публикуем на страницах нашего журнала интервью с ним, данное мне в сентябре 2006 г.

Живой голос человека и ученого – лучшее воспоминание о нем.

– Расскажите, пожалуйста, где Вы родились, что окончили и как стали работать в нашем университете, как складывалась Ваша карьера?

– Родился я 24 августа 1946 г. в селе Кихчик Камчатской области. Отец мой работал там заместителем директора рыбокомбината. Школу оканчивал уже в Хабаровске в 1963 г. и там же поступил в педагогический институт на исторический факультет, который окончил в 1967 г. и был направлен в Комсомольск учителем истории в школу. В школе номер 22 я и проработал два года. В те времена распределение было делом серьезным, и увильнуть от него было весьма сложно, так что я и не пытался это сделать, хотя никак не думал, что останусь в Комсомольске на всю жизнь. В 1969 г. я стал работать в городском комитете комсомола, но понял, что это не мое и уже в 1970 г. перешел в КнАВПИ.

– И как складывалась потом Ваша карьера?

– Я еще в Хабаровске, будучи студентом, хотел заниматься научной работой, но распределение это не позволило сделать, а тогда в 1970 г. за меня замолвили словечко мои хаб-

ровские коллеги, и мне удалось осуществить свои планы. Помог мой научный руководитель Эрнст Михайлович Щагин, который даже сейчас еще работает, заведует кафедрой истории в Московском городском педагогическом университете имени В. И. Ленина. Это человек очень внимательный к своим ученикам, который всегда интересуется их судьбой и деятельностью. Мы с ним переписывались. Представляете, из Москвы писать письма своим бывшим студентам. Я оказался на кафедре марксизма-ленинизма. Мне сразу предложили аспирантуру, но я не чувствовал себя готовым и стал аспирантом в ДВГУ только с 1972 г. Моим руководителем был Георгий Александрович Умпелев. У меня, таким образом, было два замечательных учителя. До 1975 г. я учился в аспирантуре. И мне не повезло. Началась реорганизация ВАКа, были сокращены диссертационные советы, в том числе и наш владивостокский. Я оказался никому не нужен, пришлось обратиться вновь к Эрнсту Михайловичу. И в 1978 г. я защитился в МГПИ. После этого началась моя преподавательская карьера. Кафедра марксизма-ленинизма была вскоре поделена, и уже с 1979 г. я начал заведовать кафедрой истории КПСС. В 1989 г. я перешел в СНС, каковым и проработал два года. Все было готово к защите. А потом опять проблемы, в первую очередь, материального выживания. Защиту практически написанной диссертации я отложил, а в 1992 г. и вообще ушел в КнАГПУ, где возглавил исторический факультет. В 2000 г. был создан вновь диссертационный совет во Владивостоке, и там я защитил докторскую диссертацию, а в 2002 г. вернулся в КнАГТУ, поскольку выразил несогласие с тем отношением, которое проявило ко мне тогдашнее руководство университета. Был у меня конфликт с ректором, ныне покойным Владиславом Петровичем Баловым. А здесь меня очень хорошо приняли. Был я помощником ректора Юрия Георгиевича Кабалдина по связям с общественностью, а с его уходом возглавил совершенно новую структуру университета – Социально-гуманитарный институт.

– Теперь несколько слов, пожалуйста, о Ваших научных интересах, как они развивались, чем занимаетесь сегодня?

– Научной работой я стал заниматься еще в студенческие годы. Предмет – гражданская война и 20-е гг. на Дальнем Востоке. Этот мой интерес был связан с деятельностью научного руководителя. Потом уже сам стал заниматься проблемами истории экономической политики в нашем регионе. Если бы я не стал историком, то думаю, стал бы экономистом. Экономика всегда меня очень интересовала. Я изучал налоговую политику НЭПа в дальневосточной деревне. Вот содержание моей кандидатской диссертации. А докторская была посвящена экономической политике на Дальнем Востоке в целом, в рамках указанного периода. Плюс ко всему как раз к моменту завершения диссертации институт истории ДВО РАН готовил к выходу том, посвященный истории Дальнего Востока в указанный период. Мне удалось стать одним из его авторов, я написал экономический раздел. Работа над ним скорректировала и содержание моей докторской. А сейчас я работаю в принципе в русле той же темы, но мои интересы несколько расширяются благодаря тому, что я работаю с аспирантами. Их тематика тоже связана с историей Дальнего Востока, но уже в более широких временных и тематических рамках. Это и культура, и военная политика, и музееведение. В нашем совете, который занимается культурологией и историей, такие синтетические темы чрезвычайно актуальны. Я написал одну монографию и около шестидесяти статей. Монография моя посвящена экономической политике Дальнего Востока в период гражданской войны. Она, на мой взгляд, не потеряла своего значения и по сей день. В ней обсуждаются вопросы, которыми мало кто занимался, и ее результаты высоко оценили многие специалисты в соответствующей области.

– Мне хочется задать Вам вопрос как историку. Я вот полагаю, что историей мы занимаемся совсем не потому, что она в состоянии нас чему-либо научить, а как раз наоборот – потому, что в ней есть вещи, которые принципиально невозможны теперь. Это интерес к иному. Вы согласны со мной или нет?

– Я в принципе согласен с Вами. Главное в работе историка, по крайней мере для меня, – любопытство. Без субъективного интереса ничего не получится. Я вот обожаю работать в архиве, с документами, просто находить что-то новое. Процесс поиска материала – самый любимый этап моей работы. Это прикосновение к прошлому, после него оно открывается тебе, становится понятно. А потом приходится садиться за рутинную работу, которая оправдывает твой интерес перед другими, вот это уже и есть поиск актуальности прошлого. К этому привыкаешь только с годами. Хотя актуальность у прошлого, конечно, тоже имеется.

Докучаев И. И.

НЕКРОЛОГ. УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР,
ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ НАШЕГО ЖУРНАЛА ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ДОЛГОВ

Актуальность прошлого – это своего рода прочувствованная лично общественная потребность. В истории многое повторяется, и историки знают об этом, но, к сожалению, те, от кого что-либо зависит в социальной жизни, редко обращают внимание на слова историков, тем самым сводя актуальность прошлого почти к нулю.

– Но если она все-таки может быть обнаружена, то в чем, например, актуальность дальневосточного НЭПа?

– Я обратился к истории дальневосточного НЭПа в период экономических реформ А. Н. Косыгина, вносящих в жизнь элементы рынка, этот же мой интерес обострился и в период перестройки. Вот примеры той самой прочувствованной лично общественной потребности осмыслить то, что происходит теперь, обратившись к прошлому. Я понял, что прошлый опыт актуален хотя бы потому, что структура хозяйства, населения, геополитические факторы (взаимоотношения с нашими соседями) остались те же и продолжают определять жизнь российского Дальнего Востока. Содержание меняется, структура пока остается.

– У Вас большой опыт преподавательской работы. Не могли бы Вы сравнить теперешнее и советское образование, как-то оценить их различия?

– Есть и общее, есть и существенные различия. В советское время студенты-вечерники относились к образованию очень серьезно, это были взрослые люди, стремившиеся не корочку добыть, а повысить свою квалификацию. Дневники же в условиях бесплатного образования относились к нему так, что можно было говорить об известной инфляции образования, которую мы наблюдаем и теперь, но уже по другой причине, то есть из-за того, что коммерческие студенты могут попросту купить диплом, бюджетные студенты – наоборот, стараются учиться, потому что больше боятся быть отчисленными. Сказывается и демографический кризис, то есть попросту нехватка студентов. Одно время думали, что в условиях рыночной экономики можно прожить и без высшего образования, сейчас интерес к нему возрождается, более того, уже появляются первые признаки его целенаправленности, когда полученные навыки действительно используются затем на производстве. Это обнадеживает. Раньше все было очень четко и просто: четыре общественные дисциплины, стабильные программы, которые спускались из Министерства, а спрос жестче. Сейчас работать мне лично интереснее, потому что есть большие возможности для творчества и в плане содержания, и в плане форм. А самое главное – простор в области научной работы, богатство спектра ее методов, постановки и решения проблем.

– Теперь вопрос, который я задаю всем начальникам. Скажите, не мешает ли административная работа научной или учебной, то есть тому творчеству, о котором Вы только что говорили?

– Я никогда не стремился чем-либо руководить, но у нас всегда существовал дефицит квалифицированных руководителей. Приходилось считаться с этим. Человек, имеющий соответствующую квалификацию, должен думать не только о своих личных интересах. А работа администратора позволяет иногда решить какие-то учебные и даже научные задачи, чего нельзя было бы сделать в одиночку. Кроме того, она дает очень полезный опыт коммуникации с другими людьми, лучшие условия видения социальной жизни в целом, может быть, даже понимания прошлого. Это тоже форма познания. Хотя историческое познание, на мой взгляд, дело индивидуальное, а не коллективное.

– Теперь несколько вопросов о Вашем понимании задач социально-гуманитарного образования в вузе. Вы работали в педагогическом и техническом университетах. Скажите, различались ли эти задачи и их решения в зависимости от профиля университета? Уместно ли вообще гуманитарное образование в техническом вузе, ведь об этом в последнее время очень много спорят, в том числе и на уровне нашего Правительства?

– Педагогический вуз, в силу его профиля, имеет большую гуманитарную составляющую. Дело приходится иметь, прежде всего, с людьми, даже если ты преподаешь физику, химию или труд. Я даже думаю, что поэтому гуманитарное образование как таковое в педагогическом вузе сильнее, чем в техническом, и, наоборот, несмотря на наличие гуманитарной составляющей в техническом вузе, она не является там определяющей. Однако наш вуз сегодня обладает таким социально-гуманитарным потенциалом, что он, на мой взгляд, даже больше, чем сегодняшшний аналогичный потенциал КнАГПУ. Открытие социально-гуманитарных специальностей у нас, как и в других непрофильных вузах, начиналось с поиска новых источников зарабатывания денег, но у нас оно привело к тому, что возник полноценный

Социально-гуманитарный институт, с колоссальными кадровыми и иными ресурсами. Считаю, что для современного технического вуза это тоже нормально. Историк исходит из сложившихся обстоятельств; если они говорят о жизнеспособности того или иного явления, нет никакого смысла их изменять. Прецедентов много, в том числе и на Дальнем Востоке, достаточно упомянуть хотя бы ДВГТУ. Можно вспомнить и зарубежный опыт, ведь на Западе в каждом техническом вузе есть социально-гуманитарные направления подготовки. Разрушения социально-гуманитарного образования в технических и других непрофильных вузах нельзя допустить, это будет грандиозной ошибкой, гораздо более страшной, чем его создание, если кто-то и считает это создание ошибкой, с чем я категорически не согласен. Надо не разрушать, а искать наиболее рациональные пути использования накопленного в технических вузах социально-гуманитарного потенциала.

– В связи с этим напрашивается вопрос о перспективах нашего Социально-гуманитарного института, поскольку они Вам, как его директору, более понятны?

– Если говорить коротко, то главная цель Института – консолидация сил гуманитариев технического университета. В условиях реформы образования, надвигающегося демографического кризиса, изменения приоритетов в структуре профессиональной занятости такая консолидация – единственное условие полноценного развития, позволяющее выдержать существующую конкуренцию. Половина доходов нашего вуза есть результат коммерциализации предлагаемых образовательных услуг, нам тоже необходимо создавать такие предложения, которые будут пользоваться спросом и благодаря их качеству, и благодаря их уникальности на рынке. Вот как раз тот самый случай, когда сообща легче решать учебные и научные задачи.

– Чем Вы любите заниматься во время отдыха от работы, если, конечно, Вы различаете эти два вида деятельности?

– Работа, конечно, не все в моей жизни. Есть еще семья, дети, внуки, дом, дача, библиотека, накопленная, начиная еще со студенческих времен. Читать я очень люблю. Однако жизнь ученого и преподавателя такова, что жестко не распадается на работу и дом, в отличие, может быть, от жизни представителей других профессий. Ученый или преподаватель и дома продолжает заниматься тем, чем на работе. Я всегда воспринимал свою работу как часть самого себя и личной жизни.

– И последний вопрос. Расскажите о Ваших творческих планах. Что еще хотелось бы Вам сделать?

– Хотелось бы написать новую научную книгу, то есть может быть продолжить ту же самую об экономике Дальнего Востока, но сделать это заново, с учетом того, что открылось только теперь. Каждый ученый всегда пишет одну свою книгу (максимум – две), но каждый раз по-новому. И еще хочется написать такую сложную в стилистическом отношении книгу, нечто среднее между научной и мемуарной литературой – книгу об отце. Он у меня босиком ушел из своей деревни и стал крупным руководителем. Это был замечательный человек, с ним никогда не бывало скучно. Отец обладал удивительным чувством юмора, стиль его рассказов до сих пор помнится мне. В нашем семейном архиве сохранились документы о его деятельности. Мне и сама его эпоха безумно нравится. Может быть, стиль речи отца и стал бы тем единящим началом, которое сплავило бы в органическое целое личное воспоминание и научную историю, создав такое обращение к прошлому, о котором мы с Вами говорили, как о результате лично прочувствованной общественной потребности в истории.

– Спасибо, Лев Николаевич, за очень интересные ответы.